

**Алексей
Лавров**

**ОБРЕЧЁННЫЕ
ЖИТЬ**

2016

Осторожно, шокирующая фантастика!

История попадания в сознания обречённых на гибель, но неспособных поверить в собственную смерть и оттого бессмертных... Гаврошей, Томасов и Гекельберри в наихудшем из вообразимых вариантов. Игра на выживание без морали, без репутации, без опыта, без правил. Бредовый квест в крови среди подонков и психопатов свихнувшегося мира. Жёсткий рок пальбы и лязга стали, хруста костей и зубовного скрежета, предсмертных стонов и хриплых проклятий, визга и вони застенков. Продолжительность: не задана. Смысл: не задан. Условия выигрыша: не заданы. Задача: не нарочно изменить мир.

Алексей Лавров
Обречённые жить

Пролог

Как часто встречаем мы мертвецов? Играя в сети, расстреливая аватары других игроков, не посещала ли вас мысль, что человек за монитором может умереть прямо сию секунду, или мог умереть секундой ранее?

И на свежем воздухе вцепив в приятеля серию пулек с краской, что мы знаем о нём? Игровой логин, номер в команде... А он может быть тоже мёртв... как любой из нас.

На работе корочки, логин, номер в команде, в институте корочки, логин, в семье...

Да и неважно нам знать это про него, как и самим уже неважно, кто мы, пока идёт игра!

Часть первая

Мятеж

— Пионэры, идите в задницу!
Фаина Раневская.

Итак, берём низкий старт, наверное, самый низкий, для тех времён почти неотличимый от полного финиша — ребята оказались под водой, даже в гробу. Или почти в гробу — в верхнем трюме каторжного судна. Им ещё повезло, что судно всю жизнь прослужило в королевском флоте бомбардирским кораблём, и верхний его трюм это бывшая оружейная палуба, а нижний, настоящий, где особенно мокро и мерзко, завалили чем-то тяжёлым, задраили и даже засмолили. Так что хоть и под водой, то есть ниже ватерлинии, но не в луже, а просто на склизких от сырости досках.

В тесноте и в темноте, но не в обиде — никто же там не был виноват, что их всех ещё в Англии не повесили. То есть, если бы повесили, никто из них не сказал бы, что он в этом виноват, а вот к тому, что не повесили, они точно были непричастны — сами очень удивлялись. Ведь других, столь же ни в чём неповинных, но всё-таки признанных виновными в том, в чём их обвиняли, вешали без разбора рангов, пола и возраста.

Конечно же, если хоть кто-нибудь согласился бы их выслушать, ребята легко обосновали б любому королевскому судье, почему вот именно их вешать не следует — в силу молодости, стеснённых обстоятельств, общей жизненной несправедливости, происхождения, в смыслах от тяжёлой наследственности, до доблестных предков. Наконец, в более гуманные времена многих признали бы невменяемыми, большинство оправдали бы по состоянию аффекта. Ну и на самый крайний случай, сложись их обстоятельства более удачно, они бы просто зарезали любого королевского судью и удрали, или только б зарезали судью — неважно, главное, лучше бы им, как многим соотечественникам, вообще не попадать в руки правосудия.

Но и угодившим в лапы закона парням неслыханно повезло — их отчего-то не повесили сразу, ещё... Ну, не повесили, и ладно — потому им и на ум не пришло что-то обосновывать, как не стал бы на их месте думать, почему его ещё не убили любой другой подросток. Действительно, фигня какая — не оттого же, что они все мужеского полу, им не больше шестнадцати лет и в этот самый год преставилась королева Мария, как объявили уже на борту каторжника??? Кстати, кое-кто из них догадывался об истинных причинах, но помалкивал, были заботы и поважнее.

* * *

Захар рванул пацана сзади за плечи, но в горячке переоценил свои силы — его походя, отмахнувшись не глядя, ударили локтем в лицо, пацан упал на склизкие трюмные доски. И не смотря на то, что случилось это уже второй раз подряд, он судорожно поджал колени, перевернулся на четвереньки и снова бросил себя в свалку. Его не могли остановить побои — другая резкая боль в животе толкала к верёвке с узлами. И ещё что-то в душе вырывалось и гнало мальчишку к трюмному люку, как только открывалась тяжёлая крышка, и сверху проникал свет.

Перед первым падением он даже успел увидеть полотнище паруса и обрывок неба. Вот это его и подвело. Он уже был на верёвке, но замер всего на мгновение, посмотрел вверх, а надо было просто лезть — тогда бы не пропустил тот удар под рёбра! И не стал повторять

ошибку, ринулся напролом, сразу набрав разгон, как пушечное ядро... как баран — зажмуриваться всё-таки не следовало. Ему было неважно, кто-то споткнулся об него или специально пнул в живот. И незачем стало спешить к клюзам наверху — это специальные отверстия в фальшборте для слива воды и всего, что ею смывается. Заки почувствовал облегчение — кусочек неба он увидел, вечерняя оправка состоялась, уж как получилось — дальше от него почти ничего не зависело.

Робко стоявшие в сторонке от свалки ребята вдруг осмелели, даже озверели. Вот он — «Икар», возомнивший себя равным богам и сброшенный с Олимпа! Обосрался, точнее обдристался в неподобающем месте!!! Гордыня — грех, и должна быть наказана, по возможности уничтожена, лучше ногами.

Захар привычно сгруппировался, прижав подбородок, обхватив руками грудь, поджал к животу колени — в полумраке пинали просто силуэт. Пинали сильно, но суетливо, мешая друг другу, в тесноте скорее топтали... и ударившись голой ступнёй об кость, чаще об голову, старались отскочить, не упасть самому — ху из ху разбираться-то никто не станет и подняться не поможет, даже просто не даст возможности подняться. Умри ты сегодня... умри, падла, сдохни!!!

Если бы мелкий пацан обдристался, стоя в ожидании своей очереди к параше, ему б достались лишь снисходительно унизительные насмешки, презрение и положение «засранца». Его бы поняли, ведь это так долго — ждать, пока первыми поднимутся «авторитетные» пацаны и «любимчики». Потом за оставшиеся четверть склянки прорвутся «крепкие» парни. Неспособные за себя постоять, запуганные, забитые мальчишки бегом, но в смертельном страхе, чтоб не расплескать, потащат к верёвке кожаные вёдра. Их аккуратно начнут поднимать наверх те, кто завоевал право находиться на палубе. И пока все вёдра не опустеют, ни одно не сбросят обратно.

Вот когда их сбросят, самые продуманные из «нормальных» пацанов расставят парашаи по местам в строгом порядке и подальше от люка — под ним гамаки привилегированных. А как поставит такой трюмный заводила своё ведёрко, так немедленно им и воспользуется — время дорого. И не в том дело, что пацанята ждут очереди, жмутся, вот-вот обделаются. Почти сразу за пустыми вёдрами спускают те же, только полные, с водой, и высыпают сухарики.

Захару сильно досталось, но хуже боли мучило брошенное Маленьким Бобби слово «дристун», как клеймо жгло осознание — это кличка. Обиды не было, ведь жаловаться-то некому, но несправедливость же! Ведь он, в отличие от «засранцев», хотя бы пытался!

Впрочем, обнаружилось, что его положение не так уж безнадежно — так и лежал под люком, когда от его избитой тушки отвлеклись на более насущные вопросы. Он перевернулся на спину и с полуулыбкой любовался полотном паруса... и по-настоящему улыбнулся разбитыми губами, когда с небес спустилось первое ведро с водой. Его, ведро, конечно, уже ждали, но ждать его, Захара, прыжка никому в головы не пришло. А ему просто показалось, что терять, в принципе, уже нечего и в дополнение к вечерней программе было бы неплохо напиться напоследок.

Боб ещё не отвязал ведро от верёвки, только поставил на доски, как Зак в рывке, схватив тару, окунул в воду голову и принялся жадно глотать, будто решил утопиться. Боб машинально отвязал верёвку, и оторопело уставился на... он не знал, как это назвать. Дристун, зараза, в наглую захлёбывался общей водой!

Наконец, Маленький догадался схватить наглёныша за волосы и вытащить голову

наружу, двое пацанов кинулись помогать, отцеплять, разгибая по одному, пальчики.

— Так, Боб, он же теперь Дристу́н, значит, должен пить последним, как все засранцы, — напомнили Маленькому, когда он, не сдержавшись, зачерпнул воды свободной ладошкой. Заки, услышав такое, сам отпустил тару. Хватка рук на его теле ослабла, даже Боб, потрясённый таким поворотом, выпустил волосы. Зак встал, насколько мог неспешно развернулся и с вызовом взглянул Маленькому в лицо, — так кто тут Дристу́н и засранец?

По всему было видно, что парню и в самом деле на всех насрать, гм, почти с того света. Боб не смог им не восхититься, к тому же очень хотелось пить.

— Теперь ты Зак Дристу́н, — не наказать его тоже было нельзя, — хоть и не засранец, — рослый не по возрасту подросток присел у ведра на корточки и, черпая ладонями, принялся отмерять себе десять положенных по его положению глотков.

«Не засранец!» — Зак спокойно ковылял к своему гамаку. НЕ ЗАСРАНЕЦ!!! Он, не оборачиваясь, чувствовал взгляды ребят, хоть и был уверен, что все не отводят глаз от воды, считая драгоценные горсти. А кто попил, ждут сухарей. Смельчака никто не прогонял — на каком основании? Он ушёл сам, с гордо поднятой головой, обделавшийся, избитый, но победивший, и...

Есть совершенно не хотелось. Тошнило, кружилась голова, отбитые ноги еле как переставлялись, но Зак преодолел свои последние ярды до гамака. Он не засранец, и это оказалось очень кстати — ему не пришлось лезть на верхний ярус, ни за что не залез бы — его гамак был снизу.

Парень, как только улёгся, сразу уснул или, скорее, потерял сознание. Но и в обмороках иногда что-то снится. Мозг привычно начал с короткой памяти, воспроизвёл события дня. Воображение досыпало в калейдоскоп образов из прошлого. Постепенно картинки закрутились с волшебной скоростью, сменяя друг друга с неуловимой, но неумолимой логикой — водоворот снова тащил его туда, в тот кошмар...

Захар тревожно проснулся, прислушался — в трюме тишина... только странно качает, не как всегда. Он попытался встать с гамака, по привычке оттолкнувшись от борта рукой, и... не сразу нащупал доски! Это же... это крен!!! Снова прислушался — к обычному плеску за бортом добавился новый голос воды снизу — журчало и булькало. Он перевернулся на живот, опустил руку. Пока сухо, но нельзя терять времени. Пацан не заорал в панике, не стал никого будить — зачем? Нужно тихонько встать с гамака и, удерживая равновесие на наклонной палубе, осторожно пройти к люку. Скоро его откроют и сбросят трап, спасительную верёвку с узлами — очень нужно оказаться на ней первым. А то ж начнётся паника, ещё затопчут. Повезло тенью прокрасться мимо гамаков спящей «элиты», он устроился на досках палубы, навалившись спиной на борт, и принялся ждать. Почти сразу его штаны намокли, парень взмолился, — Господи, только не это! Только бы это я обоссался!

Увы, он сам был не причём, воды под задницей становилось всё больше. Но почему ещё не открыли люк, неужели моряки не замечают, что творится? Или про них забыли?? Или и не собирались вспоминать??? Пацаны спят... пусть поспят. А уже по пояс. Когда воды стало по грудь, Заки встал, зажав себе рот руками — пусть пацаны спят! Вода прибывает всё быстрее, вот уже ему стоящему во весь рост по горло, он в темноте отчаянно впился взглядом туда, где уже давно должны были открыть люк и сбросить трап. Захар не спросил себя, почему никто из ребят так и не проснулся, они ведь уже должны истошно орать и

плавать, как он, цепляясь за борт?

Мальчишку прижало лицом к подволоку, он попытался биться об доски головой, вцепиться зубами — прогрызть, проломить! Голова наполнилась болью, рот с окровавленными зубами захлебнулся морской водой, сжал губы, сберегая последние мгновенья жизни уже под водой. Лёгкие опустели, он судорожно вдохнул морскую воду, сознание погрузилось в сон. Это был его вечный сон...

И вдруг сон сменился.

Тошнит и покачивает. Где-то вода то ли плещется, то ли льётся. Воняет как... как уличный сортир в летнюю жару. Блин, да что за гадство этот полулитровый радиофаг?! Хотя-а. Было еще два..., нет, три литровых. Фу, б-я-я-я, вонища. Еще чешется все. Буквально все, даже пятки. Уй, зараза, кто-то кусается. Где это я выпал в осадок? По воспоминаниям и по логике это должен быть родной нужник в родной квартире. А воняет... Наверное, сам виноват. Или не сам? Может, нужник неродной и квартира не моя? Не-е-е. Я всё помню. В целом. Ну, почти всё в целом помню. Вчера отмечали победу. Надрали «Чёрных псов» и соответственно, то есть логично, выводили лишние рентгены тем, что нашлось в местном чипке.

А нашлось много. У меня гасились, в моей берлоге. Небось, разгром и кучи по углам. Эх, кончилось веселье, пора переходить к грустному. Например, к водным процедурам. Для начала включим картинку.

Да-а-а. Выключим. Глюки, блин. Всё Руда — гад с ганджубасом его... Хотя, говорил, что продукт натуральный. И на вкус — она. Может, белка? Дык, молодой ещё. Нужно проверить себя на логику и отвлечься.

Что вчера было? Бой с «Черными псами». Это враждебный нам клан сталкеров. Мы — «Варанга», тоже клан, тоже сталкеров. Хм, пока всё нормально, без зеленых гуманоидов. На «Агропроме» мы псам вломили. В пейнтбол, но всё равно вломили. Сделали из них «псоедраных, побитых и заляпанных краской». У нас очень своеобразный пейнтбол. Правила позволяют многое. Почти всё, что в голову взбредет. Как я Плюша приложил! Гы-ы-ы! Логика и память нормальные, воспоминания позитивные, даже приятные. Хорошо на «Агропроме»: Ствол в руках, воздух чистый, голова ясная.

Блин, башка и впрямь не болит, только вонища. Ясная голова с бодуна? Так, релоад картинки. Ё...! Ескейп. Значит, белка. Что там про белку пишут? Нервное возбуждение... Отсутствует. Навязчивые идеи... Идей вообще нет. А что есть? Глюк. Систематический, даже системный. Хотя-а-а... что наша жизнь? Так, не прячемся от реальности, включаем оптические сенсоры и будем суровы, как терминатор...

Песец, центральный мой процессор! «Жопа в клеточку», картина неизвестного художника. Прямо перед глазами. Блин, не в клеточку, а в гамаке. Надо мной. Я тоже в гамаке. Слева деревянная стенка. Это за стенкой то ли льётся, то ли плещется. Темно, только вдали что-то слабо светит. Мда. Нужно полежать с открытыми глазами, может, само пройдет... Что-то не проходит. Не белка. Песец. Глюки не воняют и не чешутся.

— Что за дурацкие сны! — кто-то проговорил в голове. По-английски, но отчего-то совершенно понятно. — Боб, гад, по голове пинал, вот оно и...

— А кто такой Боб? — невольно подумалось.

— Жлоб. Бобби Маленький. Станный ты, сон. Как мне может что-то сниться не по-английски?

— А почему тебе и почему по-английски?

— Потому что я сплю, и я — англичанин.

— А я не сплю, — прикалываюсь над глюком.

— Ну, правильно. Как ты можешь спать, если ты мне снишься?

— Я, вообще, неместный...

— А! Ты мне по ошибке снишься. Не туда залетел.

— Гм. Залетел. Не туда. Да-а-а! А куда?

— Ко мне в голову, конечно. Не в жопу же.

— А что ж все так чешется-то?

— В башке вши, а жопа, потому что обдристался.

— Ё.....

— Ухты! Давай еще!

— И сколько раз подряд надо обделаться, чтоб так воняло?

— Воняет? В трюме всегда так.

— В каком трюме?

— Каком-каком! В корабельном. Дурацкий ты какой-то, сон, тупой и болтливый.

Я точно знаю, что я — не сон. Как бы в этом убедиться? Ощупываю себя. Странная одежда. Но это пофиг. Не мог я за ночь так съежиться! И сбрить усы! Обделаться — это теоретически возможно. Трюм... э... по пьяни тоже вероятен. Но сбрить усы не мог. Только не я. Не я? А кто?

— Ты кто? — снюсь и интересуюсь.

— Закари.

— Что ты делаешь в трюме, Захар?

— Сплю.

— А ещё?

— Болтаю с дурацким сном.

— А вообще?

— Плыву на корабле на каторгу.

— На сколько лет?

— Почти четырнадцать.

— Четырнадцать?! А за что так много?

— Мне почти четырнадцать лет, а каторга пожизненная, за убийство. Мы тут все за убийства, в основном.

— Что, не убийцы есть? — ошарашенно ляпаю, что в голову пришло.

— Нету, просто у некоторых, кроме убийств, всякого навалом.

— Что, например, просто?

— Конокрадство, поджоги, грабежи. Ещё насильники были.

— Были?

— Угу. Только кончились, болели сильно, каждый день.

— А ты?

— Я только за убийство.

— Хм. Зак, а если я у тебя немного задержусь?

— До утра? Я днём не сплю, бьют. Ты ночами прилетай, будем болтать о том, о сём.

— За что бьют?

— За то, что мелкий. Кормят сухарями с плесенью, я на оправку не успел и обдристался в трюме, отпинали и прозвали дристуном.

— Почему не успел?

— Из-за сухарей, ещё меня от трапа оттолкнули, три раза.

— От какого трапа?

— Вон там люк открывают и верёвку сбрасывают на полчаса.

— А трап?

— Верёвка с узлами и есть трап.

— А если не сможешь залезть?

— Тогда жди, пока, кто на палубу пробился, парашу поднимут, потом в очереди стой, терпи. Не вытерпишь — обдрищешься в трюме, отпинают. И так пока не забьют, а когда забьют, на той же верёвке вытащат и выбросят в море. Всё, улетай, скоро утро, ссать охота!

— Зак, я на денек останусь. Лады?

— Нравится, когда бьют?

— Не нравится, потому останусь.

В башке взревели баззеры боевой тревоги. Зак внутренне сжался, набираясь отчаянья для броска. Только фигли готовиться? На ледяной решимости сталкера проверил моторику, ощутил каждый мускул. Ноги коленями к груди и резко вперёд. Лёгкое тело пацана удивительно послушно. Когда ноги коснулись пола, трюмный люк приоткрылся. Длинный прыжок и в кувырок. На выходе из кувырка замечаю, что люк открылся полностью. Сверху хрипло заревело.

Слева и справа нехорошо. Один на низком старте, второй уже замахнулся. Присесть, уходя от удара и открытой ладонью первому в лоб. Поваляйся в гамаке, рано еще вставать. Над головой пролетел кулак. Теперь моя очередь. Локтем с разворота в солнышко. Удачно. Задержался я с ними, сзади уже подбегают. Уклон и передняя подножка. Здорово грохнулся! Однако, у нас дела, поссать-таки надо. Прыгаю вперёд, снова в кувырок и на трап. Страдалцы на полу народ задержали, но несильно. Запнулись об тушки, но успели. Шустрые. Самому шустрому приз — подъёмом ступни в нос уже с верёвки. Быстро поднимаюсь наверх.

— Куда теперь?

— Вон клюзы в фальшборте, — ответил Зак, перестав визжать. Он всё время утренней зарядки визжал от страха.

— Уёёёоу, здорово!

— Не от страха, значит, — думаю, замерев у клюза в нирване. — О-о-ох!

Сзади бежит народ и снова не понять чего орёт. Странно, Зака я понимаю, а тут не в зуб ногой. Ещё радовался, что английский за ночь выучил. Фигушки.

— Зак, чего они?

— Опять отпинают. — ответил он обреченно.

— На палубе? А вертухай?

— А им за счастье, когда кого-нибудь из нас бьют.

Блин, толпой точно забьют. Сваливать надо, да и помыться не мешает. Разбегаюсь и прыгаю в море. Вдогонку снова кто-то хрипло орёт.

— Чего ему, малыш? — спрашиваю в полёте.

— Куда ты, дурак? Акулы! — уже под водой заголосили на весь мозг.

Акулы и прохладная вода — это неприятно. Пусть лучше изобьют.

— Вон спасательный конец, к нему давай! — вопит в башке пацан.

Стежками быстренько гребу к веревке. Теперь нырнуть и, используя силу Архимеда и собственные... гм, не понять чьи, конечности выпрыгнуть из воды почти по пояс. Хватаюсь за конец и, подтянувшись, поджимаю ноги. Под самой задницей прошёл большой

треугольный плавник. Фу-у! Полез на палубу по-альпинистски. Хорошо, хоть борт невысокий, и пеньковая верёвка не скользит в мокрых руках. Залез. А дядька в смешном наряде надрывается!

— Ну, что ему опять? — спрашиваю раздражённо. Английский надо было в школе учить!

— Ты это... полетай пока где-нибудь, я тут сам, — решительно заявляет пацан. Имеет право покомандовать, тело всё-таки его. Только как полетай? Может, представить, что уснул? Или в игре передал управление искину, а сам пошёл чайку заварить? Попробуем...

Ну, кино! Как страшный сон. Речь стала понятной. Тело ощущается, но не слушается. Во, бля!

— Ты что, оглох, ублюдок?

— Никак нет, сэр боцман, сэр.

— Зачем в море сиганул?

— Помыться, сэр боцман, сэр.

— Хм. Иди за мной. Кэп хочет на тебя посмотреть.

Вот ё-ё-ё! Картинка двинулась. Тело идёт само.

— Сэр капитан, сэр. Вот этот вот...

— Зачем прыгнул за борт?

— Говорит, что хотел помыться, сэр капитан, сэр.

— Ха-ха-ха! Ну, раз ты так любишь чистоту, останешься на палубе чистить клюзы.

— Слушаюсь, сэр капитан, сэр, — колокольчиком восторженно заливается пацан.

— У тебя звонкий голос. Спой что-нибудь. — Вальяжно велел джентльмен.

Зак запел «Правь, Британия, морями». Выслушали благосклонно, у парня есть слух.

— Вестовой, бутерброд. — Скомандовал Кэп. — Отныне ты каждое утро будешь купаться и петь, чистюля. Или только купаться.

— Ха-ха-ха! — заржали холуи.

— Мне понравилось шоу. Постарайся продержаться подольше. Вот твоя награда. — Говорит Кэп, протягивая ломоть белого хлеба, намазанный маслом и вареньем.

— Да, сэр. Благодарю, сэр.

— Жри и приступай к работе.

— Ай-ай, сэр капитан, сэр!

Бутерброд кончился обидно быстро, хотя Зак пережёвывал очень тщательно, наслаждаясь каждым мгновением. Что ж пора переходить к прозе жизни. Парень берётся за дело со сноровкой рядового срочной службы. Максимум усердия при минимуме результата. Начал он с ближайшего клюза, недалеко от кормовой надстройки, с которой доносился интересный разговор.

— Вы убедились, джентльмены, что в Атлантике не бывает скучно?

— О да, Кэп! Как забавно они дерутся за право вычистить галюны, вытащить за своих собратьев парашу из трюма и надраить палубу всего за лишний глоток свежего воздуха! А этого любителя чистоты забили бы насмерть, но он предпочёл акул обществу своих приятелей!

— Ха-ха-ха! Видите, как Вам повезло, Джим? Вы лично убедились, какие это звери. Хуже акул, что доказано сегодняшним опытом.

— Всё-то Вас, Дасти, тянет на мораль.

— Но, Боу! Вы только представьте себе общество, способное терпеть таких выродков!

— Эх, скучно будет после такого в других рейсах!

— Не будет, Джим.

— Но, Дасти, сэр! Мне всю жизнь служить на этой лохани?!

— Для корабля это последний рейс, не волнуйтесь.

— Последний? Значит, больше-таки не будет весёлых рейсов? Вот об этом я и толкую!

— Я же сказал для корабля, а не для нас. Пока просто поверьте, Джим. Наша контора полна сюрпризов...

Блин, на самом интересном месте! Зак, стахановец этакий, закончил с одним фекальным стоком и, весело насвистывая, направился к следующему.

— Чему радуешься?

— Поел по-человечески. Целый день от трюмной вони отдыхаю, — рассеянно отвечает.

— Угу. Хочешь отдохнуть от вони — почисти толчок.

— Ха, это ещё не вонь! Слушай, сон, я думал, ты кончился.

— Я не сон. Я, кажется, навсегда.

— Упс! В меня вселился демон. Или ты дух?

— Хрен его знает. Ты не обижайся, я к тебе не нарочно.

— На что обижаться? Если б не ты, меня бы в трюме забили насмерть... Вот ё-ё-ё! Я ж тебе не сказал... да и кто говорит с собственным сном? Но дело в том, что нам обоим песец — мы грубо нарушили порядок.

— Какой тут может быть порядок???

— Обычный... английский... как везде. Или ты не знал?

* * *

Нормальный такой оказался порядочек — натуральный ордунок! И ничего в нём особенно английского мне не показалось. Та же малолетка, только на корабле. И порядок мы нарушили ерундовый — всего лишь въехали в храп Билу Коняге, да Ёршика слегка пришибли. Они ребята авторитетные, удавят запросто, только сами потом будут купаться и петь — и они про то крепко знают. Потому и не отвлекали нас от блатной работы по очистке фекальных стоков. Других «любимчиков» постоянно отзывали в кубрик, возвращались мальчишки грустные и под хмельком, и усердно делали вид, что ничего не было.

— Заки, куда они ходят, зачем?

— Некоторым морякам нравится... э... потом расскажу! — огрызнулся пацан.

— Так они сами, за глоток рома...

— Конечно, они не сами, а на кого Коняга укажет. За провинность, типа. Ну, такая его власть, понимаешь?

— Вот кого захочет...

— Ты меня не отвлекай. Если моряк кого захочет, прямо на месте и разложит, все только отвернутся. Им без разницы — мы ж одинаковые, вонючие, вшивые.

— А мы?

— А мы будто сами по себе. Вон, на Ёршика глянь! У него все ребята правильные, сами прорываются на палубу, помогают друг дружке, так Чарли завёл. Ни один из них не ходит в кубрик. Только посмотри, что они делают.

Ребята распускали просмоленный канат примитивными деревянными приспособлениями. Один малец сделал неловкое движение, и деревяшка треснула.

— Тен, — немедленно последовала команда. Матросы сноровисто разложили мальчишку на палубе, руки и ноги привязали к снастям. Моряк взял линёк, — уан...ту...

Пацан тихонечко завыл.

— Сри...фо...

— Господи, нет, мама, мамочка!

Я не сразу понял, что парнишка заплакал по-русски! Но как его спасти? Лечь вместе него, вернее, положить Захара? Господи, на восьмом ударе он потерял сознание, и его, принялись отливать морской водой... по свежим ранам! Но было сказано «Тен», и будь они прокляты — сделано. После чего он направился не в лазарет, не в гамак отлёживаться — парнишка вернулся к работе — он слишком дорого заплатил за своё место под небом.

Впрочем, ребят Ерша хотя бы не гоняли по вантам, представляете — босиком по верёвочным лестницам с вёдрами протухшего китового сала! Один мальчишка уже в конце вахты не смог удержаться на трапе — подвели усталые ручонки — звезданулся об палубу, даже сознание ненадолго потерял.

Но всё-таки вдалеке от начальства. Ребят, что драили мостик, Кэп походя подчевал тростью, ни мало не заботясь, куда попадает, и вышиб мальчишку на долгое время. Обычное наказание за симуляцию и нежелание работать с обязательным водным компрессом. А статный офицер, кажется, Дасти, пристал к длинновязому рыженькому пареньку с нотациями. Так паренёк бы ему горло перегрыз, кабы не хорошо поставленный хук Дасти. И снова, — Тен...

— Господи, мама, мамочка..., — несколько вёдер забортной воды, — эйт, найн, тен, продолжить работы, да не отлынивать!

— Ай-ай, сэр, — выкрикнул парнишка ломким баритоном, изо всех сил стараясь держаться ровно.

Мы ещё неплохо устроились, работа нам досталась действительно бластная — идеальная чистота клюзов не подразумевалась даже теоретически, потому что практически постоянно нарушалась. И мы были хоть и вдалеке от начальства, но и под его покровительством. Когда Коняга недвусмысленно указал на нас, Заки озорно показал ему средний палец — он и помыслить не мог, войти в его гарем. Рожу Била исказила злость, её сменила задумчивость, и, наконец, восторжествовала злобная ехидца — он даже башней покачал. — Куда ты денешься? Либо акулы загрызут, либо сам приползёшь, ещё и в ногах навалешься.

А вахта между тем тянулась и тянулась, пот заливал глаза, их просто резало от вони. Слабый ветерок помогал слабо, и небо перечёркивала ненавистная тряпка. Захару волей-неволей пришлось разговаривать со своим сном. Рассказал, как какая мачта называется, что это пацаны делали с канатами и нафига лазить на реи с салом. Заодно поведал о кораблике неподалёку, он шёл за нами, как привязанный. С его слов, он нас охранял от пиратов. Угу, банду малолетних убийц, этакое сокровище, от кого-то охранял! Ну, Заку нравилось так думать, а я начал учиться прятать мысли даже от себя. Но его трудно обмануть, пристал — расскажи, да расскажи, откуда я так научился драться. Пожал плечами — ничего особенного, жизнь научила.

— А меня вот не научила, и быть бы мне трюмным засранцем! — заявляет парень с вызовом.

— Драться почти не учился, основы и первые сотрясения получил в детской секции бокса...

— И тебя просто так пустили в зал???

— Ага, в моём, том мире это несложно... потом перешёл на дзю-до для общего

развития, успел полгода походить...

— А что помешало-то ходить на это... Дзю-до? — мальцу интересно аж до дрожи.

— Да развивал во дворе...

— Убил кого? — мальчишка строг.

— Не, изуродовал слегка, его потом вылечили. Далее совершенствовался в специнтернате для несовершеннолетних правонарушителей.

— На таком же корабле???

— Да мы там все уже тогда приплыли, — мысленно ухмыляюсь.

— И вас перевешали, конечно, — как о деле решённом заключает малец.

— Ой, да не вешали у нас никого...э... официально, вот и я вышел оттуда.

— А потом? — как волшебную сказку внимает пацан.

— Потом стройбат. Это когда постоянно бьют, и ты кого-нибудь бьёшь...

— Ну, как у нас, — заскучал Заки.

— Хе, таких спецов ещё поискать! — непонятно самому чем горжусь, — плюнет тебе парнишка в глаз, и ты окривел.

— Плевком выбьет глаз???

— Половинкой мочетки, штучка такая для безопасного бритья, ты пока таких не видел.

— А гвоздём? — чувствуется его деловой настрой, — у следующего клюза один шатается, надо его выдрать.

— Можно и гвоздём.

Чтоб отвлечь от неприятной темы, вспомнил Захару, как мы демонстративно пыхтя сигаретами, прыгали в море, и, вынырнув, со вкусом докуривали приклеенный к губе, сохранённый в сухости бычок. Пацан восхитился, только вместо сигареты предложил обрезок фитиля — ну, не курящий мне попался мальчик, правильный.

— А как, вообще, прыгать, лазать и нырять научился? — парня разбирает азарт.

Да ничему я не учился! Господи, как я мечтал о спокойной, устроенной жизни! Даже стремился к ней — женился... Правда, получился экстрим, как малолетка и стройбат вместе взятые. Моя нелюбимая жена — жадная стерва, лживая шлюха и мстительная тварь — уже после развода устал от встреч с её е-ми, подкарауливавшими меня с кровавой мстёй за бедняжку. А при жизни, в смысле до развода, самым частоупотребимым её словом было «дай», а на втором месте с небольшим отрывом, конечно, «денег» — и всё-всё будет хорошо. В тюрьму как-то не хотелось, работал, работал и доработался до промышленного альпинизма — тогда там весьма неплохо платили.

Ну, профессия только с виду героическая, хотя и требует эмоциональной устойчивости. Начинал на фасадах — штукатурим, белим, красим... Пыльная работёнка, не рекомендую. Но в принципе, почти как всякая другая. Первый раз мне повезло, когда я вылез на верёвку, не пристегнувшись. Покурил, взялся за трос, спускаюсь, а «рогатка» на карабине промежность щекочет. Я щекотки боюсь, вылетел обратно на крышу ракетой. Ну, ладно, думаю — промухал, с кем не бывает? Второй — это когда Жека висел на вздыбившейся и поползшей парапетной плите, что прямо над моей бестолковкой, пока я на одних руках целых три томительных секунды преодолевал какие-то четыре метра. А предпоследний, уже не помню какой по счёту, мы портовый кран красили — ушёл я с фасадов, краны хоть железные, блин.

Ну, там как — ноги у крана, то да сё, дальше стрела, а к ней приделан противовес. На

том кране ещё и рамка была — две железные прямоугольные трубы, а к ним бочка самого противовеса цеплялась. Ну, почистил я бочку, перед покраской старую краску счищают, ещё думал — вот ведь жуть! Для нашего удобства стрелу максимально задрали, так балки рамки были под наклоном градусов тридцать, я по ним на заднице сползал, чтоб до бочки добраться — а иначе никак. Вот, почистил я бочку и на стрелу полез, думал — отдохну, ага. Стрела на том кране составная — сама стрела и сзади потоньше, но с трапом. А краны все в солидоле — им тросы смазывают, так солидол разлетается. И комбез мой в солидоле, конечно. Не весь, но уже прилично. Привязал верёвки к колесу наверху, сбросил, вылез и занялся делом. Но ведь не я один! В нашей бригаде были новички — они пока не умели работать на верёвках, всё делали «с ног». Вот один такой новатор с трапа задней тонкой части стрелы солидол смывал. «Над моею голово-ой!» Новатор потому, что он поверхность растворителем из брызгалки поливал, а мне вздумалось передохнуть, покурить...

Спустился быстро, уже хорошо так горя с копотью. Верёвочка моя закончилась как раз на противовесе, на начале рамки. Вот по той самой балке, по которой только вчера на жопе ползал, я бежал... довольно уверенно. Добежал до бочки и в море с дурацкой мыслью, — «сигарет же пачку только купил!» Высота метров пятнадцать-двадцать, парни говорили — здорово смотрелся в полёте да с пламенем из... э... сзади! Зато в воду хорошо вошёл, только ботинки было жаль — почти новые, блин, слетели. Нормально искупался, лето было в разгаре и вода там всего лишь мутная от угольной пыли — мы у берега гребешка собирали и сырьём лопали. А предпредпоследний раз мне повезло загодя — здоровенный такой пароход от стенки оттащили всего за три часа до моего купания — закончили погрузку и убрали от греха. Нельзя ж даже окурки в трюм бросить — угольная пыль чуть ли не взрывоопасна.

Меня товарищ устроил на работу поспокойнее — инструктором по силовым контактам в одну охранную фирмочку — недобросовестных должников совестить.

— Был солдатом, стал бандитом, — сплюнул юный максималист.

Мы в основном игровые автоматы обслуживали, запрещённые, конечно. Там мне уже так крупно не везло, жизнь наладилась, даже стала казаться слегка пресноватой. Я «увлёкся» сначала игрой в сети, потом ролевыми на свежем воздухе, вступил в клан...

— Снова стал солдатом? — с надеждой спросил мальчишка.

— Нет, потом мне совсем повезло — убило меня.

— Вот ты лошара! — воскликнул парнишка, — ничего приличнее для меня не нашлось?

— Ты на себя посмотри, чмо вшивое, — отвечаю на любезность, — попримечнее полагается разным лордам!

* * *

Разным лордам тоже досталось не бог весь какое сокровище. Последние удары в полузабытьи он отсчитывал: «Девять... Десять»! Лордом, вернее, лордским сыночком, оказался долговязый рыжий парень, посланный сначала хуком Дасти в крэш, а потом приведённый в чувства линьками. Когда присоединился к Полли, единственному своему приятелю, тот уже всю орудовал скребком. Некоторое время они демонстрировали усердие, и что, вообще, ничего особенного не произошло. Наконец, Полли, посопев, пробормотал, — блин, даже в учебке такой хернёй не занимался.

Джек, или кто в него попал, удивлённо поднял на друга глаза, но спохватившись,

продолжил высказываться палубу, — а я вообще не служил. Руда, если что.

— Рад тебе, командир, я Лют, — не отрываясь от работы, ответил приятель. — Твой тебе что-нибудь рассказал?

— Блин, я не совсем уверен, что он ещё остался.

— Остался, не бойсь, просто испугался, — утешил его Лют, — мой уже осмелел и выпытывает формулу напалма — ему бы что-нибудь поджечь!

— Так, к нам Кэп приближается, продолжим после его трости.

Кэп, видимо, занятый своими мыслями, рассеянно огрел парней по ляжкам и направился внутрь кормовой надстройки, куда его с каким-то умыслом тянул штурман, мистер Доусон. Спустя три минуты туда же прошёл Дасти, а Боу и Джиму мальчишки были безразличны.

— Что будем делать, командир? — воспользовался возможностью пошутиться Лютый.

— Как всегда — соберём команду и установим свои правила.

— А вообще?

— Да выживем для начала, подождёт твой отморозок напалм. Кстати, кто он?

— Сиротинушка — уже третью семейку сжёг. Обижали.

— Ценный кадр. А я пользуясь знанием английского о своём выяснил, что он сынок какого-то лорда и вообще не осуждён, его тут папочка спрятал!

— Так это ж значит, что...

— Да, нам всем триндец где-нибудь вдали от берегов. — согласился Руда и не стал более отвлекаться на общее положение. — Ты, братец, подойди к мальцу, что за борт сиганул, похоже — наш человек.

* * *

Захарка объяснял мне, какой он не лох. Маменька у него умерла, его в приют забрали, а потом продали в юнги. Только зря его тот шкипер усыновил, тем более напрасно швырялся в парня бутылками. Всё равно ведь не всегда попадал, вот и последний раз промазал, а Заки попал — он всегда был ловким малым — удачно этак, в висок. Как его шкипер доставал было видно по окровавленной шкиперской тушке, забил его пасынок шкиперской же тростью. Чистое состояние аффекта на почве систематических издевательств, но по закону славный мальчик до сих пор понять не мог, чего ж его за отцеубийство сразу не повесили? Впрочем дальше дела пошли ещё забавней. Крутой каботажный юнга с почти годовалым стажем внезапно увял, — Поль сюда идёт. Побьет или ему всё пофиг — маньяк.

К нам неспешно, сгибаясь под тяжестью ведра явно не с компотом, приблизился ладно скроенный светловолосый, большеглазый мальчуган немногим, может, старше Захара. Аккуратно вылили содержимое ведра в клюз, Заки аж не поверил такой деликатности. И задумчиво изрёк по-русски, — чужой труд нужно уважать, правда?

Я смог только кивнуть. Чувствовал себя Штирлицем в последние майские дни — кругом все свои!

— Как служится, боец? Не обижают? — благодушно продолжил пацан, — тебя, кстати, как на том свете звали?

— Неждан, — отвечаю провокатору.

— Здорово, а я Лют. Тебе привет от Руды, — уже уходя бросил он через плечо, — теперь вы в наших любимчиках. Общий приказ — искать и спасать своих.

Ага, только гвоздик вытащим. Спрятал секретное оружие за щеку и сменил Захара, он решил, что сон я там или дух, а отдуваться за двоих ему надоело. Повторяю его простые движения и незаметно зыркаю по сторонам. Смотрю, мальчишка, что сверзился с вант немного пришёл в себя, а к нему подручный Коняги Мул Колин подходит, хватается за ворот и толкает к кубрику. Парень явно сам прорвался на палубу, и кубрик точно не был его целью — бессильно мотает головой и лепечет: «Нет, нет»! К ним подошёл третий мальчуган, что-то горячо заговорил, Мул небрежно ударил его в лицо, мальчишка растянулся на палубе. Послышались смешки. Ну, так сейчас будет ещё веселей!

— Эй, парнокопытный, — подал Захар звонкий голосок, — спорим, я тебя одним плевком убью?

— Спорим, — согласился Мул, — а не убьёшь — не выйдешь из кубрика, пока не сдохнешь.

Мой пацан бесстрашно приблизился к верзиле — ему интересней намного больше, чем страшно. Мул разглядывал нас с профессиональной брезгливостью энтомолога. Хорошо, что смотрел сверху вниз, но уж слишком у него расставлены глаза.

— Мул, и ты позволишь Дристу ну плюнуть себе в рожу? — весело удивился Чарли Ёршик. Мул чуть повернулся — то, что надо. Наш язык — это довольно-таки сильная мышца, а дуть в железку глупо, разве что грамотно создать разницу давлений. В физике окружающие не разбирались, оттого и не поняли, почему Мул с утробным воем облапил рожу, а из-под его пальцев хлынула кровь. Он упал на колени, завывая.

— А ты мне не поверил, одноглазый! — Захар принялся куражиться — с размаху пнул его в нос, тот опрокинулся на спину.

Заботливо нагнулся над Колином, будто разглядывая рану, резко выдернул кривой гвоздь и спрятал за щеку.

— Ползи в кубрик, чмо, и больше не попадайся мне на глаза, — вынес он вердикт поверженному гиганту. Тот не стал заставлять себя уговаривать, хлеща из пробитой глазницы кровью, на карачках поспешил к новому месту службы.

— Теперь до конца вахты дежурства по кубрику отменяются! — с вызовом глядя Коняге в глаза, заявил Ёршик. — Билли, ваш дружок запакостил палубу, как думаешь, кто должен прибраться?

С Мулом у Коняги было несомненное превосходство в силах перед всей Ершовской шайкой. Даже его покорные, забитые «любимчики» по мановению вожака бросились бы в драку. Но Мул сам стал любимчиком, да и с Дристуном нужно было держать ухо востро, коль его акулы не едят и он вон как ловко плюётся. Коняга властно указал пока ещё своим холуям на пятна крови. Трое бросились скоблить осмоление палубы, а двое молча подошли к Ершу, одними взглядами задав такой важный для них вопрос. Тот пожал плечами — попытайтесь быть людьми.

— Спасибо, — вдруг кто-то сказал в спину Захару. Он не понял, сказали-то по-русски, но я как-то сам перехватил управление...

Неудобно мне так узурпировать общий организм, но Зак, кажется, не в претензии — для него просто продолжается чудесная сказка. С палубы на нас таращился русоволосый паренёк той же, что у моего, комплекции, немного выше и невозможно курносый, что совместно с конапушками и пятнышками грязи делало его мордашку мультяшнолисеночьей. «Спасибо» он сказал просто от избытка чувств, находясь в лёгкой прострации.

— Пожалуйста, — отвечаю, протягивая руку, он, ухватившись за ладонь, встал с палубы. Говорит, — Грегори Сбитый, Плюшевый.

— Вот зараза, — мысленно высказался Заки, — он же приятель холуя Коняги, Прилизанного.

П приятель Сбитого уже верещал под линьками, думаю в ответ, — да ладно, подружитесь ещё.

А сам с теплотой вспоминаю Плюша, только я в обеих командах знаю, что его звать Игорьком, — работали вместе на кранах, он, кстати, так и остался бы. А матросы нас будто не видят — уважают мужики удачу и дружбу.

— А я Неждан, — признаюсь, слегка стесняясь.

— Лёха! — обрадовался Плюш.

— Тише, Плюш. Ты своим полностью рулишь?

— Не — переоценил я его силёнки, вот и грохнулся, а так даже подружились.

— Тогда нам пламенный привет от Руды с Лютом и боевой приказ искать и спасать своих.

— Тогда радуйся, под линьками маму по-русски кто-то звал, а Ёршик его отчётливо понимал. Подойдём к нему?

— А пойдём, — соглашаюсь с приятелем.

Подошли к Ершу, типа поговорить, он остановил нас взглядом бледноголубых глаз в двух шагах от себя и прищурился на рожицу Захара, — сперва выплюнь гвоздь, чтоб не шепелявил.

Я сплюнул железку в ладонь и спрятал пока в кармашек. Говорю ему по-русски, — хай, братуха.

Он без стеснений присел на палубу, поджав ноги. Вот уж в ком я, даже будучи простым каторжанином, сразу заподозрил бы нечистого. С виду пацан с лукавым прищуром бесшабашных весёлых глаз, но и с недетской грустью. Движения ребячески разболтаны, но экономны, точны, как у военного. А мы стояли перед ним разве что не «смирно». Приветы и пожелания выслушал бесстрастно, сразу видно, что смерть ему не в диковинку. Помолчав, снизошёл. — Черныш, на том свете главарь псов. С Рудой я обязательно переговорю, он тоже был лидером клана. А остальных не жалко. Вот вы спаслись и нашлись сами, заняли в этом обществе своё место. Но если кто-то из вселенцев ради спасения сам пойдёт в кубрик... честные местные ребята нам с Чарли больше по душе. Он, вообще-то, Гарри Весельчак, в Ерша Чарли его пацаны переделали, — он неожиданно широко улыбнулся, — а под линьками был Пройдоха Пит, ваш Сыч. Для него Чарли сделал единственное исключение — Пит сдуру считает себя цыганом, удавят же ни за что.

По его тону мы поняли, что разговор окончен — ждать радости от нашей встречи бессмысленно, ведь, по сути дела, все мы уже мертвецы. Мы занялись своими делами — даже благодушные матросов имеет границы. Плюш полез промазывать бегущий такелаж и блочки, а я направился к уже изрядно загаженному клюзу. Обязанности с Захаром мы

разделили так: я таскаю забортную воду, а он скоблит поверхность. Эх, детство — золотое времечко! Ну, вселился дух, и что дальше? Во-первых, клюзов действительно много, во-вторых, на них свет клином не сошёлся — мальчишка сразу превратил нудную, грязную работу в игру.пустил фантазию на самотёк, и вот они уже приплыли на Ямайку, а его взяли в юнги, и он угнал фрегат и плывёт к маме. Только сначала надо напасть на остров, забрать у дикарей много золота, стать солдатом, а потом генералом и свергнуть губернатора, всех губернаторов по очереди. А от духа и впрямь никакой пользы — затаился в уголке сознания и молча тащится с фильма. Только дурацкая у меня привычка спать в кино, не заметил, как вырубился. Приснился утренний заплыв, гребу от акулы и радуюсь — это всего лишь только сон! Ведь только во сне можно плыть со скоростью волка из «Ну, погоди!», а рыбка, хоть и не отстаёт, догнать не может. Выбежал на пляж, она за мной! Я в шахту канализации, зараза следом, вылез уже на Агропроме. Бегом к старой кирпичной трубе, подпрыгнув хватаюсь за нижнюю скобу, подтягиваюсь, и эта ржавая железка со звоном отвалилась! Падаю на спину, акула вцепилась в живот с злобным, утробным урчанием...

Мдя, проснуться от урчания в чужом брюхе... Или не проснуться, а наоборот? Что в таких случаях говорил Конфуций? Блин, жрать охота! Аж до рези в животе! Захару привычнее, да и фантазия отвлекает. Умудрился растянуть работу на свежем морском ветре почти до заката, так стремился к идеалу. Да и команда постоянно делала идеальную чистоту клюзов практически недостижимой. Вечером довелось наблюдать смену ребячьих вахт. Первыми мы подняли четыре трупа — двоих явно удавили, остальные, кажись, сами преставились. Волоком за ноги оттащили к фальшборту у бака и издали наблюдали, как здоровенный капрал устанавливал факт смерти каждому ножом в область сердца, а подручный матросик выбрасывал тела в воду.

Следом за трупами спокойно поднялись авторитетные пацаны с «любимчиками». Хотя особо авторитетными они не были — пацаны в ночную вахту не ломались, как в дневную. Тут-то и узнал Руда, что никуда его Джек не пропал.

— Твоё сиятельство огреблось линьков? — дерзко обратился к нему паренёк с ехидной остренькой, прыщавой мордашкой, — значит, ты, как все, можешь таскать парашу?

Руда успел лишь зажмуриться — последовала серия ударов в корпус, Длинный явно знаком с анатомией. Большим пальцем он поддел наглцу челюсть, ещё удар и рывок, и челюсть оказалась в руке Джека вне её хозяина.

— Добавьте пятого, — ровным тоном обратился он к нашей импровизированной похоронной команде, выбрасывая челюсть в море, — а смывать кровь дело ночной вахты.

Никто особо не возражал, действительно, пусть наглец попробует отыскать на дне свою зубатку. Сами и спровадили его ещё мычащего через фальшборт — ехидно улыбающиеся матросы и не подумали нам помогать. Ведь это мы, приговорённые за убийства, только что прилюдно изувечили и убили человека.

Но эти злобные маленькие поганцы оставались забавными подростками, порой весьма забавными. Оказалось, что можно быть любимцем всей команды — во время смены ребячьих вахт матросы устраивали концерты самодеятельности. Конечно же, никто не отплясывал «яблочко», а просто пели они при всякой тяжёлой работе. Но и насладиться чужим талантом не упускали ни одной возможности. Едва один паренёк поднялся на палубу,

ему тут же сунули в руки обыкновенную расческу.

— Извините, с вашего позволения, со мной сегодня сопровождение, — смущённо обратился он к публике. Матросы заинтриговано молчали. Наконец, появились двое ребят с в хлам разбитыми в оригинале курносыми лицами.

Паренёк приложился к расческе, звучание было непривычным, но уж «Катюшу» трудно было не узнать. Далее последовала «Перуанская», публика замерла в восторге. Но всё-таки поглядывала на пару избитых, смущённо жмущихся охламонов.

— Да вы сбегайте поссать, ребятки, — верно понял причину их смущения боцман. Те не заставили себя уговаривать. А когда вернулись, оказалось, что игрец на расческе тоже решил устроить себе антракт. Дабы не разочаровывать почтеннейшую публику, пришлось им заполнять перерыв.

— Yesterday,
All my troubles seemed so far away...

— грустно вывел первый охламон.

— Now it looks as though they» re here to stay
Oh, I believe in yesterday...

— мастерски присоединился к нему второй оболтус.

Вернувшийся мастер расчески застал последние строки песни, звучавшие в потрясённой тишине.

— Now I need a place to hide away
Oh, I believe in yesterday,

— доби́ли ребята публику на два голоса.

Ну, нам-то ясно — русские, а прочие застыли в культурном шоке. Я даже смог ненадолго отвлечься от вытаскивания вёдер с парашей, чтоб взять у матросика из-за кушака ножик. И никакая не кража — я его так же незаметно вернул на место. Только у другого ценителя прекрасного срезал фляжку — ведь горсти это так неудобно! Специально для этого завязал полы рубашки на Захаркином животике. Воду отмеряли под надзором Длинного Джека, Поля Головни и ещё одного, только он занят был — искал на дне свою челюсть. Так пока народ наслаждался исполнением на бис, я под их надзором фляжку утопил, выловил и завалил сверху сухарями для конспирации и про запас. Захар просто поражался моей наглости! Но я не напрасно горжусь прозорливостью, пригодились запасы, конечно, но обо всём по порядку.

Лют подошёл к ансамблю и предложил следовать за ним. В трюме мы застали раздел плесневелых сухарей — одного мальчишку пинали в живот, а он крыл всех по матушке на чистейшем русском, второй лишь слабо вздрагивал от ударов и повторял: «Ну, не надо, пожалуйста, я уже сыт...» Это могло бы ему, возможно, облегчить участь, если б он говорил

по-английски. Я прям с верёвки оседлал одного амбала, закрыл ему ладонями глаза и немного подался всем корпусом назад. «Все мы немного лошади» — недоросль ринулся меня стряхивать и далее, сделал два лишних шага вперёд и со всей дури врубился башней в переборку. Следом за мной спустился Ёршик со своими и парни сходу вписались в разборки — их мировоззрение не было согласно с избиением одного несколькими. К счастью к появлению Джека и Поля убивать уже никого не требовалось — умиротворённые скандалисты полностью признали справедливость раздела воды и сухарей. Наших же потерь прибавилось на два бойца: Эб Топор и Угрюмый Джордж не вставали с гамаков, бредили — хихикали и матерились по-русски.

— Гонджубас твой даже на том, то есть этом свете не отпускает! — высказал я Руде укоризну.

— У них мог быть свой, вдруг это наши селяне? — оправдался лидер клана. — Чувствую, разговора у нас сегодня не получится. Но будем считать, что нашли и пока спасли всех.

Я кормил пострадавших, Грязного Дика, Стужу, и Эндрю Окошко, Пушка, после того, как они представились.

— Неждан, негоже ворованной флягой единолично распоряжаться, — тут же распорядился Руда, — давай её сюда!

— Она кожаная, её пустую удобно подмышкой прятать, — передаю ему добычу.

— Ты меня ещё поучи! — фыркнул лидер. — До завтра чтоб все родили умные мысли!

— Ты мне тут ещё покомандуй! — ершится Чарли.

— Вот! Первая уже есть! Продолжай в том же духе, Ёршик. Все переходим в дневную вахту, вечером обсудим перспективы, а теперь давайте уже отдохнём от этой каторги. У меня, к примеру, жутко ломит спину!

— Ну, давай отдохнём, — пожалел его Чарли, и мы разошлись по гамакам.

Перед сном подвожу игровые итоги. Возможности сохранения и перезагрузки нет. Вокруг озверелые неписи, некоторые очень высокого уровня и хорошо вооружены. Юнит — лох последнего уровня, но с зачатками умений, первоначальными знаниями и с неплохой обучаемостью. Всего уровней контроля три: прямой, доступен в любую секунду, тактический, пацан пока подтормаживает, и общий, ничегошеньки до него пока не доходит — вот на этом и сосредоточимся. Да, и английский надо бы подучить. За день встретили много дружественных и союзных персов, есть перспективы для клана. В слотах загнутый гвоздь, три зелёных сухаря и общая с лидером локации кожаная фляга. Перспективы, в общем, — полный песец. Захар уснул сразу, да и я, подведя итоги, задремал. Сплю и радуюсь — в своей берлоге, на своём диване, это был просто сон! Вдруг слышу — в дверь стучат, да просто ломаются, прям головой бьются! Встаю, надеваю тапки, шлёпаю к двери, открываю, а там! Вода стоит стеной, как в аквариуме, только без стекла, и в неё, как призрак, кто-то погружается. Э нет, думаю, сперва разбудил, поднял, а теперь тонуть! Сунул я в эту странную воду руку по локоть, ухватил призрака за шиворот и выдернул в прихожку. Ну и дверь, само собой, захлопнул. А передо мной, по ходу, предстал мой юнит уже в отключке, но отчего-то совершенно сухой. Подхватил я потерявшего сознание парня на руки и отнёс на диван. Ну нет у меня другой лежальной мебели, не подумайте дурного. Сам с краешку примостился и снова уснул. Сплю и радуюсь — вот это сон, всего лишь сон! Просыпаюсь, а ко мне прижался замызганный мальчуган и руку обхватил, даже вцепился. Вот ты какой,

Захарушка, с ответным визитом, значит, в мою берлогу, на мой диван, в мой сон... Господи, это же сон, сон!!!

Конечно же, это был сон, и он, сука такая, кончился! Сразу взял над пацаном прямой контроль, чтоб не ломанулся к верёвке в запаре. Мы все, не стовариваясь, заняли у люка оборону. Безо всякой жалости пресекли попытки самовольного прорыва. С нами стояли даже Зуб с Клыкком, то есть Эб с с Джорджем, насмеялись ребята за ночь. Первыми поднялись наши задохлики, новые любимцы, Пройдоха Пит, ансамбль, конечно. Потом раненые Плющ, Стужа и Пушок. Далее сноровисто вскарабкались ребята Ерша. Последними под злобными взглядами Коняги и Мула поднялись Лют и Джек. Я поманил с нами Маленького Боба, но тот лишь покачал головой — в трюме нужно кому-то присматривать за порядком. Что ж — у каждого свои предпочтения. Но приглашение он оценил. Надо же — у конченных отморозков Джека и Поля, которым никто никогда не был нужен, появилась целая команда, этакая обуза! И хитрован заметил хмурость Чарли — Ершу важно было, чтобы все его бойцы именно прорывались наверх.

В тот день с парашей провозились слишком долго — Коняга с «любимцами» не были привычны к такому труду. А мы, не отвлекаясь на глупости, направились сразу к клюзам. По ходу дела поучаю Захара, — ты пойми, Кэпу понравился не ты, а номер. Номер ему вскоре надоест, и он просто станет в нас стрелять.

— А что же делать? Мне Кэп и самому — б-р-р-р!!!

— Помнишь, я рассказывал тебе про фокус с сигаретой?

— Так ведь не изобрели ещё сигарет!

— А ты попроси патрон и кусок фитиля.

— Так ведь пасть разнесёт!

— Верь мне, я знаю, что делаю, — с чисто кувалдовской убедительностью успокаиваю парня.

Тот лёгкой походкой обречённого на колесование направился сразу на мостик.

Изрядно датый Кэп выразил изумление, — пришёл петь? Но ведь ты ещё сухой!

— Простите, сэр Капитан, сэр, разрешите покурить напоследок, сэр, — дерзко заявляет каботажный юнга.

— Щенок! — Кэп взбешён, — ты не стоишь и понюшки табаку!

— О, сэр, для каторжан табак слишком слаб, одолжите ружейный патрон и обрезок фитиля, сэр.

Капрал молча вынул из подсумка патрон, спросил, какой длинны требуется фитиль, и сам заправил обрезок в петарду.

— Разрешите прикурить, сэр? — обращаемся к Дасти, тот не шелохнулся, тогда Джим тряскими руками достал пистоль, сыпанул на полку пороху, взвёл и щёлкнул курком. Зак с изящным полупоклоном «прикурил», фитиль загорелся.

— Благодарю, сэр, — крикнул Зак, засунул петарду в рот и отключился. Я разбегаюсь по палубе мостика и перепрыгиваю через перила в море. В полёте, сильно опалив верхнюю губу, прячу приклеенную к нижней «сигаретку» во рту. Прыгал я по ходу судна, будучи уверенным, что в случае неудачи корабль мне ни за что не догнать, и ждать меня никто не будет. Под водой делаю обычный кувырок, выныриваю лицом кверху и, заранее зажмурившись, выплёвываю эту гадость.

— Бабах! — шарахнуло едва ли не в нашей башке. Но лёгкая контузия нам только в

помощь — без лишних эмоций залазим по последнему спасательному концу.

— Петь сможешь? — Капитан заботлив, — не оглох?

Джим смотрел на нас смешно округлившимися глазами. Даже Боу оценил шутку, — об такой проказе не стыдно будет рассказать и в Порт-Рояле!

Захар затянул высокоморальную, выученную ещё в приходской школе песенку. Там герой, пристрастился к выпивке, проиграл родной дом в карты, бросил голодными сестру и братика, ушёл в пираты, был схвачен и был повешен. Но на публику больше действовал припев «если бы он, только бы смог вовремя бросить курить»!

Нас снова наградили бутербродом, на этот раз с сыром! И велели заняться делом, нарочито не уточнив каким именно! Я сразу пошёл напрашиваться к Чернышу-Ершу. Мне отчего-то показалось очень важным, чтобы это мы вошли в его команду, а не его команда присоединилась к неизвестно ещё к чему. Видимо, те же мысли посетили и Плюша, его я застал увлечённым такелажными работами. Там в процессе общей работы он поведал мне, что на расчёске играл Стужа, а пели близнецы Хаски и Маламут. Они пока клюзы чистят под присмотром Зуба и Клыка — с ними не забалуешь. А в кубрик по одному уходили «любимчики» Коняги, с этой сволочью явно нужно что-то делать. Руда собирает вечером вселенцев, будем думать, вернее, внимать мудрость руководства...

* * *

Обычный уже каторжный денёк ознаменовался лишь порцией линьков — я понял, почему парни орали по-русски, не подвергать же такому ребёнку! Что тут скажешь — было очень-при-очень больно. Близнецов и Стужу матросы не отпустили без вечернего концерта, ребята выдали вчерашний хит и добавили «Girl», моряков ждала явно непростая ночь. Боцман от себя подарил мальчишкам кожаную флягу с водой и заявил, что голову оторвёт всякому, кто их тронет. Наконец с вечерней суетой было покончено, и мы по одному пробрались к оазису благополучия в нашем тёмном царстве. Гамаки элиты располагались почти под люком. Его полагается закрывать, но жалели нас старики, подставляли чурочку, чтоб оставалась щёлка — хоть такая вентиляция. Руда уже расположился в гамаке, мы расселись на палубе. Близнецы на палубе, оказывается, пока их тискали фанаты, позаимствовали у одного из них кресало. Запалили лучинку.

Черныш принципиально привёл своих огольцов — пусть и не поймут ничего сразу, потом он им сам всё растолкует, главное, чтобы слышали своими ушами. Клык и Зуб заявили, что у них тоже есть ребята.

— У вас есть ребята, а мы есть друг у друга, — всё объяснил Черныш.

— Но ты же понимаешь сложность нашего положения, — попытался убедить его Пушок, — мы же не совсем одни!

— Привычная средневековая мистика, — отмахнулся Чарли, — они даже в нечистого верят.

— Тогда давайте официально представимся, — предложил Руда, — меня вы знаете, лидер «Варанги», студент медик.

— Неждан, «Варанга», простой бандит, Зак без клички, и неча ржать! — представляюсь

сообществу.

— Плюшевый, «Чёрные псы», Сбитый Грегори, промышленный альпинист, — дружески улыбнулся мне самый хитрый пёс. Кровушки мы друг у дружки выпили! Главное — сделай Плюща, — постоянно уговаривал меня Руда. А того, скорей всего, в отношении меня так же инструктировал Черныш.

— Это Тони, Джон, Ник, Колин и Бил, убийцы, грабители и просто классные парни, — представил нам Чарли свою компанию, — новеньких не позвал, они себя ещё не проявили. А я Черныш, главарь «Чёрных псов», студент заочник, учусь на филолога. И чего тебе охренеть? — резко обернулся он к Люту.

— Я говорю, охренеть, что самый крутой пёс — филолог.

— Так я ж после контракта, вот захотелось от всего отдохнуть, а ты?

— Пол Головня, Лют, «Варанга». Военный пенсионер, артиллерист, егерь, водил туристов по экстремальным маршрутам.

— Гм, а я Грязный Дик, Стужа, «Варанга». Строитель-отделочник, в смысле отделать, потом построить — мент из пригорода, участковый. Тоже проводил экстремальные экскурсии по цыганским хуторам. Думал, что довожусь, ан глядик-ты, пронесло!

— Тебя бы так пронесло, да, Неждан? — усмехнулся Сыч, — сам пошёл! Сыч, «Варанга», стажёр, доцент МГУ в командировке, социология и математическое моделирование. Должен же был сюда попасть хоть один человек с законченным высшим образованием?

— Жаль, что слегка не по профилю, — заметил Черныш.

— Фигня — у нас всё не по профилю, и ничё так справляемся.

— Есть хоть один нормальный ботан в нашей компании? — озабоченно спрашивает Руда.

— Смотря кого считать ботаником. Меня из сельхозтехникума выгнали и призвали в ряды. Мне тоже смешно. Сейчас, ага, а тогда... Эб Топор, Зуб, «Чёрные псы», садовод.

— Хм, тоже крест, Угрюмый Джордж, Клык, «Чёрные псы», лошадок разводим... э... разводил...

— Не зарекайся так, — Руда строг.

— Ну, правильно, мы ж пока ещё не сдохли! Я — Энтони Хап, Хаски, стажёр, «Чёрные псы», студент политеха, третий курс, машиностроение.

— Жадина Пью, Маламут, я как брат.

— Близнецы, почему рожи в синяках? — Черныш строг со своими малышами.

— Дали пацанам порулить. Пью считает, что они спалились из-за Тони, типа, он пожадничал, не надо было часы у жмура брать, — говорит Маламут.

— А Тони, вообще, Пью, крысу такую, удавит нах... за то, что он те часы всё выкинуть собирался, да так и не собрался, в кармане таскал! — чуть не лает в ответ Хаски.

— Сами не начинайте. Вам допздание — помирить пацанов, — командует стажёрами Черныш, и, обернувшись к самому задумчивому мальчишке, гаркнул, — а ты чего молчишь?

— Всё как-то странно... никак в себя не приду, прости. А по теме — Невиноватый Джон, Своята, «Варанга», мастер спорта по стрельбе из лука, тренер. А что мы, парни, как-то без своих имён знакомимся? Я, например...

— Умерли мы, и имена наши тоже, — прерывает его Пушок. — Без имен проще, значит эффективнее. Нам с пацанами нужно работать, а не сопли друг другу вытирать, они сопли презирают...

Тут на границе круга света от лучины появился какой-то силуэт. К нему метнулась тень. Послышался звук удара. Силуэт скорчился на полу и что-то быстро забормотал по-английски.

— Зак, что они там?

— Прилизанный влез. Может, хотел подслушать. Только говорит что, если Дристуна ещё не проиграли, то не надо, за него целенького, мол, капрал с бакенбардами пинту рому посулил. Завтра, — отвечает Зак в страхе и отвращении. Меня как подбросило с пола. Луплю в силуэт со всей дури, как пенальти пробиваю. Английский футбол, блин. Снова скулёж, Джек что-то ответил. Силуэт на карачках судорожно скрылся в темноте трюма.

— Переводи, Захарушка.

— Здорово ты его! А этот, типа, проиграли, так проиграли, а Длинный ему, мол, сейчас на тебя сыграем! — веселится малец.

— И часто тут вот так ребят проигрывают? — почти не разжимая челюстей, задаю общий вопрос.

— Тут не проигрывают, а вообще бывает, — сурово ответил Черныш.

— Что будем делать? — угрюмо интересуется Руда.

— Для начала назначим старшего, — вносит деловое предложение Стужа, — я за Руду.

— Я тоже, воздержавшихся нет, — соглашается Чарли, — так что, старшой, мы будем делать с этой плавтюрягой?

— Захватывать! — отдал приказ лидер, — а об нюансах прям вот сейчас и поразмыслим. Мелкие, а ну поделились мыслями!

— Корабли захватывать нужно по любому, — заявил Плющ, — ох, не верю я, что шлюп нас охраняет, скорей, ведёт на казнь.

— Да с чего нас казнить? — воскликнул Хаски, — мы же рабы — по три гинеи за нос в Порт-Ройяле.

— А с того, что не все мы тут рабы, — пробурчал Руда, — я, типа, в бегах, и уж меня-то официально не продашь. И судить политически вредно.

— Как их захватишь, да и смысл? Ничего нам с местными порядками не поделаться, даже если поубиваем трюмных паханов — сразу появятся новые, — загрустил Пушок.

— Значит, нам нужна полная власть на судах, — решает Черныш, — военная школа быстро отучит ребят от глупостей.

— И от рому, — вздохнул Пушок, — вы не представляете, что такое детский алкоголизм. Да уже сейчас большинство любимчиков лезут в матросский кубрик, чтоб только выпить!

— Насчёт нашей казни. Нам не весь трюм отдали, ближе к корме, где переборка обита медью, продовольственные запасы, — просвещает нас Руда, — а за этой переборкой у носа такелажка, там частенько бывают матросы и треплются по службе. Пацанята постоянно слушают и доносят Джеку. Так идём мы на randevу с колониальными фрегатами и купцами. Вам тоже странно? Успокойтесь, фрегаты не будут нас встречать, они станут нас искать, а найдя, потопят нахрен.

— А почему не шлюп? — не понял Маламут.

— Моряки на шлюпе знают о нас, а для тех мы будем просто целью, взбунтовавшимся каторжником. — Объяснил Лют.

— Гм, подростковый корабль дураков — это как-то вне вменяемости, — заметил Своята, — офицеры с виду нормальные.

- А просто вешать детей нормально? — сорвался я. — Офицеры с виду нормальные сволочи, смоются на шлюп перед самым интересным.
- Ну, а команда? — не унимается Своята.
- Ты матросов видел? — мне просто смешно, — одни старики. Решили сэкономить на их пенсии, суки адмиралтейские!
- Да и кораблик-то наш выведен из состава флота, — прищурился Зуб, — значит, застрахован.
- Только трюмных паханов надо к ногтю загодя, — гнёт свою линию Ёрш, — сдадут же мрази! А пацанята никуда не денутся, пойдут за новыми жожаками, как миленькие.
- Куда пойдут, на дно? — зло спросил Клык, — от шлюпа не убежать, а на нём пушки!
- Проблемка, — согласился Стужа, — заложники в эти времена не актуальны.
- Интересные у пана мента мысли, — саркастически ухмыляюсь, — наш единственный шанс, если шлюп взаправду собрался на Ямайку — должен зайти куда-нибудь для пополнения запасов.
- Вот в порту его и слепим, — решает Руда.
- Без моряков нам далеко не уплыть, — вносит коррективы Пушок, — нужен стговор, личный контакт хотя бы с одним!
- И сразу чистим паханов. — никак не уймётся Черныш.
- Их бы в кучку собрать, — вносит предложение Плюш.
- Уже собираются, подумывают, что с нами делать, — хищно осклабился Ёрш, — так что спим в пол-глаза!
- Да, парни, пора нам поспать, — Руда закрывает совещание, — расходимся по своим гамакам, как ни в чём не бывало.

Утром Зак по привычке напрягся и изготовился к бою не на жизнь, а на смерть за место под солнцем у клюза.

— Расслабься, Заки, нас пропустят, — осаживаю парня ровным тоном. Бедный ребёнок ведь совсем не виноват в моих проблемах.

— С чего бы это? — недоверчиво удивился Захар ещё спросонья.

— Кто посмеет лишить Кэпа утреней песенки?

— Ё моё, я ж забыл, что нам ещё с акулами плавать. Вот заразы зубастые!

— Пойдём за бутербродом. Ты хочешь кушать? — говорю ему мысленно, вставая с гамака.

— Очень хочу.

— Рыбки тоже очень хотят кушать. Они не виноваты в том, что они такие, какими их сотворил Создатель, — поучаю Зака на ходу.

— Угу. Это Кэп — выродок, — сразу схватывает пацан, — гляди-ка, и впрямь расступаются.

Пацаны, памятуя вчерашнюю демонстрацию силы и решимости, хмуро поглядывая, уступали дорогу. Что ж, идущему на смерть... А, фигня, не в этот раз. Спокойно поднимаюсь на палубу, не торопясь занимаюсь своими делами у клюза и направляюсь к мостику. Вернее, Захар направляется, а я наполняю его сознание мудрыми мыслями.

С третьего уровня контроля даю юниту вводную, — помнишь, я говорил, что он будет в нас стрелять? Ну и пусть постреляет, только мимо. Попроси подстраховать мушкетами, а шоу я ему организую.

— Ка-ка-какое шоу? — парень ещё не вполне во мне уверен.

— Да спрыгнем с марса фока, всего и делов, — успокаиваю парня, — да я сам нырну, даже без патрона во рту — ты только посмотришь!

Он пошёл уверенней — ему начинает казаться, что со мной возможны любые чудеса.

— Доброе утро, сэр капитан, сэр, — колокольчиком зазвенел Зак.

— О, джентльмены! Время нашего утреннего развлечения! — спяну голосит Кэп. — Никто не хочет пересмотреть пари, пока он ещё на палубе? Ну, как хотите.

Видно, что хорошо взбодрился с утра.

— Я поставил на тебя деньги, мальчик, не подведи своего капитана, — наклонился он, обдав нас густым перегаром.

— Ай-ай, сэр капитан, сэр.

— Ты можешь разнообразить свой номер? — Капитан не прочь поболтать перед представлением. — Скучно смотреть, как тебя просто разорвут акулы, тем более что ты опять от них удерёшь.

— Ай-ай сэр, капитан, сэр. Если вы подстрахуете меня из мушкетов, я прыгну в море с марса фок-мачты, сэр.

— Вы слышали, джентльмены? Он придумал нам новую забаву! — как о собственном достижении возвестил Кэп и сразу взял начальственный тон. — Распорядитесь насчёт мушкетов. А ты полезай на мачту. Пока залезешь, мы успеем приготовиться. В сторону какого борта ты будешь прыгать?

— Пусть джентльмены угадают, сэр капитан, сэр. Заключат пари...

— Ха-ха-ха! Что за парень! Изобретает для нас забавы на ходу! — смеётся Кэп и хлопает Зака по правому плечу, слишком серьезно для пьяного взглянув в глаза. — Ступай, мальчик, я верю в твою удачу!

Прям отец родной, блин, только б Зак не заржал!

— Спасибо, сэр капитан, сэр, — браво орёт Зак и бегом направляется к вантам.

Прыгать приказано в сторону правого борта, это ясно даже Заку. Это неясно офицерам, но они не могли видеть взгляд Кэпа. Оберёт он их, может, и нам бросит что-нибудь. Зак залез на марс, передал мне управление и мысленно зажмурился. Внизу Кэп уже с мушкетом в левой руке махнул мне правой, давай, мол.

Помотаем-ка мы тебе нервы. Встаю на перила гнезда слева. Офицерики кинулись к левому фальшборту. Да ну вас, придурки, ещё пристрелите. Поймав качку, перепрыгиваю на правые перила и, выбрав момент, когда корабль начал крениться куда надо, прицелился и прыгнул. Прыгал под острым углом к курсу по движению судна, так чтобы выйти из воды у спасательного линия. Опыт почти таких прыжков у меня имелся, поэтому всё получилось, как задумывалось. А может просто повезло. Даже акулы не поняли, что это было. Вынырнул под линем и наверх.

У левого фальшборта офицерики кого-то выцеливают в воде и временами постреливают. Матросы им мушкеты заряжают. Думаю, не надо мешать, пусть развлекаются. Зак стоит во фрунт, обтекает, ждёт, когда на него обратят внимание. Давешний боцман зачем-то обернулся, увидел нас, и собрался было дальше заряжать мушкет, но призадумался. Снова поворачивается с заранее разъявленной vareжкой. Таращит на него лупетки, пытаюсь постичь суть наблюдаемого явления. Заки демонстрирует истинно британскую невозмутимость. Боцман, осознав тщетность своих потуг, решил обратиться за помощью.

— Сэр капитан, вот он, сэр, — внезапно осипшим голосом прохрипел боцман.

— Кто он, Джэкоб? — не оборачиваясь, бросил Кэп.

— Тот мальчишка, сэр капитан, сэр, — сипит боцман.

— Какой тот... — Кэп оборачивается, не закончив вопроса. — Джентльмены, он на палубе, перестаньте изводить порох.

Офицерики медленно поворачиваются к Захару. Джим так и застыл с открытым ртом — пацан же ещё совсем.

— Ты давно здесь? — спрашивает Кэп.

— Минут пять-десять, сэр капитан, сэр, — бодро отвечает Зак.

— Ты прыгал с правого борта?

— Да, сэр капитан, сэр.

— Ха-ха-ха, джентльмены, стервец нас надул! Каков фокусник! Вестовой, рюмку хереса и бутерброд с бужениной. Теперь спой нам, удалец.

Заки выдал им весёлую и очень непристойную матросскую песню с подходящим случаю припевом «Никогда он не правил налево», недаром до приговора почти год юнгой прослужил. Публика приняла матросское творчество в исполнении Зака на ура.

— Тебе снова удалось нас повеселить, молодец. Лопай и ступай работать, — довольно командует Кэп.

Херес выпит, бутерброд пережёван, пора обратиться к тёмной стороне жизни. Когда уже уходили, подслушали обрывок интересного разговора. Захар не оценил, а я запомнил и насторожился.

— Славный мальчик. Может, уговорим Кэпа взять его с собой? На время.

— Фу, Йеллоу, дались вам эти матросские игрушки!

— Паренёк свежий, я уже предложил за него паханам пинту рому.

— Ну, если не будет много о себе воображать. Поговори с ним, Йеллоу.

— Да, Дасти.

Зак принимается за дело, а моя обязанность — развлекать его разговорами. Ну и воспитывать, конечно, шалопая, не без этого. — Зак, а каково, вообще, в юнгах живётся?

— Известно каково — тяжело, и смотря к кому попадёшь. Повезёт — станешь дельным моряком, а нет, так сдохнешь.

— Повесят?

— Скорее, забьют спяну.

— Тебе, наверное, неприятно, что я лезу с глупыми вопросами?

— Да как сказать-то? Непривычно, что кто-то не знает простых вещей. А когда ты с парнями по-своему говорил, я хоть и понимал слова, но смысл сказанного до меня доходил с пятого на десятое. Понял только, что вы бунт замышляете. Даже испугался, а как сегодня с мачты к акулам прыгнули, совсем перестал бояться. Ух, ну и рожа была у боцмана! Вот кто ты после этого? Дух или демон?

— Человек, призрак человека. Я умер. В другой стране и в другом времени.

— Это как, в другом времени?

— Сам не знаю как.

— А из какой ты страны?

— Я из России... э... из Московии, по-вашему.

— Вау! Настоящий варвар! Ну, круто!

— Ага, варвар. То-то тебя твои цивилизованные...

И как иллюстрация моих слов, шлепок по заднице. Ладонью!

— Ну что, птенчик, выпей и пойдём. Парни за твоё здоровье пол-пинты уже выхлебали. Если ты мне понравишься, ещё пол-пинты налью.

Зак, драивший клюз, стоя на коленках, обернулся на голос. Над ним возвышался грузный мужик с красной мордой в бакенбардах, весь из себя в сапогах, в мундире... и с ножом на ремне!

— Ка-а-акие парни? — испуганно залепетал мальчишка.

— Ваши парни сказали, что Длинный им тебя в кости продул, — погано ухмыляясь, заявил просвещённый мореплаватель.

— Врут, сэр капрал, не мог Длинный, я его сейчас крикну... — с чисто детской верой в справедливость горячо заговорил Захар, но... — А-А-А!

— Я тебе крикну, — зарычал капрал, схватив нас за ухо. — На ром меня выставить хотите? — И выворачивая ухо, возбуждённо хрипит — Я своё и без Длинного возьму.

— Видать, короткий у тебя... Зак, подвинься, — перехожу к прямому управлению.

Захар готов даже провалиться — включаюсь легко, сразу в боевом режиме. Чёрт здоровый, хорошо, у меня руки в говне — лапоть не стал. Но возбудился сильно. Ухо — центр боли и окружности, по траектории которой выкручиваюсь в расчётную точку... Контакт, правой рукой хватаю его за пах и, вскинув глаза в глаза, говорю, — ого!

Отпустил ухо, за плечи схватил. Прижимаюсь к нему, левой рукой нежно вынимаю ножик и ласково, но сильно, бью его в почку. Довернув, вытаскиваю с отяжечкой и втыкаю лезвие капралу под ребро, рассудив, что в его-то печень трудно не попасть. Что ему сказать напоследок? «Асталависта, бэби?» Блин, он же не понимает по-русски... да ладно, в аду

переведут!

— Что-то не так, красавчик? Разве тебе не нравятся такие игры? — задушевно говорю ему, вытирая лезвие об рукав его мундира, — но ты перевозбудился, милоч, остынь.

Подправим его падение, немножко поможем. Вот он и за фальшбортом. Плюх! Теперь оглянемся вокруг. Никого, все старательно смотрят «в другую сторону». Ага, стал бы он при свидетелях. Нож пока за спину и под рубаху.

— Зак, да очнись ты, Зак.

— А?

— Как по-вашему «человек за бортом»?

— Мэн ове бот.

Ору, что есть мочи, переходя в ультразвук.

— Ну, всё, пипец! — делает Зак промежуточные выводы.

— Ты не отключайся больше, будешь мне переводить.

Первым прибежал боцман, глянул на меня. Я стою весь такой в шоке, тычу пальцем в море. Так и есть, перегнулся через фальшборт. Выхватываю ножик и... Да что вы? Я ж не маньяк какой! Нежно и наискось засовываю улику боцману за кушак. Шаг назад, принять исходное положение.

— Заки, давай снова ты, только зареветь бы не мешало.

— Ага.

Как по заказу по щекам потекло. Боцман налюбовался, развернулся ко мне и уже открыл рот что-то вякнуть, как тут заявился Дасти с двумя матросами.

— Что случилось? — отрывисто пролаял офицер.

— Капрал Йеллоу в воде, сэр, — отвечает боцман, стоя перед этим хлыщом навтыжку.

— Меры к спасению?

— Никак нет, сэр. Акулы, сэр.

«Рыбоньки мои, лапочки!»! — никогда так акул не любил!

— Причины?

— Свидетелем был пацан, сэр.

— Рассказывай, — рыкнул Дасти.

— Сэр, этот дядька всё время ко мне придирался, особенно пьяный, сэр. — Плаксиво затянул «жалейку» Захарушка. — Вот и сейчас схватил меня за ухо, сэр. Я вырвался, а он меня ногой и не попал, сэр. Не устоял он на одной ноге, сэр. Был сильно пьяный, сэр.

— И ты его толкнул.

— Что вы, сэр? Куда мне такого бугая, сэр? — Захар наградил его явно оценивающим взглядом. Судя по ухмылкам нижних чинов, взгляд они заметили и разделили. Выставляться дураком Дасти не хотелось, но ему очень хотелось повесить Зака хоть за что и за шею.

— Крысёныш может соврать. Возможно, что у него был нож. Обыскать его и всё вокруг.

— Так нож, наверное, тоже в море, сэр, — позволил себе задрать брови боцман.

— Чтобы крысёныш выбросил нож?! Приступайте.

Боцман, вздохнув, приказывает,

— Ко мне.

— Всё, моя очередь, — включаюсь и как не на своих ногах ковыляю к дяденьке. Боцман сноровисто обшаривает меня почерневшими клешнями. По-уставному поворачивается к Дасти. — Чисто, сэр.

Ага, к дубу передом, ко мне задом. Матросы заняты — обнюхивают канатные бухты. Изымаем ножик, у дяди ещё есть, и прячем под рубаху за спиной.

— Давай, малыш, только не порежься.

— А что делать?

— Стоишь, ревёшь, трясёшься.

— Это я запросто.

— Чисто, сэр, — докладывают матросы. Дасти бешено оглянулся на зарёванную рожицу Зака, но как наступить на горло собственной песне? Презрительно передёрнув плечами резко разворачивается и, быстро перебирая кривыми ногами, отклячив зад чешет на ют. Псих в лосинах. Аж смешно!

— Грех смеяться над покойником, подонок, хотя... дрянь был этот Йеллоу, акулы им потравятся, — сплюнув за борт, презрительно процедил боцман, когда матросы, повинувшись его окрику, рысцой свалили по делам. — А нож ты выбросил, молодец.

— Ничего я не выбрасывал! — очень правдиво и искренне изумился Зак. — Какой нож, сэр боцман, сэр?

— Какой-какой! — усмехнулся моряк, — острый. Капрал ведь не сразу утоп, да. Акулы к нему шли, но кровища вокруг была до акул. А ты думал, что сможешь надуть старого Джэкоба, сорванец? Ладно. Дочищай этот клюз и лезь в трюм, я на люке велю тебя пустить. Отоспись и на ночь напросись тут драить. Поболтаем, подумаем, как с тобой быть. Дасти тебе своего дружка не простит. Ещё Кэп — редкая сволочь...

— Ну, давай, работай, — бурчит, на что-то раздражившись, и уходит.

— Повезло нам, Зак. — Подвожу первые итоги в воспитательных целях.

— Да... пронесло, так пронесло, — всё неправильно понял пацан.

— Это тоже, — говорю наставительно, — хорошего человека встретили.

— Ну, а я о чём? — усмехнулся воспитуемый.

— Ладно, давай снова я, — решаю пока перевести воспитание в практическую плоскость.

— Дерьмо отчищать? — Захар снова попытался неправильно меня понять.

— Нож прятать, — мысленно улыбаюсь его успехам, — пока ты от усердия нашу задницу не порезал.

— Ага, нашу! Хорошо, Неждан, включайся.

О-па, Нежданом назвал! Прогресс, очевидный прогресс. Главное, закрепить, не профукать за суетой во имя выживания. А с этим, с выживанием, пока всё печально. Размышляя таким образом, отрезал тишком изрядный кусок линия и задрав штанину привязал ножик к голени. Привожу себя в порядок и говорю Захару. — Быра доочищай клюз и в трюм, отсыпаться.

Пацан ретиво взялся за дело. Он, оказывается, может быть очень эффективным. При правильной мотивации. Управился быстро. Прокрался к люку, чтоб не приведи Бог, не попасть на глаза кому не надо. У люка дедушка матрос кивнул на крышку. Что ж, старость нужно уважать. Почти беззубый, почти седой. Матрос. А ведь лет сорок всего, может чуть больше.

— Отсалютуй господину матросу. — Прививаю парню хорошие манеры.

— Хм.

Зак, поднатужившись, откидывает тяжёлую крышку и, вытянувшись в струнку, резко

кидает два пальца к виску:

— Сэр матрос, сэр. Юнга Закари Абрамс прибыл в Ваше распоряжение, сэр.

— В составе трюмной вахты приступить к укреплению борта собственной задницей, юнга, — ухмыляется старый Сэнди.

— Ай-ай, сэр, — снова два пальца к голове и на трап, то есть на ту верёвку. Трюм, гамак. Никто не лезет, Захару аж удивительно. Похоже, что парни тоже время даром не теряют, работают с молодёжью.

— Спи, Захарушка, досталось тебе сегодня, — как укачиваю его мысленно, — проснёшься, парни сухариками угостят.

* * *

Зак быстро отрубился, как это умеют только дети и электроприборы. Сон у него здоровый и глубокий, несмотря на все его невзгоды. Поэтому выспался он быстро. Такие его обстоятельства, что пришлось научиться всё делать быстро, даже спать. Проснулся и по выработанной на каторжном судне и легко, по малолетству, усвоенной привычке принялся и прислушался, не открывая глаз. Сочтя практическую сторону жизни для посланной свыше реальности удовлетворительной, он решил разъяснить её теоретический бок.

— Неждан.

— И чего тебе не отдыхается?

— Мы в море, нас, то есть меня, приговорили...

— Меня тоже приговорили. Что у тебя?

— Тебя-то за что? Ты ж никого не убивал! И кто тебя мог приговорить?

— Я, Захарушка, не только приговорён. Мой приговор уже приведён в исполнение. Там, где и когда я был живой, — со всей серьёзностью разъясняю парню «как взрослому». — Насчёт того, что не за что, ты заблуждаешься — пока мало обо мне знаешь, но поверь, вполне было за что. Кто приговорил, не знаю, но если он способен откалывать такие номера, как с нами...

— Бог?

— Может быть. Ты не о том хотел спросить. Спрашивай, о чём хотел.

— Я тоже хочу как ты с мачты. И как капрала, и когда ссать бежали, научишь!? — прорвало мальчишку.

— Не быстро, но научу всему, что умею, — совсем не снисходительно обнадёживаю парня. — Новому будем учиться вместе.

— Тебе учиться?! — недоумевает Зак. Неправильное у него ко мне отношение, надо поправить.

— Конечно, золотце. Я никогда не упускаю возможности научиться новому, если учиться не у кого, придумываю новое сам. Вот и ты учись, только не останавливайся. Начнёшь учиться у меня, привыкнешь, и это станет для тебя и смыслом, и содержанием жизни.

— А у меня получится? — почти успокоившись, требует заверений пацан.

— Конечно. — Позволяю себе усмешку. — Ты способный.

— Откуда взял? — предсказуемо среагировал Захар.

— Во-первых, ты — умница, во-вторых, тело работает общее. Просто ты своему телу не хозяин. Пока. — Снова перехожу на деловой тон.

— Хм, ты моему телу хозяин? — мальчишка не может сдержать ехидства.

— Ага. Я просто говорю ему «фас», — «не замечаю» подначки.

— И оно само?! — пацан ожидаемо повёлся.

— Ну, почти. Словами это передать трудно, — «усталым» тоном закругляю беседу. — Это объясняют болью и страхом, а постигают с накоплением опыта, болезненного опыта. Научишься или погибнешь — всё получится, не ссы.

— Дык, наверху ж выссались! — острит мальчишка, оставляя точку в разговоре за собой.

Ага, точку, типа поговорить больше не с кем, блин!

— Ну что, Дристан, нажрался господского берла, выссался, выдыхся? — донёсся добродушный басок Бобби Маленького.

Зак открывает глаза. Точно он, акселератина.

— Да, Маленький, даже искупался. Завидно?

— Обнаглел. Рисковый ты пацан, но старших научись уважать, хотя уже поздно, наверное. Длинный Джек велел тебя к нему привести. Сам пойдёшь?

— Сам пойду.

— Вот и хорошо, может, обойдётся. Чудит Длинный непонятно, но с ним не поспоришь. Пойдём.

Идём к трону владыки. Зак с Бобом болтают по дороге.

— Что там Длинный чудит?

— Да как всегда, в общем-то, Джонни Ножика помнишь?

— Вечная ему память?

— На этот раз не так почему-то, хотя засветил он ему знатно.

— Воскрес что ли?! — усмехнулся Захар. Других версий у него, зная Джека, и возникнуть не могло.

— Во-во! Длинный отчего-то как замер весь и надувать его стал, представляешь?! А Чарли Ёрш ему грудь мял, и считал зачем-то, вот Ножик и ожил!

— Нефигассе чудеса! — аж присвистнул Заки.

— Это что! У нас теперь даже больные завелись!

— А раньше не было? — уточнил Захар, внимательно вглядываясь в добродушное лицо Маленького.

— Да не! — верно оценил его взгляд Боб. — Эти другие. Теперь, если кто на трап подняться не может, его не пинают, как раньше, а укладывают в гамак, или ещё куда.

— Куда? — ищет малыш подвоха.

— Вот Прилизанному вчера кто-то рёбра подправил. От души, знаешь, так подправил, что он своим скулежом уже всех достал. — Бобби принялся терпеливо объяснять. — Так Джек ему сам ветошью ребра перетянул. Велел найти тряпки и застелить трюмные доски, чтоб, значит, Прилизанный там лежал. Только на спине. Сказал, что будет навещать.

— А! На потом что ли оставил? — предположил Заки.

— Да хрен его знает, — Бобу горько. — Прилизанный, бедняга, уже смерть дожидаться замучился. Ты, если что, попроси Джека, чтоб не тянул, а то жалко парня.

— Угу. Так ты говоришь, Прилизанный сегодня из трюма не вылезал? — спрашивает

Зак, припоминая с моей подачи тот подслушанный обрывок разговора.

— Куда ему? — ухмыляется Боб. — Дальше сам иди. Нынче Джек чудной какой-то, ну его. Удачи, Зак.

— Увидимся, Бобби.

Трон владыки — первый от носа гамак, почти под люком, если почти под люком, то вполне можно жить. Зак приближается к оазису благополучия в нашем тёмном царстве.

— Хай, Неждан, падай на доски. У нас для тебя очень плохие новости. Что застыл? Тебя всего лишь хотят убить. Как всех нас, но тебя завтра прямо с утра. — Приветствует его Руда по-русски. Забывает он что ли?

— Джек, повтори, пожалуйста, что сказал, только медленно и по-английски, — вежливо, но с достоинством отвечает Захарушка.

— Уф, Захар у Неждана даже юмор перенимает. Уникум! Но как его спасти? — Обратился рыжий к Чернышу.

— Руда, давай его спросим. Он в «Варанге» был самый хитрый варвар, — вносит предложение Черныш и говорит по-английски:

— Заки, хочешь понимать смысл наших слов? Дай Неждану порулить.

— Ну, до понимания смысла мне пока далековато, но если не пытаться, останусь дурнем, — выдал Зак, отключаясь. Повисла понятная пауза.

— Неждан не мог этого сказать. По-английски и без малейшего акцента, — комментирует Руда.

— Это Захар. Местный. Только разбавленный Нежданом, — подтверждает Черныш.

— А может, пропитанный? — вносит коррективы Лют.

— Есть сухари? Спасибо, Лют, — возвращаю парней в конструктивное русло, присаживаясь на трюмные доски. — Так что за новости, Руда? Пацанов спасаете?

— Ага, пацанов... Да как бы тебе...? — помолчал он, собираясь с мыслями и начал свою печальную повесть.

— Ну, ты же знаешь — мы с Лютом любимчики, драим мостик, ступеньки, прочее... Кэп нас по ляжкам тростью настукивает, развлекается так. Правда, последние два дня меньше, охладел он к нам. Кое-кто его покруче веселил. Но мы как драили, так и драим, и держим уши открытыми. Сначала Дасти к Кэпу подвалил, типа, неплохо было бы того забавного мальчугана взять с собой для увеселений, временно, или по обстоятельствам. Кэп к идее отнёсся благосклонно. Тут ты заорал — точно ты, я такого корявого английского со школы не помню. Дасти сбегал посмотреть, что случилось. Вернулся злой и бледный. У него с тем капралом были отношения или общие интересы. Капралу поручили поговорить с милым ребёнком, так его после разговора большие рыбки скушали. Дасти орал, что тебя нужно немедленно повесить. Но Кэп, спортивная его душонка, не согласился, говорит, что скинутся они в банк по десять фунтов, а когда ты на утро поплывёшь, будут в тебя стрелять. Типа случайно. Кто случайно первым попадёт, тот забирает банк. Вот такие у тебя перспективы.

— Ага, — беру минуту на осмысление. Кажется есть решение, — а фигли ждать утра? Давайте я к вечеру сдохну. Зашьёте меня в парусину. Только с внутренней стороны надо дёгтем промазать, чтоб вода не просачивалась, и воздух не выходил. Ещё фигню какую-то пацаны катают...

— Это бомба без пороха. Наша тюрюга была в молодости бомбардирским судном, — объяснил Стужа.

— В сумерках за ядро сойдёт? Главное чтоб глубоко не затянуло, пока я буду

выбираться.

— Как выбираться?! Зубами рвать парусину?! — распахнув глазищи тарашится «от ужаса» Маламут.

— Зубы мне ещё пригодятся для чего-нибудь повкуснее дёгтя и парусины, Маламутик. Вот этим, — снисходительно говорю, задирая штанину, — у кого-нибудь есть ремень? Его подправить надо.

— Где взял?! — Хаски обалдел.

— Капрал, когда за борт падал, в брюхе его забыл, неряха. Думаю, чего добру напрасно пропадать? Вытащил...

— Но Дасти докладывал Кэпу, что обыскали тебя и всё вокруг! — бормочет Руда, тупо уставившись на острую железку.

— А мне боцман помог, только он не в курсе. Поносил за поясом, пока шмон шёл, а как закончился, я его обратно забрал, — небрежно объясняю фокус.

— Хм, ножик — это здорово, — печалится Черныш, — но для тебя он малопригоден.

— Как это?! — моей уверенности и след простыл, Черныш знает, что говорит.

— Просто. Ты кем себя возомнил? Парусина и ядро к ногам полагаются приличнымдохлым морякам. А ты кто? — злится Черныш.

— Ну, неприличный и пока живой. И что мне полагается?

— Установят факт смерти и в море выбросят, — спокойно напоминает мне Черныш, — хорошо хоть, что ты главного палача первым за борт спровадил, другие об вас мараться не станут. Тебе нужно лишь немножко поваляться в кучке мертвецов, потом не утонуть и доплыть до спасательного конца.

— Ну, трюкач, сумеешь? — беспокоится Руда. — Поднимешься на борт, мы на люке вахтенных отвлечём вплоть до убийства. Проскочишь!

— А дальше что? Сдадут ведь, — цедит Стужа. — На корме как раз под сортиром должен быть крюк для верповки судна, там бы пока беседку связать.

— Что ты, Пушок, говорил о личном контакте? — выкладываю джокера.

— Есть? Кто???

— Боцман вычислил меня по дрейфующему жмуру и не сдал.

— Это же преступление и соучастие в оном! — обрадовался Пушок, — пустите меня к боцману!

— Обязательно, но чуть позже, — властно заговорил Руда. — Плющ, Стужа, вы сегодня в ночную вахту. Пока ансамбль отвлекает матросов, чтоб стырили литье нужной длинны и сделали Неждану беседку.

— Стоп! А откуда возьмётся кучка мертвецов? — искренне недоумеваю.

— От воспитательной работы. Сейчас у кормы паханская сходка — думают, как нас извести. Придёшь туда и для начала зарежешь Била Конягу, — широко улыбается мне Гарри Весельчак, — ну и всех, кого успеешь, пока тебя почти не убьют.

— Почти???

— Ну, мы ж подключимся, не ссы, — успокаивает меня Руда, — только нужно, чтобы даже ребята Чарли не сомневались, что тыдохлый. И нам очень нужна общая безоглядная драка насмерть.

— Чудесно, — соглашаюсь с ним, — а сейчас мне что делать?

— Встаёшь и идёшь на сходку, а потом тебе нужно будет всего лишь доплыть до беседки. Перед утренней вахтой мы тебя в сортир вытащим. — Терпеливо повторяет мне

Черныш, — ну, так встал и пошёл!

Захар пошёл лично сам, я не мог лишиться парня этого удовольствия — ведь именно его Коняга продал похотливому капралу. Как и всякая сходка сборище охранялось, но пацан шёл один, уверенно, со спокойным лицом. Все решили, что парламентёр — ведь гораздо удобнее долго торговаться за власть, чем быстро за неё воевать. Вот и трюмные заводилы, Захар с особым удовольствием отметил отсутствие Маленького Боба — его было бы чертовски неприятно убивать.

— Чего надо? — Коняга перешёл к диалогу.

— Так это ты продал меня капралу? Он остался очень недоволен! — Зак слегка встряхнул правой рукой, нож из подмышки скользнул по рукаву, удобно лёг в ладонь, и он с ласковой улыбкой вонзил врагу лезвие в кадык, завершив официальную часть переговоров. Теперь удар в туловище слева, перехватить нож другой рукой, и так же не целясь, ударить врага сзади, полоснуть по рёбрам того, что справа. Отовсюду посыпались удары, перехватываю управление — мальчишка уже считает миссию выполненной, а нам ещё жить и жить. Меняю эшелон, попросту катаюсь по палубе, стремясь нанести как можно больше резаных ранений. Враги заливаясь кровью из порезанных рук и ног пытаются меня затоптать. Почти в забытьи наблюдаю, как ко мне на выручку спешит Красная армия с Длинным Джеком, Лютом и Весельчаком Гарри во главе — славный кошмарик! Ба! Маленький Боб тоже за нас — вон как лихо расколол вражью голову о переборку. Он сделал правильный выбор, и мы с лёгкой душой вместе теряем сознание.

Изуверский план руководства в целом удалось воплотить, хотя, если честно, только так, в общем, он и был реализуем, ибо главными его идеями были «если не мы, то никто» и «так дальше жить нельзя». Насчёт жизни угадали особенно верно — успели как раз к вечернему выносу параши, вернее, из-за нас её пришлось продлить. Да и прочее оказалось в жилу — два десятка мертвецов ночью в трюме могли плохо отразиться на детской психике, вот начальство и озадачило участников «безобразной драки» выносом тел. На нюансах лучше было не акцентироваться, но куда ж от них? И Захарушке не поручишь, жаль мальчика...

Лупили меня тогда! (Ох-ё-ё!!!) Я аж сам поверил, что смерть пришла. Бились не только за справедливость, но ради утверждения абсолютной власти парни безжалостно давили даже намёк на возможную конкуренцию в этом вопросе, наглядно демонстрируя безоглядную решимость, насмерть. Я это дело, уже валяясь на палубе, в полу-беспамятстве наблюдал, знатный вышел кошмарик — простенькая операция, по мнению Черныша. Всё получилось ну очень убедительно и полезно, правда, для Захарушкиного здоровья не очень, но это подразумевалось с самого начала.

Полежать пришлось не в кучке, а под кучкой мертвецов. Показалось, что целые сутки провалялся под дохлым Конягой, Заки от таких дел слегка рехнулся. Так, что когда всю нашу полудохлую компанию стали поднимать на палубу, Захар проигнорировал и петлю на ногах, и прелесть путешествия вниз головой. Перетаскивание тушки на бак волоком, мордашкой по палубе, и вовсе воспринял даже с некоторым облегчением. А меня веселила дурацкая мысль, что снова я палубу кровищей загадил и от уборки отмазался. Дотащили до фальшборта и нет бы сразу в море — снова привал. Порядок должен быть. Ждали офицера, а дождались Джима, тот нас быстро сосчитал и велел вываливать.

— Сэр, ведь Вы сегодня за доктора? — раздался знакомый матросский басок.

— Да, будь они неладны, эти дохлые...

— Дохлые преступники, сэр?

— Теперь их судит Бог, Сэнди. Для нас они уже не преступники.

— А если ещё живые, сэр? Вы за доктора, сэр, Вам и устанавливать факт их смерти. Мы ж простые моряки, неучёные...

— Выкинуть этих за борт у вас мозгов хватит? — раздражённо спросил Джим.

— А как же факт смерти, сэр?

— Океан установит его не хуже меня. Заканчивайте тут, Сэнди, не затягивайте. А я пойду доложить, какие вы молодцы, — решительно командует Джим и топает подалее от столь неприятного места.

— Ишь молокосос гонористый, а службы не знает. Это буду исполнять, а это ему не по нутру, кто-нибудь за него пусть делает! Тьфу! — басит в сердцах старый Сэнди.

— И что, благородие свалило, теперь нам пацанят кортиками того?

— Ты оглох? Что сопляк приказал? В море их выбросить.

— Что ж, давай их хоть свяжем для порядку.

— Тресь. Хрясь. Ну как, балабол, прояснело у тебя в голове, иль ещё дать?

— Уф, Сэнди, чего в морду-то сразу? За борт их? Да с радостью!

— Вот и займись, а я на твою радость полюбуюсь.

Матросик попался работающий, исполнительный, новатор, блин. Приподняв, прислонял нас к фальшборту, чтоб ручонки наружу свисали. Ловко так за ноги хватать и в добрый путь. Быстро справился, нас и было-то не больше двух десятков. Спасибо старому Сэнди за такую услугу, век ему буду благодарен, пусть даже оказывал он её мертвецу из-за собственной лени. Весь план имел столько разных «если», что, по сути, сводился к тупому везению. Своей безалаберностью Сэнди шансы мне, как минимум, удвоил и спас жизнь. Без мешка на голове я смог сориентироваться, оценить скорость корабля. Мне не пришлось развязывать верёвки, поэтому, нырнув, не терял время и дыхание, а уверенно рассчитав курс, поплыл к цели. Ну, не очень уверенно, болело же всё, хотя холодный морской компресс здорово помог.

Цель — верёвка под кормовой надстройкой. Откуда бы ей там взяться, и откуда мне про неё знать? Ну, ничего я не знаю, конечно, просто обосновано на неё надеюсь. Руда с Лютом придумали этот финт. Достать кусок линя нужной длины с моим ножиком несложно. Ребята допущены к уборке офицерского сортира. Сам сортир — помещение в кормовой надстройке с дырой в палубе нужной величины. Вот пока основные силы врагов изничтожали, а потом вытаскивали на палубу, Стужа должен был верёвку держать, Плюшевый через ту дыру по верёвке вылезти наружу, спуститься, навязать на специальный рым на корме беседку и вылезти обратно. Вообще, очень уж обоснованной мою надежду назвать трудно, но мне после событий последних дней стали как-то фиолетовы шансы и вероятности. Ну и правильно, везение бывает только сумасшедшим, иначе это не везение. Поэтому-то по-настоящему везёт только психам. А кто ещё способен всерьёз что-то планировать, надеясь только на удачу? Кому надеяться больше не на что.

Повезло мне, беседка оказалась на месте. Беседка — это просто две петли под задницу, и ещё одна под спину. Чтоб я мог в ней сидеть до смены пацанских вахт. Здесь меня могли обнаружить, только засунув голову в дыру нужника. Или с другого судна. Но конвойный шлюп шёл впереди, а встречи в Атлантике не часты. Однако было совсем нескучно. Нормально качало, верёвки сразу врезались в мякоть и тёрли, хотелось пить, хотя до воды было всего полметра. А когда усилилось волнение, дистанция временами сильно сокращалась, порой переходя в минус. Вдобавок нужником постоянно пользовались, и при неблагоприятном для меня ветре... А учитывая стремление моряков ходить в полный ветер, он благоприятным для меня быть не мог. Чувствовал себя как ёршик в унитазе — обосрут, сполоснут, потрут об борт. Ещё и наслушался всякого. Оказалось что, люди на толчке любят поговорить о наболевшем. Избавляются от ненужного во всех смыслах. Комната разрядки, понимаешь.

Вдобавок Захарка очухался. Поверил поганец, что взаправду живой и, конечно, сразу принялся жизнь критиковать. Он, конечно же, герой — сам, без истерик, зарезал тех упырей. Легенда, просто! Но что он имеет в результате? Почёт и славу? Кое-кто мог, вообще, подумать, на что толкает бедного ребёнка??? Понятно, виноватым во всём оказался только я, дух тёмный и грязный. Или демон? Погубитель и истязатель славного, доброго, ни в чём невиноватого Захарушки. Ругался малец исключительно по-английски — немного стеснялся, для общего моего развития, и не овладел он ещё во всей полноте русским матом.

Скоротали времечко. Хорошо, хоть южные ночи коротки, с первыми лучами солнца меня сверху из сортира окликнули ломким баритоном. Они спозаранку там уже надраивали. Теперь-то я понимаю тяжесть их доли, но почему-то мне их не жалко, ну, ни капельки. Парни сбросили мне линь, я за него самым хамским образом подвязался и сообщил в сортир, что руководство может меня подтягивать. Подняли меня, к чему я принципиально не приложил ни малейших усилий, втащили через дырку внутрь. Думал, убьют меня за наглость легендарные Длинный Джек и Пол Головня. А они обниматься лезут к мокрому обосраному, едва стоящему на ногах подростку!

— У нас получилось, братец!

— Руда, ты так радуешься, будто не верил, — еле ворочая языком, пытаюсь поддержать беседу.

— Я не мог поверить в подобный бред, извини... Ой, тебе ж трудно говорить, держи, — протягивает мне флягу с водой.

— А ты, Лют? — с трудом отрываюсь от воды, куражась, как пьяный от своей маленькой победы.

— Я тоже, — будто извиняется Лют. — Ведь мы не психи как ты.

— Зато ты верил... или тебе было пофиг?

— Не знаю, Руда. Что теперь? — выхаркиваю из себя слова.

— Теперь мы тебя потихоньку, пока вахтенные наших Битлов слушают, проведём в такелажку. Хотя бы ползти сможешь?

Уверенно киваю — ползти точно смогу.

— У тебя две задачи, — вздохнув с облегчением, командует Руда, — главная — подготовка боцмана к вербовке, основная — люк в трюм из такелажки.

— Дык, его ж там нету!

— А ты сделай. Вот тебе инструмент, — Лют протягивает добытый мной ножик, — только переборку не ковырай, палубные доски намного тоньше. Прячь и пошли помолясь.

Мир не без добрых людей даже в Атлантике, даже на корабле дураков. К кому ж податься сиротинушке?

— Добрый вечер, сэр боцман, сэр. Я тут немножко умер, сэр. Не откажетесь спасти мою шкурку ещё раз, сэр? — вежливо обратился Захар к боцману, когда бедняга заглянул в такелажку проведать свою заначку, пинту рому, спрятанную в канатной бухте. Боцман подобрал с палубы челюсть, развернулся и ушёл. Отсутствовал пятнадцать, признаться не самых лучших, минут в жизни Зака. Вернулся с водой, сухарями, куском солонины и старым камзолом. — Чтоб укрываться, тут бывает прохладно. До каторги собираешься прятаться?

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Хоть до Южного полюса, сэр боцман, сэр.

— Ты — ловкач, может быть, ещё побываешь там. Живи пока здесь, потом что-нибудь придумаем, — рожает стариковскую мудрость дядя Яша. — Как выжил-то?

— Чудом, сэр боцман, сэр, — учтиво отвечает Зак, пережёвывая сухарь.

— Действительно, по-другому никак. Эх, жаль, сказать никому нельзя!

— Кому это, сэр боцман, сэр? — Зак аж пол-сухаря с перепугу проглотил.

— Джиму, недоофицеру нашему, это ж он тебя в последний путь провожал. Только ему на вас даже посмотреть было неприятно. Ну и морда у тебя, юнга! Утопленник и есть! — усмехнулся старик, будто сам красавчик, горилла сизерожая, — Сэнди, старый лодырь, тоже вас не разглядывал. А с Эдди какой спрос? Хотя ему тоже влетело.

— За что же?

— За тебя. Капитан с Дасти отчего-то тебя долго дожидались, да так и не дождались. Устроили скандал, подумали, что ты из трюма не вылез. — Боцмана аж распирает ехидством. — Ну, разобрались, наконец... потом. Джима Кэп чуть за борт не выкинул, чтоб в него пострелять, как в тебя, видать, хотел. Только Боу ему как-то не дал Джима обижать. Чего-то такое он Кэпу сказал, что тот подобрел дюже, аж ласковый стал. Только каторжан мордует тростью и команде линьками достаётся ни за что и постоянно. Все хлебнули за твои поминки, сорванец. Вот бы порадовались, узнай, что живой ты!

— Чего ж ты, Джэкоб, тянешь? Решил поиздеваться? — спросил Захар угрюмо, не уловив юмору.

— Ага, не только ты шутки любишь. Когда с рейса вернёмся, я этих придурков так ослаблю! Да меня за твою историю до конца жизни во всех тавернах бесплатно будут поить — моряк мечтательно закатил смешливые свои глазёнки.

— И долго жить собрался, сэр Джэкоб, с таким пассажиром-то? — пацан сухо-официально обломал ему фантазию.

— Сказал же, придумаем что-нибудь. Доедай и спрячься за канатами, отдыхай. А я рому хлебну и пойду, служба ж у меня. — Раздражённо перешёл на служебный тон старый моряк.

Ну-ну, послужи пока, служака-юморист. Придумывать он что-то собрался, ага. Не догадывается даже, что детки уже всё придумали, и что их замысел сработает с неотвратимостью детонации ВВ. Время на мягкую вербовку у нас есть. У меня дня три на подготовку визита Пушка. Что делаю? Перепиливаю потихоньку доски палубы под люк и английский учу. Меня Зак натаскивает, обучаясь основам русского. Очень эффективно, когда

учитель и ученик в одной голове. Круглосуточно. Урок не прогуляешь и на уроке в тетрадке не порисуешь. И, вообще, приучаем друг друга к систематическому труду. Днём, пока за общим шумом не слышно, пилим палубу, или прячемся. Ночью во снах уже специально воспроизвожу все свои драки прям с детства или немножко разминаемся, если Зака кошмары одолевают. Прививаю мальчику привычку к преодолению боли и усталости, ещё к ножкику привыкаем, не всё ему дубиной махать. Не было у меня детей и младших братьев, не ведал я того чувства. Зато теперь мне совершенно ясно, почему кошка, обняв котёнка передними лапами, яростно лупит его задними. И почему, едва получив трёпку, малыш снова гоняется за мамкиным хвостом. Явно вымогает трёпку, ведь в ней проявление зверской любви. Ну, отжимаемся, допустим — скулежу было! Не могу, грит, и всё. Давай тогда я, — отвечаю. Он, типа, — ну-ну.

А я его тушку принудил ещё к двум десяткам отжиманий, именно на том самом чувстве. Бедняга решил, что сдохнет так скоро. Прямо уверен был, что помрёт, пока сам топиться не собрался. Он же у меня красавчик, вши в голове нам ни к чему, выпросил у боцмана ремень на ночь, кусок мыла, как мог, подправил ножик и сбрил русые космы. Нормально получилось, правда, порезался слегка без зеркала. Боцман нас сразу не узнал, решил — белка. Мальчик испытал стыд и настоящую боль. Но и искреннюю заботу! А боль — фигня, смейся, Зак!

А как же боцман? Дозревает. Ему, бедняге, в компании стариков неинтересно, а тут молодые, не опухшие уши без дела валяются. Приносит пожрать и свежие новости. Кэп всё никак успокоиться не может. Траур по Заку затягивается. Боцманюга от души веселится. В общем, «жить стало лучше, жить стало веселее». Как чудесно спится на канатах! Не верите? Поспите с месячишку в гамаке в протухшем трюме, убедитесь. Ещё и дело сдвинулось. Как и планировали, на третий день. Проснулся я раньше Захара, умотал малыша ночью до нервного вздрагивания. Лежу с закрытыми глазами. То ли грёзы, то ли мысли, у Зака перенял привычку.

Тут Джэкоб притопал, присел рядом на канаты, вздохнул и свою чёрную клешню на мою порезанную голову положил. Смотрю на него сквозь ресницы, а у самого кол поперёк грудной клетки от его несчастного и одинокого образа.

— Дядя Яша, ты чего? — вырвалось по-русски, а он мне: «Why?»

Не «what», а «why»! Захара не бужу, нахватался немного. Спрашиваю на дрянном английском, мол, ты меня понял, что ли? Жуткое зрелище. Жуткое и душераздирающее — здоровенный, седой, с изуродованной харей мужик плачет, закрывая лицо почерневшими клешнями и плечами трясётся. Не лезу, не мешаю. Вроде, отпустило его, подышал, забормотал что-то. Разобрал только «слышта». Ага, сейчас англичане так поморов зовут. А я ему. — Асэй?

Его чуть по новой не скрутило. Спрашивает, почему я слова коверкаю, нормально же говорил? Отвечаю, что убогий, накатывает на меня, поэтому и пожалели. Дядя Яша пригорюнился, рассказывать начал, убогому-то можно. Ходил он в Архангельск. Глянулась ему там одна вдовушка, малец у неё был, как Захарушка. Ну, любовь — подарки, встречи, расставания. Понесла она от него. А когда на другую навигацию пришли, не нашёл никого — оспа.

Посидели, помолчали. Спрашивает, а как сейчас, на тебя часто накатывает? Отвечаю,

что бывает.

— А по-московитски хорошо говоришь?

— Хорошо.

— Давай говорить. Мне и наука, и как будто с ними, — начал боцман, да как осёкся, посопел и продолжил уже в сердцах, — эх, дети ж вы ещё... так её и сжак, а вас убивают, и вы убиваете...! Ты всё, что я сказал, разумеешь?

— Всё, отче, ведь я каторжанин. Дети, говоришь? Может, ты думаешь, что Жёлтого без крови можно было отшить?

— Стервец он был, ад ему потеплее. Ещё в таверне... ну, «У Конюха», королевское серебро пропивали перед морем-то. Тебе понятно?

— Понятно-о-о.

— Не дразнись. Жёлтый спьяну грозился вас всех огулять. Его за нехороший случай вообще хотели списать — плакался, что ему пришлось выбирать. Или сюда, или под забор, а там таких «режьют ножьикам». Так?

— Так, дядя Яша. У тебя хорошо получается.

— Как э... soule отдыхаю. Душой? Ещё лучше. Ну вот, шкипер Джон, ты его видел, по доброте своей объяснил Жёлтому, что за деточки в трюме. Тот поскучнел, но, видать, пакостных мыслей не оставил, да и дружки тут у него нашлись, выродки. Издевались над мальчишками, ведь вы ж — никто! А тут ты смазливый, как девке дай Бог. Не совладать ему было с его натурой. — Покачал моряк седой головой. — Даже если б он живой остался и всё про тебя понял, других бы так и нагибал. Не знаешь будто? Ух, покраснелся! Сдох он, и думать ни о чём не надо. Только понимай, что ты его ещё за всех вас зарезал.

Помолчали. Хорошо в море молчитя, как будто волны несказанное говорят.

— Слышта, тыпер ты говорьи.

— Нас убивать везут, дядя Яша. — Перехожу к делу.

— Куда?! — удивился моряк.

Нашёл, блин, у кого спросить! Я ему штурман, что ли?!

— Не знаю, но что убивать — это точно. Вас тоже.

— А кто?! — родил просвещённый мореплаватель второй умный вопрос подряд.

— Ты, дядя Яша, не обижайся. Мои друзья знают, что я здесь прячусь. Мой друг по-московитски попросит у тебя позволения меня навестить, так ты ему разреши. Поговоришь с ним об этом. — Задушевно уговариваю дедушку.

— Поганец! «Дядя Яша»! Зови меня «господин боцман». А то накажу... как-нибудь, — запыхтел старик и, перейдя на английский, грустно продолжил. — Пряма заговор! Ладно... сейчас я тебе пожрать принесу, а ты пока... Срать-то с фальшборта умеешь? Хотя, чего это я?

Грузно ступая, уходит.

— Неждан, а как мы пацанам передадим, что к боцману надо подойти и что ему сказать?

— Доброе утро, Заки. Они всё слышали. Стали слушать, как только боцман сюда притопап, а топап он — будь здоров. Пойдём к фальшборту, нам же целый день терпеть.

Успели как раз к приходу дяди Яши. Овсянка с солониной — мням!

— Наелся? Спрячься и спи до вечера. Ночью ещё поговорим.

— Ай-ай, сэр боцман, сэр, — браво отвечает сытый Захар.

— Голодный, так «дядя Яша», а как нажрался, сразу «сэр боцман» стал. Тьфу, подлиза, — ворчит дядя Яша, уходя, выдав пендель.

Захар заныкался под канатами, я заботливо закутал его в камзол и поставил сон про настоящую уличную драку, стройбатовские ему пока рановато. Ребёнок быстро уснул, а мне не дали поспать знакомые голоса. Прикольно сочетаются хриплый рёв и подростковый дискант. — Тут твой дружок, только спрятался и спит. Я его сейчас позову.

— Не надо, сэр Джэкоб, пусть поспит. Давайте пока вдвоём поговорим.

— Хм. Непонятные вы ребята. Под утро Зак мне про друга сказал. Я уж решил, что он выдумывает, или на авось надеется. Утром ты подходишь. Чудеса! Его полудохлого за борт выбросили, он как-то не утоп, на борт забрался. Прячется тут от смерти. Иди, обними друга! Нет. Спит? Ну и хрен с ним, без него поговорим!

— Сэр Джэкоб, полудохлым я его сам делал, ни капли не сомневаясь, что он сможет выплыть и пробраться сюда. Мы с ним так и договаривались. Что от смерти прячется, тоже фигня, нас всех обрекли на гибель. Тем более что он умеет прятаться. Если бы он не захотел, вы бы его не обнаружили. Но нам очень нужно с вами поговорить, — приступил к беседе Пушок, спокойно располагаясь на канатной бухте.

— Вот и Зак говорил, что вас убивать везут, — включился в диалог боцман, неуверенно присаживаясь напротив.

Классическая схема делового разговора — глаза в глаза, полностью на виду друг у друга. Третий там лишний, моё место в зрительном зале.

— Сэр Джэкоб, вы в этом рейсе ничего странного не замечаете? — вкрадчиво интересуется Пушок.

— Обычная служба, вроде. — Пожал дядя Яша плечами.

— А! вы уже ходили в подобные рейсы! — полувопросительно обрадовался Пуш.

— Нет, впервые. Да мне всё равно, я пенсию выслужил. Это мой последний рейс.

— Везёт вам. Вернётесь домой к семье, — искренне так завидует юный каторжанин.

— Некуда мне возвращаться, — а в интонации: «и нечему тут завидовать».

— Гм. А в вашей команде кто-нибудь ходил в такие рейсы? — как бы из-за неловкости Пушок переводит разговор «на другое».

— Нет, ребята не говорили, — сухо принял дядя Яша невысказанные извинения.

— Ребята у Вас немолодые, — сочувствует юнец ветерану.

— Ну да. Все, как я, женатые на море, — резковато ответил боцман, а вторым смыслом: «а вот тут, сопляк, можешь позавидовать».

— Вы служите с давних пор, знаете много моряков. Вам доводилось слышать о подобных рейсах? — с радостью «завидует» сопляк.

— Конечно. Я знаю много парней, служивших на каторжниках. Только они всё по-другому описывали. Совсем по-другому. Главное, они ничего не говорили про убийц. Я всю жизнь считал, что убийц вешают, а ошибся, — дядя Яша охотно пустился в воспоминания, под восторженным взглядом Пушка.

— А что вы можете сказать о нашем судне? — робким тоном пионера на встрече с ветераном спросил наш вербовщик.

— Ничего хорошего. У нас в команде есть матрос младше этого судна. Его недавно из старого бомбардира в транспорт переделали. Квартирмейстер Адамс рассказывал, он служил

на нём оберфейерверкером, — ухмыльнулся боцман, довольный почтительностью и искренним интересом.

— А офицеры? Как вы думаете, это у них первый такой рейс? — получил дядя Яша первую плюху. Тон и взгляд Пушка стали намного жёстче.

— Гм. Для Кэпа, Дасти и штурмана точно не первый. Я специально не подслушивал, да они и не таятся. Вспоминают какие-то истории и смеются, — немного растерявшись, ответил боцман.

— А вы говорите, что всё как обычно! Для корабля и команды это первый такой поход... и такие рейсы уже были, но никто о них ничего не знает, — не давая дяде Яше собраться, Пушок вlepил ему всерьёз.

— Ты хочешь сказать, что из таких походов никто не возвращался? — совсем растерялся боцман.

— Да, сэр Джэкоб, никто, кроме офицеров. Это корабль дураков, — чеканя слова, уже избивает ветерана юный каторжанин.

Дядя Яша неестественно веселится в психологическом нокдауне:

— Ха-ха-ха! Это когда было, да и было ли вообще? В наше время...

— В наше просвещённое время власти порой стесняются вешать детей. — Цедит пацан сквозь зубы. — Раньше не стеснялись, а нынче как-то неловко. Что им прикажете делать с малолетними убийцами? Например, с Заком или со мной?

Пушок уже снисходительно отвешивает боцману пинки презрения:

— Вот и возродили добрую традицию. Потихоньку. Команду тоже в дураки записали, чтоб вы потом в тавернах всякие ужасы не рассказывали... подобрали корабль и команду, чтоб не жалко, на один только рейс... туда без обратно...

— Мда. Дожил, старый я дурак, малец мне на пальцах очевидное объясняет! А я ещё смеялся! И шкипер у нас, и квартирмейстер, ещё капрал этот был. Думал, что начальство рехнулось, столько денег без толку платить, а они б... и не собирались, ё.....! — растерянность дяди Яши перешла в ярость унижения. — Что думаете делать?

— Спасаться, сэр Джэкоб. — Пушок снова почтителен.

— Ну и спасайтесь, охламоны! Я тебе зачем? — дядя Яша в яростной контратаке лупит воздух.

— Ещё неплохо было бы кое с кем посчитаться, — уже не так почтительно спокойно добавил Пушок.

— Бунт решили затеять?! Да вам, малолеткам, из трюма не вылезти. А кто вылезет, тем хана. Посчитаться им! Уж, не с нами ли, умник? — боцман веселится, празднуя «победу».

— Зак как-то вылез и обратно залез, — спокойно напомнил Пушок, — не сам, ему помогали.

— Помогали, тоже мне! Ну, спрятал мальчика ради хохмы, дальше что? — чувствует какую-то подначку дядя Яша, но не улавливает смысла.

— Спасибо вам за спасение Зака от всех нас! — с чувством благодарит его Пушок.

— Хм, да чего там... стой, от кого это, от вас? — всполошился боцман.

— Ну, Заки ловок, конечно, но такой финт даже ему в одиночку было ни за что не провернуть. Мы ему помогали, в нашей команде есть ребята и половчее Зака. Но без вас ничего бы не вышло, спасибо вам, — Пушок со всем уважением переходит к самой вербовке.

— Так с кем вы такие шустрые собрались сводить счёты? — почти всё о нас поняв, деловым тоном интересуется боцман.

— Для офицеров это не первый такой рейс. Они уже водили корабли дураков и сейчас сознательно везут нас, — клопоча в глотке не наигранной яростью рычит Пушок, — всех нас, сэр Джэкоб, везут на убой!

— Злишься? Хотя, за что нам их любить? Ну, угробим мы мразей, что дальше? — как бы безразличным тоном продолжает расспрашивать дядя Яша. Ух, неслучайно он сказал «нам» и «мы».

— Захватим суда, сэр Джэкоб, и удерём в колонии. Там нас не найдут, — запросто так просветил его юный отморозок. Даже улыбнулся.

— Шустрые вы, говоришь? Хм, мои ребята тоже ничего, хоть и немолоды. Вы уже придумали план? Ну, конечно, мог бы и не спрашивать. Только вы себе представляете, что такое дорога через океан? Это вам не людей резать. Много вас таких? Ну да, так ты мне и сказал. Что с остальными мальчишками думаете делать? За борт? А если нет, где припасов на всех наберём, кто за порядком будет следить? Где один бунт, жди другого! — Джэкоб деловит и серьёзен. Он сделал выбор, причём не только за себя.

— Про других ребят — скольких вместе с Заком выбросили? Вот и ещё выбросим, пока не добьёмся послушания. Куда-то мы скоро должны зайти? Там мы с послушными мальчишками награбим всяких припасов для похода, — по-деловому сухо излагает Пушок.

— Разумно, главное — лихо, никто ж такое себе и вообразить не сможет! — азартно хлопнул себя по коленке старый моряк. Аж головой замотал от удовольствия.

— Возвращаться нам действительно некуда, да и не зачем. Немножко попиратствовать, да? — с молодым блеском в глазах воскликнул Джэкоб. — Хех, ну излагай, как вы всё это думаете проверить, да не нужна ли какая помощь.

Ничего конкретного в тот раз Пушок излагать не стал, а пригласил дядю Яшу вечером в матросский кубрик. Вскипевшего было боцмана, он успокоил известием, что последнего «покровителя любимчиков» милосердно удавили как раз этой ночью. И Пушок, со своей стороны признавая сэра Джэкоба главой «взрослой» части бунта, берётся организовать ему встречу с главарём «детской», от чьего имени он и делает это предложение. Тем более будет очень подозрительно, если пацаны совсем перестанут посещать кубрик, а уж боцман всегда найдёт способ найти занятие матросам, не вовремя сунувшим нос, куда не следует. Ведь после несчастного случая с капралом Йеллоу он теперь старший на судне унтер-офицер.

— И впрямь хитрые поганцы, — хмыкнул дядя Яша поднимаясь. Пообещал потолковать со шкипером Джоном и привести его с собой поглядеть на нас.

Сэр Джэкоб и Пушок разошлись по делам, а я продолжил изводить Захара кошмарами. Интересное у нас получается кино — когда он спит, я транслирую ему свои воспоминания прямо в сон, но только те, что видел лично, о которых, по хорошему, сам бы не прочь забыть. И бедняга в сновидениях будто всё лично переживает. Ставлю ему мультики для разрядки и наши дворовые побоища. Стройбатовские ему ещё рановато — даже во сне получить по роже с размаху лопатой удовольствие ниже среднего. Он у меня ребёнок приютский, почти домашний, конечно, долго такое терпеть не смог, проснулся, оценил обстановку и перетянул роль истязателя на себя. Пока разминался, запросто просмотрел ленту подслушанного разговора, благо боцман с Пушком болтали по-английски. А вот когда мы принялись за палубу, мне понадобилось всё моё терпение. Он здорово продвинулся в русском, но не на лингвистическом, а на понятийном уровне. И с маниакальным упорством выискивает в моей памяти, что же я за всю свою прошлую жизнь успел узнать. Одно могу сказать точно — нецензурной лексикой и специфическим фольклором он овладел почти в совершенстве. Повторюсь, хорошо, что не на лингвистическом пока уровне, а то б сгорели со стыда. И это ещё полбеда, беда, что всё это он сразу переводит на своё родное наречие и делает мне мозг — кара моя за то, что в школе англичанку на х... слал. И математичку тоже, да и прочих... той же дорогой. Вот теперь за грехи мои тяжкие эта мелкая сволота вынуждает меня воспроизводить всё даже краем уха слышанное на уроках или испод палки прочитанное в учебниках, да ещё и на английский с ним за компанию переводить! Ради развлечения попытайтесь проделать это в уме с теоремой Пифагора, хотя бы просто сформулируйте! Так и убили б его давно, хорошо, что я постоянно настороже, чуть что прячусь, лично перехватываю управление, Захар ещё по-детски неуклюж.

Да и за кубриком поглядываю через щелку в переборке. С виду действительно почти ничего не изменилось. Когда туда приходят отдохнуть гориллообразные старики сэр Сэнди, сэр Джэкоб или сэр Джон, у всех сразу находятся срочные дела, или просто тянет поспать на палубе. С треть матросов законченные чмыри, которыми в любой команде помыкают до смерти. Это к ним ходили забитые, запуганные «любимчики» зарезанного Била Коняги, это им покровительствовал загрызенный акулами капрал, это ему они стучали на сослуживцев ради рома и прочих радостей. Теперь сэр Дасти общается с ними напрямую. Очень интересный джентльмен, по факту пассажир, но с положением гораздо выше капитана. У

нас такого назвали б особистом, только что ему делать на обычном каторжнике? Пока неважно, забавно, что матросики стали его избегать.

Вроде бы и мальчики ходят в кубрик, и ром они им носят. Заходит к ним в гости, допустим, Маленький Боб, шестнадцатилетний парнишка под два метра ростом. Ему ума и воспитания не хватает учесть, что дядя в два раз его старше — просто бьёт по роже, забирает ром и требует в другой раз притащить побольше, чтоб не убил совсем. А Пушок тем ромом угощает ветеранов и внимает военно-морскую премудрость и вообще за жизнь. Так теперь не мальчишки ходят в кубрик на встречи с матросиками, а наоборот, матросики уныло плетутся поболтать с мальчиками — с Бобом, с Полем Головнёй, Ершом Чарли, Эбом Топором или с Угрюмым Джорджем, самыми крупными нашими любителями такого общения. Матросики даже разобрались, когда чья очередь лезть в трюм тырить ром, и кому когда идти в кубрик разговаривать с детками, рассказывать, чего от них снова было нужно Дасти, да что слышно нового. Долго так, конечно же, продолжаться не могло, это было ясно и офицерам, и матросам, главное — это было ясно нам. Потому и не показался мне необычно торжественным визит в кубрик Длинного Джека и Ерша Чарли сразу вслед за боцманом и шкипером.

* * *

Расселись, полюбовались друг на друга и сразу перешли к делу. Сэр Джон объявил себя самым главным, потому что он шкипер. Чарли с ним согласился, но уточнил, — главным чего? Бунта? Ах, главным после бунта! Очень мило, только никакого бунта не будет — суда захватит и угонит в море местная шпана.

— Кстати, знаете кого-нибудь из местных? — уточнил Руда.

— Хитры поганцы! — хекнул боцман, — а из местных самый хитрый — ты. Пускай рулят, Джонни, а мы, если что, подскажем.

— Ну, лады, чай не об адмиральском чине спорим, — согласился Джон, — спрашивайте. Излагайте, и покумекаем сообща.

— Куда и когда мы должны зайти? — перешёл к делу Длинный.

— М-а, самое позднее — послезавтра утром. Это чтоб вы за ночь всё прибрали, и загнать вас на день в трюм с глаз долой. — Охотно объяснил сэр Джэкоб.

— Позволят оставить ребят в кубрике для дорогих гостей? — уточнил Ёрш.

— Непременно часть ночной вахты оставят, — скривился шкипер, — а то ж вас так скучно охранять!

— А сколько всего на шлюпе народу, и как всё будет происходить? — вникает Чарли.

— Где-то от полусотни до семидесяти человек команды при пяти офицерах, — легко ответил сэр Джэкоб.

— А будет всё просто — встанем в бухте на якоря, — шкипер начал лениво объяснять. — Треть отправится в город за продуктами, треть будет вас охранять, ещё треть останутся скучать на шлюпе. Но в городе ж всем охота побывать — будут меняться. Например, первая партия сделает рейс и сюда на смену. А потом...

— А потом нам нужно будет слепить лишь треть состава на шлюпе, — ухмыльнулся Ёрш.

— И как, коли не секрет? — ехидно спросил дядя Яша.

— Ну, вы ж в том городишке всех шлюх должны знать! — широко улыбнулся Джек, — договоритесь?

— А шлюп как же? — не понял шкипер.

— Блин! — вздохнул Ёрш, — договоритесь, чтоб девоньки служивых на шлюпе отвлекли?

— А! Это можно, — обрадовался дядя Яша. — А потом? Ну, пристанем к пристани надо будет грабить, а ваши сопляки разбегутся.

— Вот вы и подбейте местных, чтоб захватили наши корабли и загрузили награбленным, пока в городе беспорядки, — вкрадчиво предлагает Длинный Джек.

— Э... а откуда вы про беспорядки узнали? — удивился боцман.

— Так ведь сопляки не просто разбегутся, так набедокурят — у самих под ногами земля загорится.

— Вот же хитрая ты сволочь, Джеки! — восхитился боцман, — а солдаты, конечно, будут эти беспорядки гасить. Толково.

— В целом, я тоже согласен, — одобрительно кивнул шкипер, — остальное обсудим после захвата судов. Коль у них получится с кораблями, так и городишко обнесут.

Не спалось, как перед первым судом. Сажу на палубе, таращусь на звёзды, само собой, волнуясь, то ли молюсь, то ли размышляю. С роковой неизбежностью приближается утро нашего первого масштабного злодейства, пока ползут минуты обратного отсчёта. Захара уложил пораньше, чтоб выспался парень перед самым интересным, а сам себе думаю, что хочу. Вот, что при детях не стоит обо всём разговаривать, мне понятно и естественно, взрослый уже мужик. Но что даже за мыслями нужно следить — это, доложу я вам, шок! Захар сопит в сознании и видит красивейший сон, поставил ему мультик про Шрэка. Он у меня бессознательно вспоминается, я ж его при жизни раз двадцать посмотрел. Устроил ребёнку радость перед кровавой баней, Оле Лукоевое, блин! «Спят усталые игрушки», книжки отдыхают! Полный трюм спящих мальчишек и наша чёртова дюжина. Память даю на отсечение — никто из сталкеров не спит. Завтра момент истины — захват кораблей.

И не в том дело, что кто-то тревожится за исход, о чём волноваться мертвецам? Дело в мальчишках — мы вынуждены дать им шанс сойти с корабля дураков. Вернее, попытаться удрать. Нам-то ясно, что с нашей посуды выход только за борт, а их ждёт проверка на сообразительность. Да и нас тоже. Потому только мы и команда пойдём на злодейство, захват кораблей, чтоб у пацанов появился чистый выбор. Что же они выберут? Дорогу через океан или виселицу на суше? Да, мы предложим им участие в грабеже, но идти за нами или бежать, каждый решит самостоятельно. Для этого им всего лишь нужно осознать, что корабль дураков — это до смерти. Вот такой отбор без подсказок. Просто для того, чтоб тех, кто за нами пойдёт, никогда и ни в чём не жалеть. А своих бедолаг мы уже не жалеем, хотя Захару кажется, что он всё выбрал сам, поговорить бы с ним... Но как об этом разговаривать с ребёнком?! Эх-хо-хо, горизонт светлеет, скоро проснётся, достанет ещё разговорами. Обратный отсчёт сорвался с катушек, понёсся секундами...

Утром, как конвойные заталкивают зэка в допросную, шлюп пропустил каторжника в уютную гавань. Парней не выпустили на opravку. Типа, радуйтесь, сегодня выходной, завтра всё почистите. Я затаился в такелажке за канатами в полной готовности и в ожидании продолжения. Лежу, закрыв глаза, прислушиваюсь к окружающей среде и вкушаю от Зака английской премудрости. Быстро у нас это дело двинулось. Чем лучше понимаю речь, тем обширнее доступные напрямую сегменты его памяти. Вот почему тогда Руда спрашивал, кто английским владел при жизни. Им с самого начала была доступна почти вся память реципиента. А Заки у меня стал немного пришибленный. Он тоже в русском серьёзно прогрессирует и получает доступ к моим массивам данных, о которых я сам даже не подозревал. Для подростка семнадцатого века, мягко говоря, очень непривычно. Ничего, привыкнет. Пока он в тихом шоке от открывшихся перспектив, его обуяла жадность к новому знанию. Изводит меня языковыми уроками, как я его физподготовкой. Но сейчас оно к лучшему, время ожидания пролетает незаметно и можно о многом пока забыть...

Наконец, послышались команды лечь в дрейф, отдать якоря и паруса долой. Пора нам. Поддеваю кортиком подпиленные доски, отдираю их по одной. Ничего так лючок получился. Теперь верёвку туда. Первым вылез мрачный, полный плохих предчувствий

Черныш оценить обстановку. Помешан парень на конспирации. Последний раз оговариваем план — вечерняя вахта уже подняла парашу, спустила воду, сухари и сама убралась в трюм, только Руда и пацанята Ерша остались в кубрике «за ром». Они дубьём будут встречать дорогих гостей, пока мы с юта не отзвоним склянок, после чего чистят бак и полубак, не опасаясь удара с кормы — к тому моменту там всё должно быть зачищено.

— А почему ты Чарли, Гарри Весельчак? — не могу удержать необъяснимого любопытства.

— Вот тебе вовремя приспичило! — раздражился Черныш, — пацаны Ершом прозвали за характер.

— Но почему Чарли? — я не отстаю.

— Ну... Гарри бы непременно повесили, уж больно у него странный юмор, — стесняясь поведал Черныш, — он у меня немного серийный... но никого бессмысленно не убил!

— А Чарли?

— Так перед казнью, как мы думали, явился священник с двумя солдатами нас исповедовать, в том каменном мешке было душ до полусотни. Ясно всем стало, что кому батя раньше душу облегчит, тот первым и пойдёт. Ринулся народ по углам жаться, застеснялся, а Гарри весело стало на попа вблизи посмотреть, вот и вышел вперёд. Тот загундосил, мол, исповедуется раб божий... и на Гарри уставился. А тот возьми и ляпни: «Чарльз, исповедуюсь в разбое». Ну, был там один Чарли, всё ныл, что его всего лишь за то, что в чужой дом с ножом залез, вешать не должны. Гарри и рискнул проверить. А поп испытующе так глянул и переспросил, искренне ли Весельчак раскаивается. Тот сказал, что прям очень-при-очень. А это, оказывается, такая была проверка или отбор — раскаявшихся и принявших наказание подростков в тот раз решили помиловать. Того-то разбойничка вздёрнули, так Гарри в благодарность его имя стал донашивать. Да и репутация у Весельчака так себе, жутковатая даже для корабля дураков.

— Уяснил? — улыбнулся мне Черныш, — успокоился?

Я кивнул.

— Тогда понеслась, — он тихим свистом вызвал парней, ребята мигом вылезли в такелажку. Первая пятёрка в комплекте, — пошли, ребята.

Маленький Боб со своими пока за порядком в трюме проследят. Осторожно выходим из такелажки. Деда на фасаре расставлены. Боцман нас немного разочаровал. К нашей затее из своей команды он привлёк только треть: шкипера, сэра Джона, дядю Изю, плотника, Сэнди, Грегори и квартирмейстера, старого Адама. Другую треть назвал мутной, а остальных бздунами или того похуже. Приходится таиться на своём, блин, корабле. Тихим свистом привлекаю внимание дяди Яши. Тот, глянув в мою сторону, смачно сплюнул за борт. Значит, всё в порядке, вылезаем на бушприт и по одному рыбкой в море плюх. Гребём под самым бортом к корме.

Я первый, потому что самый лёгкий. Мне сначала беседку на рыме развязывать, потом лезть с верёвкой до дырки сортира. Уф! То ещё занятие этот промышленный альпинизм. Залезть — меньше, чем полбеда. Сначала, обвязавшись и раскорячившись, удержаться, пока по верёвке поднимется Плюшевый. Зуба мы поднимаем вдвоём, Клыка втроём, последний у нас Черныш — самый тяжёлый, наверно потому, что самый умный.

Тесновато впятером в гальюне, быстрее бы наружу. Но надо терпеть, дядя Изя же терпит. Судовой плотник Израэль Хэндс давеча категорически закрыл доступ в сортир,

заявив, что не ручается за прочность досок и здоровье посетителей. Затеял ремонт, натащил к дверям заведения деревяшек. Только не клеится у него что-то, возится долго. У самых дверей. Его самого припёрло как раз, когда конвоиры прибыли, Кэпу доложились и по постам разбрелись. Думает, чего куда-то тащиться, когда офицерский гальяун под носом? Один-то раз можно, чай не провалится. Открывает дверь, а там мы.

— А, это вы, ребята?! Чего вам, дубин и верёвок? Ну, забирайте и бегите убивать, только сильно не шалите, — ласков наш дядя Изя.

Подходим к кап-каюте, часовой, сэр Джон, нам смешливо откозырял. Из-за дверей слышен голос капитана:

— Перестаньте брюзжать, Дасти, никуда не убегут ваши секретные дела. Осталось немного подождать. Скоро шлюпки отвезут нас в город.

— Угу, скоро. Пока вся команда шлюпа не нагуляется на берегу.

— Что Вы как старик, ей Богу! Нас ждёт целая ночь развлечений!

Ага, и не одна. Заходим внутрь радушно улыбаясь. Блин, Джима с Боу не хватает, носит их где-то. Остальные сидели за столом. Дасти и штурман спиной к входу, Кэп с обратной стороны стола рожей к нам. Кэп отчего-то нам не обрадовался, расстроился даже. Ну, понятно, у переборки пирамида с мушкетами, тут мы пришли, а ему хоть жопой стреляй.

— Какая встреча, Кэп! Вы разве по мне не скучали? А я вот очень соскучился, — куражусь над клиентом. Однако довольно лирики. Плюшевый без предисловий врезал Дасти коленом в печень, а Черныш с размаху врубил дубиной по загривку так, что Дасти воткнулся благородной мордой в стол. Из-под штурмана Зуб выбил стул, а Клык коленом в спину скорректировал падение. Переносицей в ребро столешницы — любит Клык классику.

Всё это побудило Кэпа к действию — начал что-то в столе правой рукой нашаривать. В неё-то мой кортик и прилетел, в плечо воткнулся. А он зараза упорная не унялся, левой начал в столе шарить. Запрыгиваю задницей на стол и с разворота ему двумя ногами по раненному плечу. Вот так-то лучше. Задохнувшись от боли, мразь валится с кресла, раззявив пасть в беззвучном крике. Так, что там в столе? Ухты! Золотишко и пистолет. Вряд ли он собирался от нас откупаться, наверно убить хотел.

— Так ты, сука, хотел меня убить?! — шиплю ему в рожу и бью рукоятью пистолета по раненной руке.

— О-о-о, умоляю, не надо. Деньги в тайнике вон за той панелью. Там много. Берите и бегите, может быть, вам удастся удрать, — скулит Кэп.

— За деньги спасибо, только мы не можем оставить Вас в таком состоянии. Вы были так добры ко мне, — говорю ему, снимая с него камзол. — Парни, хорош, забьёте же.

— Хм, ты прав, пожалуй, — задумчиво оглядывает клиентов Черныш, — только продырявь Дасти клешни, он ими всё равно толком пользоваться не умел.

— Ага. Клык, ну, перестараетесь же, насмерть забьёте! — укоряю братцев, пробивая Дасти левое плечо.

— Подумаешь, насмерть. Авось не сдохнет. — Бурчит Клык.

— Держите же себя в руках! — убеждаю ребят, пробивая Дасти правое плечо.

— Без симметрии нет гармонии, — заметил Черныш, поглядев на Кэпа.

— Блин, точно. Сейчас исправлю, — втыкаю кортик Кэпу в левое плечо и чуть не ору, — да свяжите вы уже Доусона, хватит с него.

— Ну, хватит, значит достаточно, — соглашается Зуб.

Перевязали дырявых рукавами их же сорочек, связали им руки. Теперь пасти перетянуть, чтоб не орали.

— Парни, пусть Дасти с Кэпом пока на цыпочках постоят, — говорю, закидывая верёвку на крюк. На него обычно вешают фонарь. Теперь эти немножко повисят. Подвесили их не за шеи, чтоб ненароком не удавились, а за раненые руки, вернее, локти — подволок низковат. Полезно, когда за руки. Во-первых, кровь отливает от дырок в плечах, во-вторых, если попробуют встать на пятки, будет очень больно — они же на одной верёвке. Интересная у них будет игра — кому стоять, кому висеть, качельки прям.

— Ай-ай, сэр лейтенант, сэр, — заорал от гальюна дядя Изя, в порыве служебного рвения.

— Эге, Джим с Боу идут, приготовиться, — командует Черныш.

Встреча получилось прохладной и краткой — каждому по пинку под колено и дубиной по голове. Больше их не били, просто связали и рты перетянули. Зла на них у нас особого не было, да и дел полно.

— Кэп, я к Вам так привязался, что даже не знаю, что буду делать без Вас... Придумал! Возьму-ка я Вас с собой и буду развлекать, как умею. Мы, если что, собираемся удирать на этом корабле. Здорово придумал? Тоже очень рад. Вы тут повисите, я пока сильно занят. Но, честное слово, как только освобожусь, сразу к Вам. И к Дасти. — Душевно поднимаю им настроение.

И чего распинался? Парни молча выдали им по пинку. Взяли из пирамиды по мушкету. Зарядили древних уродов, обозлились, ещё по разу пнули Кэпа и на выход. У дверей капитанской каюты дядя Ваня, шкипер, на переборку облокотился и задумчиво мизинцем в ухе ковыряет. Шкипер в кормовую надстройку чужих не пустил, чтоб палубу не затоптали.

— Ох, и шумите вы, ребятки! Мне мушкет взяли? Тогда я у Зака заберу, у него вон пистоль есть. Пойдём что ли? Только не запнитесь, валяется тут один.

— Сэр Джон, что ж ты у него мушкет не взял? — недоумеваю, отдавая пушку.

— Не было у него, шпажонка тока. Офицерик со шлюпа, конвоем командовал пока в рожу не получил, — говорит дядя Ваня и, спохватившись, что болтает с сопляком, выдал мне подзатыльник и поучение, — не по росту тебе мушкет, ты пистоль-то удержи.

— Зарежет он тебя, шкипер, а жаль, — сочувствует дядьке Черныш, переходя к делу. — Сколько их всего, где, поскольку, что делают?

— Ну, всего их пятнадцать с офицером... Эй, ты чего там, Зак, запнулся? — беспокоится шкипер.

— Без офицера. Не отвлекайся, сэр Джон, — успокаиваю старика, вытирая лезвие.

— Вот ведь, точно зарежет гадёньш!

— Потом как-нибудь, а сейчас продолжай уже! — снова пытаюсь успокоить дядю Ваню.

— Ага, поживу ещё, значит, ну, спасибо. Уф, ладно. Двое на мостике, трое на баке, ещё трое на полубаке, трое на юте, четверо в резерве, то есть сменные. Сменные дрыхнут, остальные начальство матерят, в кости играют, да на берег пялятся. Если стрелять не будете...

— Как скажешь, сэр Джон.

— Зак, языком кровяну с палубы слижешь!

— Да успокойся, шкипер, мы ж не звери! — теряет терпение Плющ, — Черныш, давай уже, командуй!

— Ты с Заком на мостик, мы берём ют. Потом пакуем сменных. Сразу после склянок...

— Каких склянок, сынок?!

— Ну, позвони, шкипер, трудно тебе, что ли? Длинному сигнал дадим. Вот после сигнала быстро, но аккуратно, лепим полубак и бежим страховать Джека. Они ж там без мушкетов совсем, бедняги.

— Как я! — горестно вздыхая, соглашаюсь с Чернышом.

— Да подавись ты своим...

— Отставить, сэр Джон. Всё, парни, начали, — даёт Черныш отмашку.

Занялись гуманизмом, как и полагается нормальным подросткам. Не то, что не убили никого, даже не изуродовали. Ствол мушкета в нос и доброе слово творили чудеса. Часовых на мостике пришлось два раза окликать. Во-первых, орать нельзя, во-вторых, очень уж они увлеклись разглядыванием и обсуждением местных красот. Туристы, понимаешь. И рожи у них были не злые или испуганные, а какие-то раздосадованные, будто им на пикнике испортили настроение глупой шуткой. Ещё бы, Плюш своему с досады по башке прикладом мушкета врезал, а я культурно ткнул стволом пистоля дядю в бок и попросил тоже прилечь. Ну и по затылку рукоятью, чисто чтоб никому не было обидно. Ведь это вам, ребятки, не пикник, эта шутка — начало долгого, захватывающего, экстремального турне «пиратский плен».

Остальных взяли также, только с нюансами, резервных даже не стали будить — приложили каждого прикладом по башке, да так и повязали. Ещё на полубаке нам ничего не обломилось. Там парни второго отряда уже заканчивали упаковку конвойных. Руда нам обрадовался, как родным, и за нерасторопность послал растаскивать пленных в композицию «чтоб в глаза не бросалось». А они проведут работу среди несознательной части команды. Комиссар, блин, серийный.

Приступили к икебанае из связанных и контуженных. У Закари кроме subtilности обнаружился художественный вкус, и мы с ним сразу возглавили процесс. Вроде «вот чего вон у того головёнка как-то набок, и что там за ноги торчат?» Удостоились признания в виде одобрительной ругани от пацанов и ласковой затрецины от дяди Вани. Руда просто покивал башней, мол, пойдёт.

Они повысили насколько можно команде сознательность, но, судя по его кривой ухмылке, ненамного. Половина из неприсоединившихся — просто придурки, всем скопом тупо ссат. Но пообещали слушаться и не дёргаться с условием, что их не убьют, а утром, перед выходом в море, отпустят на берег. Ага, после того, как они над мальчишками измывались! Смотреть было больно, как Руда горестно вздыхал, рассказывая. А чему он удивляется? Нынче время клятв, дурацких принципов и отсутствия логики. Пушок мне возразил, мол, всё они понимают, но, во-первых, не хотят лишать себя надежды, во-вторых, ради собственных комплексов предпочитают быть обманутыми, а не предателями. Ну, ему виднее, психологу нашему.

— Что, так никто и не завербован? — не поверил Плюш.

— Ну, один-то как раз есть. Старина Билли, — проворчал Маламут.

— Бонс? — усмехнувшись, ляпнул Черныш по наитию.

— Ага. А как ты догадался? — поразился Хаски.

— Малыш, ты книжки в детстве читал? — под общий хохот спросил Черныш.

— Мы и так в детстве, и нам как-то не до литературы пока, — фыркнул Хаски. — Что у нас по графику?

— Организуем комитет по встрече смены нашим вертухаям, — веселится Руда, толком не проржавшись.

По плану морячки, что мычат сквозь тряпочки и пытаются сообразить, как такое могло произойти и чем может кончиться, должны были в город грести за продуктами и развлечениями. Зачем им, спрашивается? Мы их сами развлечём и сухариков дадим с плесенью. Скоро их кореша навелят и останутся за компанию. Очень мило всё получается. Заранее радуясь за них, присоединяемся к встречающим.

У шпормтрапа стоит очень бледный морячок лет двадцати пяти не больше. Стоит он в компании дяди Яши. Дядя Яша ему в бочок упёр нож и задушевно с ним беседует:

— Что бы ни сказали, молча машешь гривой. Если хоть полслова вякнешь, я тебе, гадёныш, кишки выпущу и сожрать заставлю. Понял, сучёнок?

Морячок усердно закивал.

Мы на палубе уселись спинами к фальшборту. Будут они по одному на борт подниматься, а тут — сюрпрайз! Пока ждём, делимся впечатлениями и строим планы.

— Закари, в кап-каюте остались хоть немножко живые?

— Обижаете вопросом, Джек. Мы ж не эгоисты какие, обо всех подумали. Нам Кэпа и Дасти надолго хватит, остальных надо вербовать.

— Нафига они нам? — Зуб презрителен.

— Заки верно рассудил. Зачем штурман, понятно без объяснений. Джим и Боу сами предложат услуги. Небогаты, раз служат, а тут ещё крах карьеры, — согласился Пушок. — Их только нужно от остальных пленных изолировать и подержать с недельку в каком-нибудь тесном помещении с хорошей прослушкой.

— Подберём им квартирку. Вообще-то квартирный вопрос стоит остро. Есть мысли? — озвучил проблему Руда.

— Если чего-то не хватает, это нужно где-то украсть, или у кого-нибудь отнять, — философствует Плюшевый, — вон у пирса купеческая лохань разгружается, давайте захватим.

— Нам бы шлюп захватить, а ты на левые лохани замахиваешься, ручки твои загребушие, — ворчит Лют, — как к нему подойти-то?

— А нафига прямо к нему, — улыбнулся Черныш, — мы как бы мимо, они нас сами пригласят. Когда пиндосов упакуем, на их шлюпках рванём на берег. Купим местную одежду и договоримся с затейницами.

— Кстати, на какие шиши? — Руда угрюмо уточняет детали.

— Кэп сдал тайник с казной. Бабла на собственный бордель хватит, — пояснил Черныш.

— Во! С одной шлюпки отвлечём, с другой атакуем, — заканчиваю мысль.

— Всё бы тебе в атаки ходить, — ухмыльнулся Пушок, — девки их так отвлекут, никаких атак не понадобится.

— Дубинки надо будет захватить, чтоб их не резать. — проявил немного гуманизму Хаски. Видно, что ребят от происходящего слегка мутит.

— Нашёл кого жалеть! — фыркает Стужа.

— Не кого, а что. Нам понадобятся их мозолистые руки, — поддержал брата Маламут.

— В каком месте они тебе понадобятся? — ржёт Зуб.

— Ну, мы же будем не просто удирать, а куда-нибудь пойдём. Мы пираты? Значит, будет нужна база. Там нам для обустройства понадобятся рабочие.

— Хм. Знать бы куда идти. — Черныш задумчив.

— У Кэпа спросим. Ещё штурман что-нибудь присоветует, да на шлюпе поинтересуемся, — одобряет Руда.

— Что ж, здраво. Что там с той лоханью, Грегори? — интересуется Лют.

— Ну, как шлюп захватим, прогуляемся по городу, присмотрим кой-чего. Наши суда к пристани подтащим. Дядя Ваня купчишку зафрахтует, коли деньги есть. А как в городишке поднимется шухер, поможем хорошим людям удрать с имуществом.

— Сынок, не знаешь, что за кораблики вон там стоят? — боцман ехиден.

— Ну, один, как наш конвоир, а второй побольше, вроде, — Плюш пожал плечами.

— Угу, шлюп и фрегат, — кивнул боцман, — догонят зараз.

— Дык, давайте в них втихаря дырок наделаем, чтоб они за ночь водички в трюм набрали. Пока воду откачают, пока дырки найдут и заделают, мы далеко уйдём. Пусть потом предъявляют Британии, — поддерживаю Плюша.

— В городе есть кузнецы. Закажем что-то вроде большого шурупа с кольцом вместо шляпки, — размышляет Хаски.

— Еще нужны будут маленькие, чтоб легко закручивались.

— Зачем, Зак?

— Подвязаться к ним, чтобы работать было удобнее. Ты мне поверь, я ж промальпом занимался.

— Уф, фантазёры! — ухмыляется дядя Яша. — Судя по их такелажу, давно они здесь, охрана порта, видать.

— И что, охрана не тонет? — не улавливаю смысла.

— Заки, зачем топить корабли, когда легче зарезать их капитанов? — на что-то намекает дядя Яша. — Ведь так, Заки?

— А где тех капитанов искать? — заинтересовался Руда.

— На берегу поищем и обязательно найдём. Всё сынки, готовьтесь, подгребают, — сказал нам дядя Яша и тут же весело кому-то заорал. — Эй, сосунки, я надеюсь, вы несильно опозорили королевский флот перед местными девками? А то я уже тридцать лет у них скидку нарабатываю!

— Погоди, старый козёл, сейчас мы поднимемся, вместе посмеёмся! — ответили дяде Яше. Что ж, велкам, тут все не прочь посмеяться. А за козла ответишь!!!

— Хорош с них, ребятки, — благодушно улыбаясь, дядя Яша оценил веселье, — они больше не будут обзывать.

— Конечно, не будут, — пожимаю плечами, ещё раз оттянув голову морячка за волосы и шарахнув его мордой об палубу, — а за козла ответят. Блин, надоело уже, но лень — страшный порок. Снова тащу несчастного за космы.

— Заки, палубу поломаешь. Всё, последний раз, и хватит.

— Й-ех! Тресь! Хорошо, дядя Яша, — отпускаю вражью голову. Блин, пальцы стали волосатые, как у взрослого.

— Это палуба треснула? А... у него чего-то... всё, ребятки, надевайте матросские курточки, обувайтесь в башмаки и поедem в город за девочками, — уговаривает боцман разошедшихся парней, как маленьких. Ну, не очень маленьких, к веселью с удовольствием присоединился старина Билли.

— Шабаш, братцы, — рявкнул Руда.

Избиение сразу прекратилось. Бойцы принялись стаскивать с еле мычащих морячков куртки и башмаки. Это чтоб на шлюпе не подумали, когда мы под видом матросов полезем в шлюпки, что их товарищи каторжанам одежду с обувью проиграли.

— Так, обулись? Всем велики, не ной. Куртки надели? Зак, у тебя же ножик, обрежь полы... блин, дай помогу... ну, пойдёт. Построились... Сэр Джэкоб, пираты на разведку построены! — дурачится Руда.

— Гм. Успокоил ты меня, Джек. Я уж решил — хана, вообще неуправляемые. — Не оценил боцман шутку. — Ну, раз готовы, Билли, командуешь второй лодкой, в шлюпки по двое... пошли, сынки!

Шустро запрыгнули в шлюпки, дядя Яша только головой покачал от удовольствия, а старый Билли что-то одобрительно проворчал. Дождались, пока сам боцман слезет, и дружно навалились на вёсла. Грести я доверил Захару, он всё-таки выпался. Да и видами захотелось полюбоваться, а то всё как-то мимо проходит. Как и не умирал вовсе, всё дела, заботы, суета левая... а тут лазурная бухта, белоснежный город в тропической зелени, красавцы-парусники!

— Гробы с протухшими жмурами твои красавцы, — не разделил моих восторгов Захар, романтический юнга. Хотя романтизм он, кажется, утратил. Зато грести выучился, а меня просто бесит техническая убогость эпохи в самых простых вещах. Как у Джерома К. Джерома о стилях гребли описывается? Я тоже ржал, пока сам не насладился. Так Ерёма юморил над лодками конца 19-го века, а как оно сейчас? Не смешно. Судя по рожам пацанов, в шлюпке только каторжане, ни одного сталкера. Ладно Захар — почти домашний ребёнок, а Пол с Джеком? Остальные, блин, не намного их безобиднее. Я аж мысленно напрягся. Захару стало смешно, и он запел матросскую песню. Пацаны подхватили, откуда только слова знали? Хотя, оно как раз неудивительно для страны мореплавателей. Боцман расцвёл весь:

— Хорошая у вас команда, ребятки. А будет ещё лучше, только подучить вас, да подрасти бы вам.

Ребятаки, не прекращая гребли, заржали, как бывалые матросы, долго не могли проржаться, а проржавшись, продолжили песню. Но даже бесконечные морские песни заканчиваются или надоедают. Парни переключились на более интересную тему.

— А каких девок нам надо и сколько? — открыл дискуссию Грегори.

— Тебе никаких и нисколько, — охладил его Пол, — забыл, кому и зачем девки?

— Я считаю, что надо страшных, чтоб потом зарезать было не жалко, и дешевле получится. — Подала голос жалостливая душа Невиноватого Джона.

— Кто ж на страшных клюнет, Джонни? — воскликнул Тони, — нормальных надо. А резать так и так придётся. Их и без нас режут, работа у них опасная.

— Много ты об их работе знаешь, как я погляжу, — подначил Зак.

— Ничего он не знает. У девок есть хозяин, — буркнул Гари, — возьмём, каких продадут, а там посмотрим.

— Только хозяина их обязательно гасим, — уточнил Джек. — И вообще, все, с кем будем контактировать, отправятся или с нами, или на тот свет.

— Молодцы, ребятаки, ничего-то вам объяснять не надо, — сипит дядя Яша, — табань, приехали. Заки, на швартовку.

— Ай-ай, сэр, — крикнул Захар, выпрыгивая на пристань.

Подвязал швартовые. Рядом вторая шлюпка причаливает. Парни с дедами полезли из лодок. Оглянулись по сторонам. Мда. С живописными городами, как с парусниками — любоваться лучше издали и не очень вглядываться. Для Захара ничего особенного (на родине также), но я не смог сдержать гримасу. Пацаны тоже сделали морды а-ля санитарный инспектор в нелегальной чебуречной.

— Что, ребятаки, обалдели? — неправильно понял нас дядя Билли.

— Придётся штрафовать эту помойку, — вынес вердикт Руда. Похоже, что мысли у нас сошлись на одном образе.

— Ну-ка, Джек, напомни, откуда мы только что вылезли? — обиделся дядя Яша. — Снимайте куртки и башмаки, привыкли к хорошему, зазнались!

— Не злись, дядя Яша, не шути так, — пытаюсь извиниться перед стариком.

— Какие шутки? Снимайте быстро, вам надо подобрать местную одежду. Вы ж не думаете, что я буду за неё платить? — оскорбился нашей тупостью дядя Яша. — Ваши куртки и башмаки старьёвщику отнесу, я ж боцман.

— К старьёвщику? — переспросил Лют, снимая куртку.

— Ну, он не только старьёвщик...

— А ты не просто боцман! — смеётся Руда, стаскивая башмаки.

— Ага, Джек, ты башмаки оставь, они тебе вроде бы впору, — бурчит боцман, запихивая барахло в мешок. — Так, ребятаки, ждите здесь, сильно не шалите. Пойдём, Бил.

Дядя Бил и дядя Яша удалились с мешком, оставив нас охранять шлюпки. Взаправду охраняем. Ну, поскучали для приличия, освоились. На пристани навалено добра! Старые бочки всех размеров, ящики, кучи обломков. Но в свалке угадывается система — проложены тропинки, фекальные сталагмиты распределяются с нарастанием высоты и кучности от уреза воды вглубь территории, занимая все теневые участки поверхности. Ещё крысы. Просто гуляют, как тунеядцы в рабочее время. Ну, как у нас на каторжнике. Одна такая (или такой?) мимо шла, так я ей для шустрости ногой поддал, чисто по привычке. Навесиком

пошла, Хаски подачу принял, обработал, передал Пушку. Он... ну, нашли мы себе занятие. Играем это мы в футрэт, как сострил Руда.

Смотрю — два хмыря к нашей шлюпке шасть и отвязывать, как своё. Я к ним ближе всех стоял, говорю, мол, осади, падла! Как тогда Заки всхлипывал? «Он меня ногой и не попал, не устоял он на одной...» С лезвием в печени. Второй ни возмутиться, ни удивиться не успел — прилетел ему в голову булыжник. Наверное, Клык с ремня запустил, любит он это дело. Хмырь сдох без разговоров и в море давай падать. Плавать там собрался у всех на виду. Я его хватить и держу, а он тяжёлый, взрослый же, хоть и дохлый! Хорошо, парни подбежали, помогли. Пресекли кражу, угонщиков обработали. Есть сноровистые пацаны в команде, обобрали клиентов, замаскировали их всяким хламом. Огляделись, как порядочные. Не видел ли кто? Решив, что всё нормально, запустили в круг свежую крысу, старая уползти успела.

Играем себе, играем... глядь, опять двое. Местный обычай, видимо — парами шастать. Два пацана, одеты — чисто принцы в изгнании. Стоят подбоченившись, смотрят на нас нагло, но приветливо. Ну, нормальные ребята, думаю, тоже хотят поиграть. Отпасовал им крысу. Один, засмеявшись, ловко пнул её Плюшу. Втянули их в игру. Минут через пять, смотрю — опять двое пацанят на нас пялятся. Я аж оглянулся на тех, ну, предыдущих. Те на месте, блин, голову, что ли напекло? Пасую крысу новеньким... Дежа-ву — смеясь, пнули её обратно в круг.

— Руда, херня какая-то... — бормочу в замешательстве.

— Сам вижу, что фигня получается. Что им от нас понадобилось, как бы поинтересоваться? — Руда отдал пас Чернышу.

— Парни, может, хорош уже по-русски? — сделал нам замечание конспиратор и отправил пинком крысу местному. — Парни, вам чего?

А тот по ней влупил с размаху, зверушка, как ядро, врезалась в кучу мусора... под которой дохлых спрятали!

— Такой же, — прокомментировал свои действия парнишка на дрянном английском.

— А ещё что знаешь по-английски? — улыбается мальчишке Пушок.

— «Мало», «дай», «не надо»... Ругаюсь, — пожал плечами пацан, — а на хрена вам английский, ить вон тот и этот ещё тока что по-русски говорили?

— ...?!!! — пытается что-то сказать руками Руда.

— Мальчик, ты не из Б-ка? — спрашиваю, выглядывая в окрестностях летающую тарелку.

— Не-а. А вы оттудава? Не слыхал про такое место. А как вы тут очутились?

— Это не важно, мальчик. Главное, как те двое оказались в той кучке, — улыбнулся ему Руда.

— Не пугай ребёнка, Джек. Вон, пацан аж побледнел. — Выговаривает ему Пушок. — Давайте, парни, присядем, поговорим, хватит уже животных мучить. Располагайтесь, не бойтесь.

— Я не боюсь. А за тех благодарствуйте, выручили. Податью нас обложили, крысы, — спокойно ответил пацан, усаживаясь на какой-то ящик. Дружки его остались стоять и молчать.

— Кого это, вас? — сделал стойку ушами Плюшевый.

— Ну, я — Петя, тот — мой брат Ваня, те — Митя и Гриша, тоже братья, только у них все умерли, — представил Петя нам свою компанию, размахивая рукой.

— А у вас, значит, не все? — серьёзно спросил Пушок.

— У нас ещё два деда осталось и братанов трое, они с дедом Пашей и с дедом Колей сейчас в море, по рыбу ушли.

— Скажи-ка, Петя, с каких доходов вас те упыри оброком обложили? — спрашивает Пушок.

— Ну, известно с каких. Вам-то уж точно известно, — оценивающе прищурился Петя на наш прикид. — Мне про вас Гриша сказал, что на пристани шайка завелась. Только вы тут новые, хоть и лихие. Мы вам обскажем, что да как, с голоду не помрёте.

— А ты за старшего? И почему? — интересуется Пушок.

— Дык, наш с Ваней батя, Царствие ему Небесное, атаманом был, а я старше Ваньки, — с гордостью поведал Пётр, перекрестившись.

— Каким атаманом? — как бы невзначай спросил Руда.

— Казачьим, каким же ещё? А! Так вы всё же гличане, тока по-русски где-то насобачились, раз не знаете, какие атаманы бывают.

Всё, Петя. Хочешь, не хочешь, а билеты на наш круизник для всех вас уже забронированы.

— Да, мы — англичане. Извини, если ошибся, — продолжает располагать к себе Пушок.

— Не за что. Я тоже не очень-то русский. Родину совсем не помню. Деды обещали нас казаками вырастить, но казак — это ещё не значит... э...

— Во-во. Петя, как думаешь, деды смогут воспитать английских казаков? — задумчиво ляпнул Руда.

— Ха-ха-ха! — заржали все четверо. — Каких?!

— Гм, Петя, мой друг шутит. Смогут деды из англичан сделать казаков? — улыбнулся Пушок.

— Хм. Не знаю, — задумался Пётр, — они на вас посмотреть должны, поговорить с вами. Чтоб вы всё про себя без утайки рассказали. Дело-то семейное.

— Петя, только честно — вам здесь нравится? Хотите отсюда уехать? — жёстким командирским тоном дал вводную Руда.

— А как? Стой, а куда? — обрадовался было Пётр, но сник. — Это вам с дедами надо говорить. Они ближе к вечеру будут.

— Поговорим, Петя. А пока слушай. Мы тут все пираты. Идём на захваченных судах попытать за морем счастья. Сюда зашли городишко этот пограбить, — глядя в восторженные мальчишеские глаза, вещает Черныш, — если хотите подзаработать, покажите нам, где тут что. Покажете?

Петя смог только кивнуть.

— Вот и договорились. Когда деды вернутся, — приступил Черныш к деловой части, — расскажи им про нас. Если они в целом не против, мы готовы подробно всё обсудить. Мы тут до утра будем. Лады?

Петя снова кивнул.

— А пока, раз вы согласны нам помочь, позовите местных пацанов.

— Дык, русских же только...

— Можно нерусских, главное — лихих, — уточняет Руда, — кого найдёшь, шли сюда. Ждите здесь. Мы только во-о-н тот кораблик быстренько захватим и подойдём. Обсудим

кое-что. Договорились? — встаёт Руда, протягивая руку.

— Договорились, — ударил его Пётр по ласте.

— Кхе. О чём это вы договорились? — прохрипел дядя Яша. Блин, даже не заметили, как подошёл.

Пацанята уставились на боцмана, открыв рты. Мы к нему немного привыкли, и нас его монументальность уже не впечатляет. А вот казачат! Горилла в мундире с сабельным шрамом через-наискось всей сизой хари. Классика. Ещё и реальный Билли Бонс в добавок. тоже красавчик.

— Петь, не робей, это дядя Яша, наш боцман, и его помощник мистер Бонс, — улыбается Руда, — ну, бегите, парни, у нас тоже дела.

— Ага, — вяло отреагировал пацан, с трудом отрываясь от гипнотизирующего зрелища. Ребята ушли, то и дело оглядываясь на моряков. Золотые стариканы своим незабвенным обликом подтвердили наше пиратство лучше приговора суда.

— Так о чём договорились? — повторил вопрос дядя Яша.

— Местные нам помогут. А чего им канителиться? Трястись, пока поймают, потом следствие, суд. Коль уж мы здесь, всё упрощается. — Мне открылся смысл нашей миссии. — Пацаны пограбят и сразу на корабль дураков, минуя формальности.

— Га-га-га, сервис, блин, га-га-га! — не оценил Руда.

— Ха-ха-ха, моральные уроды вне очереди, ха-ха-ха! — заливается Плюш.

— Сейчас рождается новая легенда о корабле-призраке, — Черныш романтичен.

— А ведь Зак прав, — Своята серьёзен, — у нашего дела реальная социальная составляющая.

— Ха-ха-ха, я ж говорю — моральные уроды! — не может разогнуться Плюшевый.

— Нельзя пренебрегать этической компонентой бытия, — начал Пушок.

— Так, пока я пресс не надорвал, все заткнулись и слушаем дядю Яшу, — командует Руда.

Боцман притащил местную одежду, но выдал только мне, Плюшу, Чернышу и Люту, боевикам, короче. Остальным велел потерпеть до подходящего случая. Мы переоделись и отправились с дедами договариваться насчёт девок. Зашли в припортовый кабачок, сделав вид, что незнакомы. Они подсели к каким-то бандюгам, спросили рому. О чём-то с ними говорили, смеялись, пили, ругались. Наконец, боцман вместе с колоритным типом направился к выходу, а Бил остался, о чём-то ругаясь с местными. Мы пошли обратно на пристань, деды показали нам клиентов, дальше без нас договорятся. А пока нужно лодку купить.

Покупали долго и шумно. Нужный размерчик нашли быстро. С виду тоже ничего, ухоженная. Но с хозяевами вышла морока. Черныш свистнул лодочникам, ткнул пальцем в посудину и показал серебряную монету. Явно сдуру. Что началось! Орут по своему, хватают за одежду. По-английски разобрали только ругань и «мало». Попытка показать отсутствие интереса вывела переговоры на новый уровень. У лодочников в руках заблестели ножи, а на рожках заиграли мерзкие ухмылки.

Эх, торговаться, так торговаться! На меня как-то даже внимания не обращали, аж обидно. Ну и зря. Порвав дистанцию, хватаю ближайшего за... гультфик, а в другой руке сверкнуло лезвие.

— За лодку монета и твои яйца. Пойдёт? — предлагаю деловым тоном.

— Гхм, монеты достаточно, мистер, — внятно по-английски, хоть и с акцентом, просипел лодочник.

Черныш бросил монету им под ноги. Местные приняли оплату и смылись, злобно оглядываясь. По любому вернуться для мести, а нам того и надо. Руда ж приказал зачистить все контакты, а тут неудобно, людно. Да и некогда пока. Только приняли новое имущество, занялись лодочным бизнесом, глядь, первые клиенты идут. Деды в приятной и шумной компании. Бил, оживлённо жестикулируя, что-то объяснил спутницам, показывая на нашу лодку. Те покивали и полезли в посудину.

— Давайте, сынки, — напутствовал нас дядя Яша, отдав концы.

* * *

Боцман и Билли Бонс с парнями двинутся на шлюпках захватывать шлюп через полчаса — столько нам дали времени на отвлечение команды, поэтому мы дружно заработали вёслами. Шлюп стоит к каторжнику правым бортом, так мы гребём к левому. Ну, не к борту, а как бы мимо, но рядом, не торопясь так, вроде, прогуливаемся. С борта нас, конечно, окликнули. Типа, парни, хорош мозоли натирать, правьте сюда, отдохните. Мы не обращаем внимания, вроде, даже смущаемся. Молодцы со шлюпа обратились к девчатам напрямую. Те с хихиканьем приняли заигрыванья. Мы ещё больше засмущались и дальше гребём. Девки стали возмущаться, даже орать на нас.

Блин, ну как хотите. Пристали к борту. С палубы сбросили трап, девы с видимой

сноровкой полезли на борт. Мы сидим в лодочке, стыдливо потупив глазки. Оказывается, эти дамы пренебрегают нижним бельём.

— Эй, ребята, привяжите шлюпку и поднимайтесь, это надолго. Да-да, ты, лезь сюда, угостим. — Кричат нам и машут руками.

Мы недоумённо переглянулись и уставились наверх. Типа, не понимаем. Послушали ещё немного уговоров, переходящих в ругань и согласились. Заранее сделали лица подурнее и полезли на палубу.

Девочек уже не видно, увели. Встретили нас радушно. Протянули мне кружку. Хм, добрый у них ром. Однако пришлось закашляться, как с непривычки. Меня добродушно похлопали по спине.

— Мальш, хочешь посмотреть на пушки? Ну, пушки!!! П-ш-ш! Ба-бах! Во, понял! Во! там, идём со мной, — ражий детина приобняв за плечи подталкивает меня к трапу на оружейную палубу.

Оглядываюсь. Черныш с лысоватым заходит в кубрик, Плюшевый с чернявым идёт к носовой надстройке, а Лют, распахнув глазищи, с открытым ртом слушает рыжего плотного дядьку.

— Джои, ты там не тyani, у меня тоже есть пушка на показ, — крикнул жидковолосый, худой моряк.

— Ха-ха-ха, подходи через полчаса! — ржёт мой клиент, подталкивая меня к трапу.

Останавливаюсь в нерешительности, трап довольно крутой. Детина заботливо придерживает меня за плечо. Убираю его руку, мол, я сам. Неловко преодолеваю три ступеньки и делаю вид, что падаю, он снова ловит меня за плечо. Да что ж ты цепляешься-то? Захват за кисть, на изломчик и через себя его, мордой вперёд с крутого трапа. Тресь! Прыгаю на него, поджав лапки. Приземляюсь на загривок, резко выпрямив ноги. Хруп. Проверим сонную. Живой, только парализованный, мразь. Ладно, это не надолго, а пока оттащим в сторону. Чего он про полчаса говорил? Нет у нас столько времени. «Мистер, помогите!» — ору в ужасе, встав у трапа в тень чуть за углом. Сверху донёлся смех худого любителя странного. Вот и он сам, а вот и нож ему в печень. Вытер лезвие и бегом на палубу, может, помощь нужна?

Помощь нужна, только ближайшая скорая ожидается лет через двести. Когда я поднялся, Лют своего послал через подставленную ногу мордой в фальшборт, раскрутив его за заломленную кисть. Ну что за человек? Все, как приличные люди, исподтишка, да внезапно, а ему потребовалось спарринг устроить. Ладно бы от благородства, оно, как олигофрения, почти не лечится. От куража всё, от бесшабашной наглости. Во, Черныш тоже осуждает, и Плюшевый губы поджал.

— А попроче никак нельзя? — поинтересовался Черныш.

— Так что ли? — переспросил Лют, ломая своему шею ударом ноги. — А у тебя как? Получилось?

— Угу. Покойничек обниматься полез, а я знаю болевые точки, ты, кстати, тоже.

— Да не лез он ко мне, только болтал.

— За что ж ты его так? — удивился Плюш.

— Ну, я за вас переживал, а у этого пасть не закрывается. Тут Неждан заорал, к нему второй поёрся. Нервы ж не железные!

— Неждан, как у тебя? — Черныш строг.

— По плану. Первый позвоночник сломал. Я испугался и на помощь позвал, помощник на нож напоролся. Три раза, невезучий же, блин.

— Видишь, Лют? Мальчик даже не виноват, они сами, — усмехнулся Плюш.

— Твой тоже сам? — огрызнулся Лют.

— Ну, почти. Со стыда повесился, по привычке — люблю верёвки.

— Тьфу на вас, лодыри, всё боитесь перетрудиться, — ругается Лют.

— Где лодыри? — донёсся ломкий баритон Джека. Ба! А это что за милые рожи над фальшбортом? Братцы нас спасать пришли!

— В бою, лодыри, — успокаиваю командира. — Как Суворов учил? Тяжело в учении, легко в бою. Ещё экономно и целесообразно, а потому эффективно.

— Насколько эффективно?

— Минус пять. Ещё полтора десятка с девками заняты. И комсостав, наверное, в кают-компании, — отчитался Черныш.

— Как полтора десятка с девками? — пыхтит дядя Яша, перебираясь через фальшборт. — Девочек всего пять было.

— Боцман, ну ты как ребёнок! — сокрушается Плюш. — Как-как? Без очереди, блин.

— Тьфу... уроды, — ругается Билли Бонс, забравшись на палубу вслед за боцманом.

— Уродов упокоили, а у тех нормальные наклонности, — смеётся Лют.

— Тогда пусть нахарятся напоследок. — Решает Руда. — Оружие, конечно, не наши? Ну и ладно, у нас с собой, пойдём, навестим офицеров.

Комсостав оказался нервным и вооружённым. И чего сразу шмалять? Ну, мы, признаться, тоже виноваты. Насмотрелись на морячков, так дядя Яша сказал, что они не моряки. Или не только моряки. Не бывает, чтоб в команде все были подобраны по возрасту и упитанности. Больше на морскую пехоту похоже. У нас о морпехах свои воспоминания, поэтому на их офицеров мы сделали серьёзную поправку, мне Руда даже второй пистоль зарядил. Никто не заходил, радушно улыбаясь. Руда с Чернышом ногами выбили дверь, я с истошным воплем внутрь рыбкой запрыгнул и на выходе из кувырка разрядил пистоль. Парни от дверей пальнули из пары пистолетов и тоже заорали. А офицеры уже изготвилились и стреляют! Блин, чуть в меня не попали. Правда, попасть они не могли — здорово мы им на психику надавили внезапной стрельбой и воплями. Я встал на колени, навёл на них разряженные пистолеты и блажу, что поубиваю всех. Руда с Чернышом от дверей тоже заорали. Тут влетели парни с криками и с дубьём. Офицеры на секунду растерялись, неохота им было от накрытого стола отвлекаться. Хотя некоторые, все трое, блин, выхватили шпаги, но этим только усугубили участь свою, и без того печальную — фехтовать с ними никто не собирался. Попали мужики под русский дубовый замес в подростковом исполнении. Как-то пацаны умудрились никого не убить. Мне только сдуру повезло прострелить одному голень, а другому шею — опять кровищей палубу загадил, блин! Я ж не нарочно, чего сразу подзатыльники раздавать?!

Вовремя закончили с комсоставом, а то команда уже выстрелами заинтересовалась. Так стало интересно, что аж от баб отвлеклись. Пацаны отчего-то решили, что меня чуть не убили, перенервничали, ну и оторвались. Морпех или нет, но несколько бешеных подростков

с дубьём или, что нам ближе, с арматурой — это серьёзно. Тем более не совсем подростки, ещё и неожиданно.

Команду обработали, повязали и компактно разместили в трюме. Там же девок оставили, тоже связанных. Не до них пока, есть вещи поинтереснее. Во-первых, моряки уже успели хорошо запастись свежими продуктами для комсостава, и кое-что даже успели приготовить. Блин, прям хватай и давай!

Но пока некогда, потому что, во-вторых, в трюме кроме солонины, сухарей и прочего необходимого нашли стеклянные бусы, яркие ленты, много рому... Короче, мечта индейца.

В-третьих, в трюме в клетке скрючившись сидели пятеро бугаёв в изорванных мундирах, и, что совсем странно, в кандалах. Тоже для индейцев, что ли?

В-четвёртых, артиллерия на шлюпе занятная. Для меня-то пушки, как пушки, а дядя Яша говорит, что мало их, и калибры через чур серьёзные. Долгий бой под ними палуба не выдержит, и, вообще, для боя нужно пушек в два раза больше калибром поменьше. Тогда повышается вероятность попадания. А вот если кого в упор расстрелять... Но ведь пока к врагу на убойную дистанцию подойдёшь, он шлюп на дрова переработает. Действительно интересно.

В-пятых, с офицерами ещё чудеснее. У них есть врач, даже хирург. Моя пуля только мякоть офицеру разворотила, он рану обработал. Но штурмана нет. Капитана нет! И навыки у них не морские. Корабль-загадка, блин.

Ладно, потом обязательно разберёмся, а сейчас очень надо поработать. Всех пленных пока нужно разместить на шлюпе. Чтоб их на виду у всего города на лодках не катать, решили поставить шлюп с каторжником борт в борт. Якоря поднять, паруса поставить. Немного вперёд и вправо. Паруса долой, якоря бросай. Мороки! Билли Бонс весь оборался, а дядя Яша пообещал, что в море будет веселей и целыми днями с ночами. Бр-р-р!

На шлюпе оставили дежурить близнецов с Сычом под руководством старины Билли Бонса, а сами на каторжника подались. Снова якоря поднимаем, паруса ставь. Только не сами, старую команду озадачили. Сами мы со шлюпок корабль носом левее повернули, кто ж пленных с борта выпускает? Однако справились. Шкипер обнадёжил, что толк от нас будет, если швартовый канат на линьки распустить, и об нас их измочалить. Одобрил, в общем.

Суда поставили как надо, перебросили через фальшборта сходни, погнали пленных на шлюп. Пятерых тащить пришлось, гуманизм наш... и с поворотом. Умаялись, денёк выдался хлопотный, и конца ему не видно. Руда потребовал у боцмана поощрения. Пришлось ему скрепя сердце выдать одежду нашей команде. Смешно смотримся, но по нынешней моде вполне ничего. Принарядиться нужно для представительности. Ради неё родимой вооружили дедов мушкетами и сами вооружились. Руда затеял выпустить мальчишек на оправку, покормить и под это дело поведать о наших великих свершениях. А меня отослал поговорить с Кэпом, пусть пока пацаны считают Зака мёртвым. Что ж, воскреснуть тоже нужно суметь, чтоб по уму и с пользой. А пока мертвец поговорит с мертвецами. Тем более что я им обещал, даже честное слово дал. Заждались, небось, насытились предвкушением. Ужасы всякие себе представляют. Не будем их разочаровывать. Вхожу в капкюту, как на манеж, заранее от души так радушно улыбаясь.

— А вот и я! Как спалось, джентльмены? Хватит валяться, присаживайтесь у переборки, полюбуйтесь на Кэпа с приятелем. — Обращаюсь к лежащим на палубе связанным, штурману, Джиму и Боу... — Кому станет скучно в зрительном зале, приглашаю на сцену!

Офицериков взбодрил, теперь настроим пациентов. Для начала развязываю им пасти, встав на стульчик. Пасти развязал, но они чего-то молчат. Не хотят разговаривать, наверно обиделись.

— Как мы себя чувствуем? Ничего не болит? И что мы тогда морщимся? — спрашиваю участливо и корчу внезапную догадку. — Вам больше не нравится мой голос?!

— Кстати, за вами должок. Я для вас пел, а вы для меня ни разу, — заканчиваю вступление и с размаху луплю Кэпа по плавающим рёбрам. Теперь Дасти. Во, оба орут, как будто их режут. Ногой в пах, кулаками в дых и в печень. Повтор для Дасти. Хрипят и воют. Пора их озадачить, переходим к неприятному.

— Вопрос номер раз. В каком районе и когда нас будут искать? — спрашиваю, стаскивая с них сапоги. С Кэпа, потом с Дасти. Фу, блин, ну и вонища! Достаяю из-за пояса пистолет и от души бью Кэпа рукоятью по пальцам на ноге. Сперва на левой, по мизинцу. Так, Дасти не забыть. Вместо ответа шумы в эфире в виде визга. Поправим настройку, повторим по мизинчикам.

— Как долго будут нас искать? Сколько будет охотников? Охотники постоянные или меняются? Что знаете об их капитанах?

Блин, что это? Кэп ржёт, рехнулся что ли? Я аж оторопел.

— Я всё расскажу, только развяжи, — пробулькал Кэп. Ну, развязывать — лишнее, но, раз уж они наигрались в качельки, верёвку перережем. Кэп и Дасти облегчённо всхлипнув, осели на палубу. Лежат измученные, а на лицах счастье. Угу, счастье по-японски. Дал им две

секунды насладиться и пинками под рёбра, каждому по одному, вернул в реал.

— Мальчик, зря ты плохо думаешь о капитанах фрегатов. Они не убийцы, — почти весело говорит Кэп, поудобнее располагаясь на палубе. Дасти использовал как подушку, связанные руки положил ему на круп. Умеет человек устраиваться, сразу видно.

— Ты ещё скажи, что это обычный каторжник, и нас не собирались убивать.

— Не скажу. Только на фрегатах не палачи, а свидетели. Мы и сюда зашли только ради записи.

— Не коси под психа, запытаю ведь.

— Так, скорей всего, оно и будет. Но сейчас, только сейчас, давай просто поговорим! — умоляет Кэп.

— Давай. Говори. Понятно, б..., говори!

— Запись в журнале порта, что такого-то числа сего года зашли британские корабли для пополнения запасов.

— Для алиби?

— Для достоверности, моей конторе алиби ни к чему. Ведь её нет.

— Кэп, прекратите! — подал голос Дасти, за что получил ногой в живот.

— Бедняга Дасти! Врежь ему ещё, мальчик, — улыбается Кэп, — он мой конторский куратор, гнида.

— Да пожалуйста! — от души обрабатываю Дасти, он, скорчившись, замирает, и Кэп занимает место поудобнее с упором на его избитую тушку.

— Хорошо ты его. Давай ещё! Ну, ладно, пока хватит с него, — по привычке раскомандовался Кэп. — Это он меня завербовал. Люблю я пари, ну, ты знаешь, на том меня и зацепили.

— Что за контора, разведка что ли?

— Нет, малыш. Есть вещи, которые не поручишь даже разведке, хотя те ухари думают, что способны на всё. Наивные. Вот вы бы конторе подошли.

— Мы подумаем.

— Ух, как тебя? Зак, правда? Мне больно смеяться, Заки. Если контора делает предложение, думать уже поздно.

— Ну, прям как мы.

— Да, вы шустрые ребята. Только вам всё равно не жить. Шлюп — не конвоир, а исполнитель, он будет вас расстреливать, внезапно, в упор.

— Ну, расстреляют нас в океане, причём тут какие-то свидетели?

— Фрегаты должны подобрать шлюпку с потерпевшими кораблекрушение. У них найдут судовые документы, в том числе журнал с описанием катастрофы, вашей гибели в шторм или от пушек проклятых французов, по обстоятельствам, короче.

— Вот так запросто бросить людей в океане и рассчитывать, что они потом, если чудом спасутся, дадут нужные показания? А если они расскажут правду?

— Ага. Расскажут, что их приговорили за грабежи и убийства. Это их шанс.

— А! Те пятеро в клетке!

— Чёрт, откуда ты... Вы захватили шлюп?!

— Угу. Теперь понятно, почему там ни штурмана, ни капитана. Твоя страховка?

— Да. Чтоб нас ненароком здесь не забыли. Но... это невероятно! Как вы справились с теми головорезами?!

— Мы тоже не колледжеры. Веришь? Ох, врёшь, наверное — давай-ка я тебе чего-

нибудь отрежу...

— Да верю, я верю!!!

— А я не верю во фрегаты, что будут искать шлюпку хрен знает где и с кем!

— Да не шлюпку! Найдут они, конечно, её, но искать будут нас, тьфу, вас, то есть! Ну, учения такие, блин!

— Хм. Сомнительно. Тебе-то откуда это знать?

— Капитаны фрегатов заключили пари на результат поиска. Один из них — мой шурин.

Я послал ему весточку, на что ставить и где искать.

— Ага, ну, что ты — редкая сволочь, я поверю. Теперь честно — кто из твоих офицеров был в курсе всей этой мерзости?

— Я, Дасти и его холуй, тот капрал. Больше никто.

— Не ври. Я слышал, как вы болтали о конторе.

— Они завербованы, но о деле должны были узнать в последний момент. Ну, на кой мне их выгораживать?!

— А штурман? Боцман сказал, что вы с ним раньше вместе служили.

— Бедняга Доусон! Мы служили с ним до конторы. Выбор штурмана был за мной, его я и выбрал.

— По приятелю соскучился?

— Нет. Он нашёл остров с дикарями...

— Англию что ли?

— Ха-ха-ха, ух, Заки, пожалей! У тех дикарей водится золотой песок.

— Штурман указал положение острова?

— Нет. Ему тоже нужна страховка.

— Что ж, поговорим с ним. Ладно, валяйтесь пока, а я Джека позову, он немного доктор, — решаю их слегка поощрить.

— Зак, не надо Джека! Он нас просто убьёт! — не понял моих намерений Кэп.

— А я непросто? — насмешливо говорю уже от дверей.

— Вот что вы собираетесь делать? Линять в море? — лихорадочно заговорил Кэп, пытаюсь меня удержать.

— Ну, допустим, — нехотя поворачиваюсь к нему.

— Тогда на вас объявят охоту, — выдал Кэп свой последний козырь.

— Кто объявит?

— Дасти должен сойти на берег для встречи с агентом. Если встречи не будет...

— Будь ты проклят, опарыш! — застонал Дасти. За что снова удостоился отдельного обращения.

— Кто он?

— Только Дасти знает.

— Ну, что ж, Дасти, соло! Как там твои пальчики?

Что мы делаем, если нужно сломать деревяшку, а она зараза крепкая попалась? Пилим. Так и с Дасти. Нам позарез нужны сведения, но он одеревенел от пыток. Поэтому уподобимся пиле. Забыть, насколько важна эта информация. Вообще обо всём забыть, прежде всего о времени. Нет ничего, кроме рабочего цикла. Воздействие, вопрос, воздействие, вопрос... монотонно, без эмоций, без выражения. Вжик-вжик, как ножовка. Дасти безучастен. Я тоже. Вжик-вжик. Дасти пытается разбудить во мне хоть какие-то

эмоции. Проклятьями. Вжик-вжик. Визгом. Вжик-вжик. Ему уже по-настоящему страшно. Вжик-вжик. Его сковал ужас. Вжик-вжик.

Он запел, лихорадочно захлёбываясь словами... вжик-вжик... Дасти уже воеет, уверяя, что не врёт, клянётся, умоляет о смерти... вжик-вжик...

Часть вторая

«Земля, прощай»!

— А город подумал, а город подумал...

Повезло ему, Руда прекратил это безобразие. Загнали они пацанят в трюм до вечера и пришли нас проведать. Оттащили меня от Дасти, надавали пощёчин. Блин, как от обморока очнулся. Сижу на палубе, башкой мотаю. Я ж вместе с клиентом грань заступил, а за гранью психику дюже корёжит, не сразу от такого отойдёшь.

— Что это было? — Руда строг.

— Допрос, — говорю устало.

— Не раскисай, ещё полно дел. Допрос дал результаты? Докладывай, — командует лидер клана. Докладываю. Руда ошарашено уставился на Кэпа. Тот закивал и забулькал, подтверждая.

— Заки, золотце! — Черныш сам на себя не похож.

— Не хвали, испортишь. Подумаешь, занялся от скуки, пока мы работали. — Распоряжается Руда, — Погнали на шлюп, пожрём, дела обсудим.

В офицерской каюте шлюпа быстро собрали на стол. Пока корабли перетаскивали, да на фигню всякую отвлекались, остыло всё. Но нам после зелёных сухариков и овсянка с протухшей солониной — деликатес, а тут вообще вкусно и много. У нас с Захаром случилась естественная заминка — кто первый? Он мне говорит, угощайся. Да как же я буду сам, при голодном ребёнке?! Он резонно заметил, что после него в меня уже ничего не влезет. Ладно, отвечаю, начинай, а я попробую составить ему компанию в режиме подпрограммы. Захар в раздумьях над мудрёным словцом потянулся к тарелке... да нормальный метод освоения новых подходов в программировании! Хоть обожрись, никто слова не скажет, потому что заняты тем же самым. Минут так... показалось, что целую вечность, или одно мгновение, молча жрали. Наконец дядя Яша по-богатырски рыгнул, открывая совет. Руда своим подростковым рыком подтвердил предложение высказываться. Ну, мы с Заком самые мелкие, нам и открывать прения. Икнув за неимением рыка, начинаю:

— У нас нынче удачный денёк. Главное — не испортить. Что у нас на руках? Казачата и агент. Потихоньку делаем и валим.

— Ещё ты, покойничек, у нас в рукаве, — усмехнулся Плющ, — тебя запустим потихому.

— Да, Заки. Работаешь только с местными по агенту и кого ещё накопытите, — распорядился Руда.

— Что за агент такой? — бурчит старый Сэнди.

— Ростовщик. Зак отнесёт в заклад табакерку Дасти. Вот она, — Руда достал из кармана изящную вещицу. — Это вызов на встречу, встреча в кабачке «Лагуна», там его и порешим. Верно, Зак?

— Не-а. У него дома всё сделаем.

— Заки, там будет охрана! — тревожится дядя Яша.

— Как на шлюпе? Во-во. А его ж не просто так гасим, с разговором, дома будет душевней, да и пошарить у него полезно, — аргументирую план.

— Гм, опасно, — сомневается Руда.

— Прости, Заки, что мы за тебя боимся, зря боимся, золотце. Это, Джек, я вот чего думаю — кроме того ведь ещё есть взаимоотношники? Тоже, небось, агенты какие, — задумчиво

сипит дядя Яша. — Чего тому бедолаге за всех отдуваться? Давайте каждого к ногтю примем!

— Хм, интересная мысль, — Руда задумчив.

— Справедливая, — поддержал боцмана дядя Изя, — за этих кровососов нам все художества простят.

— А много упырей? На всех времени хватит? — Руда готов согласиться с дедами.

— Хватит, если на пустую болтовню не потратим, — ухмыльнулся боцман.

— Мы умеем быть краткими и убедительными, — обнадёживает его Пушок. — Вы многих знаете?

— Люди знают — носят вещи в заклад, не только в заклад и не только свои.

— Тот старьёвщик! Барыга! — осенило Плюша.

— Ага, редкая падла. За него одного люди нам по гроб будут...

— Дядя Изя, а люди эти не откажутся полазить на пожаре? — загадочно жмурится Лют.

— Нет, конечно, только откуда им знать... ну, понятно! А что загорится и когда? — дядя Изя всерьёз заинтересовался.

— Вот сейчас обсудим и решим. — Руда деловит.

— Тушение пожара в борделе в день зарплаты, мечта художника, — Своята, вздохнув, закатил насмешливые глазки.

— Кстати о художествах. Что с капитанами кораблей охраны порта? — напомнил Черныш.

— Просто всё, сынок. Идёшь в управу... Дворец губернатора, во.ловишь первого попавшегося чиновника и говоришь, что тебе срочно нужно кое-куда сходить.

— В туалет, дядя Яша? — ухмыльнулся Хаски.

— Ты пристань видел? Сходить — это сходить, а посрать...

— Извини, сэр Джэкоб, — пристыжено буркнул Хаски.

— Ладно. Через час-полтора ты уже будешь торговаться с капитаном шлюпа или фрегата.

— Отцы, а капитаны карты и прочие документы с собой забирают? — Лют насторожен.

— На долгой стоянке, если не ожидают внезапного выхода, то с собой, конечно, — степенно разъясняет дядя Ваня. — Ещё у каждого личные карты накапливаются. А то малсли.

— А много в городе таких капитанов? — Лют азартен.

— Немало, особенно отставных. Место тихое, море рядом, сам бы тут остался, — говорит дядя Ваня, недоумевая поглядывая на нас.

— Отдадут они карты? — разрешаю его сомнения.

— Конечно, нет!

— Тогда им трындец, — закруглил мысль Лют.

— Да вы что, сопляки?! — возмутился дядя Ваня.

— Пираты, шкипер. Пи-ра-ты. Как ты, — с ледяным спокойствием выговаривает Руда. Мы, не сговариваясь, приветливо скалимся в харю сэру Джону. Старого аж передёрнуло.

— Им трындец, шкипер? — добивает его Руда.

— Угу, — горестно согласился дядя Ваня. Ну, пусть погорюет, его право. Моряков и вправду жаль, даже мне.

— Все карты, инструменты, приборы, любую оптику... — перечисляет Лют.

— Побольше бумаги и чем рисовать, — подсказал Своята.

— Ага. Любые книги, особенно лоции и журналы наблюдений. Всё бесценно, — Лют наконец выдохся и хлебнул из кружки.

— Поли, Чарли, подбирайте пацанов, займётесь этим. Отцы, нужны адреса, — командует Руда.

— Будут. Первый адрес я тебе прям сейчас дам, — ухмыльнулся дядя Яша.

— И какой же?

— Джеки, ты уши в Англии забыл? — сокрушается дядя Изя. — Дворец губернатора же! Там дубликаты карт, эталонные приборы, главное — хронометры, архив, казначейство!

— Это по-тихому? — уточняю, как бы, между прочим.

— Да ради такого куша Вестминстерское аббатство взорвать не грех! — горячится Сыч, исследовательская его душа.

— Аббатство отложим на потом. Ещё мысли есть? — Руда деловит, деда в осаде.

— Как-то оно получается по-интеллигентски узко, — задумчиво комментирует Зуб с сомнением.

— Это тебе узко?! — я с них балдею.

— Ну, давай по-крестьянски широко, — ободряет его Черныш.

— Грабим дворец или город с дворцом? — Зуб лаконичен.

— Конечно город... Нам же до хрена чего надо! — растерялся Своята.

— Как у классика? Мосты, телеграф, телефон, собес. Хотя, собесы появились позже...

— Джордж, ты о чём?

— О логистике, Джеки. Раз грабим город, нейтрализуем охрану города. Всех солдат нам не поубивать чисто физически, но всех и не надо. А надо нам лишить противника управления и связи. Под шумок за одну ночь мы многое успеем, если озадачиваемся очерёдностью целей в связи с транспортной доступностью. — Клык насмешлив. — Кого и в каком порядке мочим почти определились. А что тащим и на чём? Куда и как грузим?

— Блин, где ты раньше был! — осерчал Руда.

— Не расстраивайся, командир, сейчас на коленке план накидаем, чай не англ... э... немцы какие, — успокаивает его Зуб. — Лют, у тебя только карты и приборы?

— Ещё нужно как-то палубу укрепить. Блин, ты пушки на шлюпе видел? Пушки, как пушки, тьфу, пехота тёмная! Малокалиберная артиллерия нужна. И не навалом, устанавливая её как-то следует. Надо много железа, хорошего дерева, специалисты и просто рабочие руки.

— Вот! Люди — наше всё. С них и пляшем, — выдаю своё прошлобудущее кредо. — Джек, нам врачи нужны? Давайте позовём доктора к больному. В э... широком смысле.

— Ха-ха-ха! — одобряют парни, а Маламут аж захлёбывается.

— Врачи сами не лечат, лечат лекарства, — продолжаю притчу.

— Ну-ка, ша! Говори, Заки, золотце, — Черныш ласков.

— Ну, я это, подумал, если в ром чего намешать, так надо провизора искать, чтоб сделал микстуру, — смутившись, несу свою глупость с пылающими щеками.

— Блин! А его уже два... нет, три..., хрен знает, сколько раз чуть не убили, — как будто сожалеет о чём-то Руда.

— Ага. Помнишь, мы думали, как их спасти? — грустит Черныш, — пока что они нас спасают.

— Эй, парни, я живой, вы чего? — бесят меня порой эти мудрецы.

— Так держать, Зак. Наша первая цель — провизоры и аптеки. С их зельем мы

городишко в спящем виде оттопырим.

— Фу, командир! Без стонов — какой-то подростковый гуманизм, — скривился Пушок.

— А мы никому не расскажем, Эндрю. Будем скромными, — веселится Руда, — давайте пожелания, только не заноситесь. Эндрю, ты чего?

— Я настаиваю, чтобы специалисты изымались с семьями!

— Охренел? Места и так...

— Так завали своё место трупами, командир! Больше влезет с тем же толком!

— Не горячись, брат. Грабёж — дело непривычное...

— Для кого?! Для Эндрю Окошка?!!! Я, Пушок, Чёрный пёс, категорически настаиваю чтобы специалисты изымались с семьями и не иначе! — пролаял Пушок.

— Вот так, да? — заулыбался Руда приподняв белёсую левую бровь на рыжей харе.

— Спокойно, командир, — проговорил Черныш, закаменев лицом, — это не истерика.

Принцип. Он сука знает, о чём говорит.

— Он озвучил формулу вызова. — глядя поверх его головы, ответил Руда, вставая.

— Руда, ты debil?!! — у меня нервы не выдерживают, — даже до меня дошло, зачем семьи! Хочешь убить Пушка?!!! Мне насрать на кодекс, ты будешь драться с нами обоими!

— И со мной, — отстранёно в стол проговорил Плюшевый.

— Действительно, командир, всякое зверство должно быть обоснованным и целесообразным, иначе это не зверство, а извращение, — захватив Руду в прицелы, ласково воркует Лют.

— Фу... и с поворотом. Не оправдал? — рычит Руда.

— Брат, перестань! Просто вспомни главные и текущие задачи, — участливо советует Черныш.

— Условие Пушка принято в режиме по обстоятельствам. Я не хочу, чтоб вы или пацаны подставились из-за сантиментов. Это ясно? — Руда уселся на место.

— Пушок, кроме понтов, мысли есть? — Черныш сух и требователен.

— Да как Заки вон предложил, врача к больному позовём. И вот ещё что, джентльмены, в городке ведь процветает контрабанда?

— Хех! — только и смог ответить дядя Яша.

— А облавы случаются? — развивает мысль Пушок, — куда людям от притеснений с острова податься?

— Эге! — удивился дядя Изя, — вот пацан даёт! У пристани купчишка ж разгружается!

— С одной стороны разгружается, — ухмыльнулся Плюш, — с другой... Заки что-то про тюремный сервис говорил, типа раз мы здесь, всё упрощается. Заключённых ведь на материк должны отвозить?

— О-па! — оживился Руда, — отцы, можно солдатиков попросить, чтоб арестованных сразу на каторжника веди?

— Да запросто! — согласился Боцман. — Португальцы ж — союзники! Надо будет только в судовых документах в маршрут внести заход на материк, так нам их даже навяжут как попутный груз по профилю.

— С семьями, — не унялся Пушок.

— Вот ты, психолог! — сам с него недоумеваю. — Облавы отдельно, семьи в стороны. Мы ведь ещё и гражданские беспорядки запланировали, не так ли? Никаких солдат уговаривать не придётся, просто поубиваем. Казачата тут всех знают, будем спасать со всем имуществом... с семьями, Пушок, успокойся!

- Блин, все не влезут, буду отсекать! — принял решение лидер, — давайте-ка прикинем, кто нам нужен и какие инструменты с материалами...
- Яволь, Надёжа. Командуй нам на радость! — облегчил душу Клык, — где-то я тут видел перо и бумагу...
- Это, Руда, надо кузнецов, обязательно с инструментом и материалами, — азартно влез с пожеланиями Хаски, — ещё плотников...
- Да погоди, давай сперва о кузнецах. Надо глину, кирпич, уголь, — перебил брата Маламут.
- Мы на пароходе поплывём? — удивился Сыч.
- Записывай всё, Джордж, ненужное потом вычеркнем, — Зуб деловит.
- Джэкоб, наши ребятки повздорили? Разнимать не придется?
- Джонни, расслабься. Если они всерьёз повздорят, нам живьём не уползти.
- Да, мелкий у них резок.
- Сэнди, он у них не самый резкий.
- А кто самый?
- Нахрен тебе самый, Изи? Тебе хватит и мелкого.
- Хм. Но ты вроде бы разбираешься в их болботании, они по-московитски бормочут?
- Да, Израэль, юноши владеют несколькими языками, в отличие от баковой солонины.
- Боцман, ты ими гордишься?! — поразился старый Сэнди.
- Мы все будем ими гордиться или сдохнем на виселице. Но я в них почему-то верю.
- Ты ставишь на них, Джэкоб? Присоединяюсь, — заинтересовался Сэнди.
- Я тоже, — дядя Изя.
- Салаги! Разбежаться?! — шкипер суров, — под моей командой в подчинение Длинного Джека. И никак иначе, зяблики!

Если бы юность умела, если бы старость могла. А у нас на редкость удачное сочетание того и другого. Вся наша компашка похожа и на бесшабашного ветерана, не утратившего молодой задор, и на пацана, успевшего многое повидать в своей короткой жизни и чётко знающего, что он хочет от неё получить. Всё у этого виртуального перца получилось толково и весело. От нашей наглости местные впадали в ступор. Никак не могли поверить, что это происходит с ними. Такое могут творить только солдаты в захваченном городе. Но они-то под защитой короля и его армии! Значит это не с ними, ведь такого не может быть, потому что не может быть никогда! Ну и хрен с вами, не верьте, только пошевеливайтесь — вас много, нас мало, а южные ночи коротки. Повезло городишке, маловато у нас было времени. Но мы постарались использовать его по максимуму, начав ещё при свете дня.

Мы не набросились на уютно воняющий среди помоек городок с дикой подростковой страстью, вовсе нет. Города нам целиком грабить ещё не доводилось, но кое-какой загробный опыт в этой области у нас имелся. Начали с себя — во-первых, отбросили эмоции, успокоились. Во-вторых, тщательно обыскали капкюту и каюты офицеров. И не напрасно — нашли бумаги Дасти. Никаких секретов там не было, в основном всякая ерунда, типа доносов, но имелись два рекомендательных письма. Оба «подателю сего» от какого-то адмиралтейского хрена, одно просто «дорогому коллеге», а другое лично губернатору! Ну, а в-третьих, Руда каждому раздал конкретные задачи, парни со всем прилежанием их решали, от того и несильно потом удивлялись, чего это такое наша банда с тем городишком вытворила.

Начали душевно так, по-морскому. Дядя Ваня нанёс визит капитану португальского купчишки и как капитан с капитаном договорился о фрахте его корабля до материка, не уточняя до какого именно. Да и неважно это стало португальцу при задатке в сотню гиней всего лишь за перевозку пассажиров. Отправились наши ветераны обмыть сделку и по ходу празднований встретили множество старых знакомых. Те пригласили приятелей, в общем, деды легко уговорили «старых крабов стаскивать задницы с рифов» к нашим кораблям подработать на буксировке — решили мы суда к пристани подтащить, типа под погрузку.

Пока шла работа с массами, Руда и дядя Изя обратились к верхам. Судовой плотник, как ни странно, рому совсем не употреблял, оттого имел среди наших военно-морских павианов самый благообразный вид. Переоделся он в подходящее ему по размеру капитанское платье и совместно с прилично одетым, даже умытым юношей из хорошей английской семьи, с Длинным Джеком, нанёс визит губернатору. В замок, конечно, не пошли — сиеста ж, как-никак, припёрлись к нему на дом. Запросто постучали молотком в двери, у дверей португальцы с ружьями на стук лишь болезненно поморщились, даже не повернув голов. Через две минуты вышел ещё один местный с заспанной рожей, взялся доставить рекомендательное письмо и оставил гостей на четверть часа под палящим солнцем. Наконец, их пригласили, представили и, даже чаю не предложив, любезно поинтересовались, какого дьявола им понадобилось посередине дня? Дядя Изя, то есть сэр Израэль попросил у губера писем для капитанов шлюпа и фрегата, может, удастся кого-

нибудь из них уговорить сходить тут неподалёку по срочным, тайным и хорошо оплачиваемым делам, а так же его экипаж для представительности, только до вечера.

— Может вам ещё и гвардейскую охрану? — сварливо поинтересовалось официальное лицо, позвонив в колокольчик.

Дядя Изя заверил, что им хватит одного кучера в ливрее, он клянётся, что вернёт карету и лошадок в целости и без охраны. Ему, конечно, поверили, впрочем, это был сарказм. На звон прибежал секретарь, быстро написал рекомендательные письма и взялся проводить гостей к экипажу. Они последовали за ним, только всё время разговора скромно молчавший Длинный Джек слегка задержался. Он подошёл к губернатору, почтительно склонился... чтоб прям на глазах у секретаришки одной рукой схватить так и не вставшего из кресла толстяка за волосы и лезвием ножа в другой полоснуть его по горлу от уха до уха! После чего спокойно вытер нож об халат убитого и спросил, вынимая из-под полы камзола пистолет, у посеревшего служащего, как он думает, что теперь с ним будет? Португалец с ответом затруднился. Тогда Джек ему объяснил, что если он не будет тупить и дёргаться, станет секретарём при новом губернаторе, ведь ему, Длинному Джеку, всё равно, что он про него потом расскажет. Но до этого счастливого времени нужно очень постараться дожить. Холуй, по своей природе, уловил мысль на лету, угодливо улыбаясь, прогнулся, елеиным тоном попросил следовать за ним и шустро засеменял на выход.

Подхватив по пути Люта с ребятами, не теряя времени сиесты, погнали экипаж по пустынным улочкам. Первым делом, пока не началось, навестили местного провизора, секретарь дохлого губера охотно показал дорогу. Вежливо попросили у него порошку для рому, чтоб испившего с ног валило, но не до смерти. Мэтр выразил недоумение заказом, даже поинтересовался, за кого его принимают? Джек резонно ответили, что за отца прелестных деток. И раз он забыл, где нужный препарат, посетители испытают все по порядку на них, пока не получат желаемое. А побочка, конечно, будет на совести паршивой памяти почтенного аптекаря. Тот угрюмо приступил к исполнению заказа. Испытали на секретаре, Лют сдавил ему горло, а Джек вылил микстуру в судорожно открытый рот — тот, вроде бы, помер. Джек заметил, что эксперимент нельзя считать чистым, может Поли того просто удавил? И задумчиво посмотрел на старшего сынишку аптекаря, перепуганного мальчишку не больше пяти лет. Мэтр понял, кого могут прямо сейчас отравить или случайно задушить и взялся попробовать ещё раз, ведь он точно знал, кто будет следующими дегустаторами микстуры. Мастер испытал внезапное озарение и на вдохновении в два счёта намешал требуемую микстуру в нужных количествах. А куда ему было деваться, если контрольную партию препарата всё-таки дали его детям и уже спящих отвезли на суда? Простенькую кибитку аптекаря по его указаниям загрузили снадобьями и приборами, и вместе с почтенным маэстро и трупиком секретаря покойного губернатора доставили в порт. Сеньор последовал с парнями в полном сознании, так что вполне смог оценить действие своего творения. И выслушать отзывы и пожелания гению, придумавшему этакую отраву, от захваченных подлым обманом солдат, матросов и простых работяг. Что, конечно же, склонило его к пиратской позиции. Ну, до чего ж только не доходит людская неблагодарность! Их же не били с размаху по головам тупыми предметами, как британских морских пехотинцев! Не смогли отказаться от выпивки? И не знали, что пить вредно, а на халяву ещё и опасно! А как же они в большинстве своём на службу вербовались? Да как те же плотники, коих деда сманили немного переделать суда.

Их, кстати, уже подтащили к пристани, там было не особенно далеко. Переделки заказали и взаправду незначительные — в каторжном трюме соорудить нары в три яруса, на шлюпе тоже и вдобавок отгородить пьяных вусмерть арестантов от прочего пространства переборкой, а на «Пеликане» сделать кладовые под провиант, загончики для мелкой скотины и стеллажи для клеток. Только не надо делать такие глаза — загончики для коз, а клетки для кур и, если повезёт, кроликов. Ещё на купце нужны были полтора десятка отдельных кают и пара приличных уборных. За пустяковую для такой оравы мастеровых работу отсыпали щедрый аванс, поставили выпивку, и к окончанию работ заодно с расчётом пообещали угостить как следует. И можно не стесняться, выспаться прямо на свежих нарах, всё равно корабли до завтра не уйдут.

Кстати, одна каюта была уже готова, оставалось лишь подвесить гамаки. Вот в них и уложили спящих деток аптекаря, и оставили его сторожить их сон в одиночестве — он к счастью оказался вдовцом. Снадобья пока сгрузили в каюте капитана. Выгрузили добычу, трупик секретаря покойного губернатора и велели пацанам всё хорошенько припрятать. И помчались по адресам. В домах капитанов программу визита, в общем, повторили, с той лишь разницей, что пока одни пацаны стояли на фасаре, другие грузили в карету самое ценное из имущества, Длинный Джек ломая капитанам кости кочергой или орудя ножом, если кочерги под рукой не было, уговаривал их выдать деньги и документы. А когда добивали слуг, Поли Головня с восторгом устраивал пожар. Так как ленивый секретарь в рекомендательных письмах никого по имени не обозвал, писал просто «достопочтенный синьор капитан», парни с этими писульками навестили, кроме военных, ещё троих купеческих и пяток капитанов в отставке. Блин, пришлось даже в порт пару раз завернуть, всё в карету тупо не влезало.

Спрашивается, а малолетки плотникам в трюме не мешали? Вовсе нет! Ребята были очень заняты на берегу, для начала помогали нам, иностранным туристам, блин! Вот что в первую очередь пытается сделать наш человек на чужбине? Конечно же, революцию, потому что, во-первых, ностальгия, и, во-вторых, чтоб не так было обидно, а то зажрались, понимаешь! Вот и нефиг чавкать на халяву, наши военно-морские батяни притащили из окрестных кабаков пьяную орущую толпу приятелей подзаработать на погрузке. Грузить только пока особенно было нечего, вот мы и не грузились, сразу перешли к главному вопросу — к революции то есть. Революционную ситуацию создал лично, никому не доверил. Захару снова страшно и весело, а я смотрю — шагает моряк-красавец, португальский, естественно. С умыслом выбрал. Встал я у него на пути спиной к нему и в носу ковыряю. Дебил дебил. Он, не меня аллюра, хотел меня пнуть, только не на того напал! Зарядил я ему ступнёй в деревянном башмаке под колено и другой по яйцам, он и воткнулся мордой в булыжник пристани. Кто ж такое стерпит? «Наших бьют!» Пошла массовка. Меня убивать. Противная сторона в массе была представлена лодочниками, только что на нас махавшими вёслами, и редкимиредкими моряками. Пацанята наши тут как тут — только что чуть зубами друг дружку не рвали, но для чужого им и зубов не жаль — бешеные волчата. Я и не заметил, как Захар перехватил контроль и с упоительнейшим воем в душе вынул нож. Тут Маленькому Бобу гад какой-то по уху смазал, пацан упал на пристань. Ба! Да это ж продавцы той лодочки всё никак не уймутся! Зак полоснул его поперёк пуза, тот удивлённо замер в полу-приседе, пытаюсь придержать ладонями поползшие через распоротую рубаху кишки. Захар заметил удивлённый взгляд Маленького с булыжников пристани — некогда отвлекаться на мистику! Пацан уже кое-чему научился, уход от удара и резко ножиком по вражьей руке. А тут самому надо бить — здоровенный хмырь схватил мальчишку за шею, так в почку ему и ещё разок! Опаньки — снова Плюшевого спасаем! Следующий...

Но много их набежал, и пришёл бы нам карачун, кабы не подоспели на помощь деды с приятелями — не выдержали широкие морские сердца наших новых знакомых зрелища избияния невинных младенцев. Отчего-то в любом порту все чужаки друг другу роднее аборигенов, и как раз чисто случайно так получилось, что поблизости оказалось много чужаков. Ну, не то чтобы чересчур, но для революции их оказалось достаточно. Да и мы дебилами не стояли, пустили в ход ножи, дубины, хлестала кровь, падали убитые или покалеченные, толпа озверела.

Драка с поножовщиной для любого порта дело обыденное и такое же опасное, как пожар. Если вовремя не загасить очаг, может выгореть несколько кварталов, потому вполне ожидаемо появились солдаты плутонгами и сходу открыли огонь — уже было не до уговоров с прибаутками. Бежать с пристани некуда, моряки, опомнившись, упали на камни, а лодочники и так почти все дохлые валялись. Лежачих не добивали. Солдатики оцепили место побоища, навели ружбайки, офицер чего-то по-своему орёт. Бузотёров стали поднимать человек по двадцать, строить в колонну по одному, руки за спину. И такими партиями повели товарищей верной дорогой, к замку. В замке размещалась тюрьма, администрация, арсенал, казначейство... ну и солдатские казармы, чтоб из естественной

экономности всё разом охраняли. Только они в большинстве оказались в порту, в замке только караульные.

Дядя Яша к офицеру подкатился. Что-то ему в кармашек сунул. Кричит, размахивая руками, за приятелей хлопчет. Наши матросы еле как вчетвером припёрли два бочонка, тот, что побольше, солдатикам, другой, вообще-то, потерпевшим, но его тоже солдаты конфисковали. Подобрел офицер, разрешил на корточки присесть, но зараза такая рому солдатикам пить пока не велел! Хоть матросов наших отпустил с условием, что их накажут на своём судне, и на том спасибо.

И пошли мы палимые солнцем закатным в грустных своих размышлениях. Вот прочитай я этакую ахинею при жизни где-нибудь на форуме, даже критиковать бы поленился, без обсуждений же ясно — в жизни такого быть не может и всё! Но в том-то и заковыка, что мы немножечко после, или до... или, вообще, вместо? Но если вместо, то есть в игре, правила, даже самые идиотские, чётко прописываются разработчиками, то в реале правила пишет Тот, Кого не понять от слова «никак». Возможно абсолютно всё, уж наше-то положение не позволяло в этом сомневаться. Идём в 1697 году по португальскому городку под конвоем и размышляем о правилах, ага! Вот такие, блин оригиналы. Хотя замысел наш тривиален до пошлости. Задача — захватить замок, обезглавить силы местной самообороны и ограбить город. Попытка напасть, пока его охраняют солдаты, даже не обсуждалась. Значит, выманиваем солдат из замка, проникаем внутрь... блин, и что дальше? Захватить изнутри тоже не получится, пристрелят сразу, да и бессмысленно, пока большая часть солдат снаружи... э... трезвая, хм!

Только нафиг его, вообще, захватывать? И что это значит — флаг водрузить? Сдать под общежитие или снести нахрен? Нам бы замок только чуть-чуть ограбить, и сделать так, чтоб солдатика под ногами не путались. Как этот, блин, что сзади плетётся, подумать спокойно не даёт, постоянно на меня налетает. Вот что я ему такого сделал? Ну, ударился морячок лицом об камушки, так сам же был виноват, ему бы радоваться, что ещё живой — нет, пинался всю дорогу, злопамятный какой. Вот ничему таких жизнь не учит, долягался он до греха, когда почти пришли, нас через ворота как раз только прогнали и во дворике строили. Он опять исподтишка меня ногой, а я по тени всё вижу! Шаг назад с полуоборотом и на опорную его ногу наступил. Не устоять ему было в этом дурацком положении, подтолкнул я его слегка конвойному под ноги. Одному под ноги, другому под ствол, тот его сразу и разрядил. Ужас какой-то это варварское оружие — в дырку в спине захаркин кулачок бы пролез!

Между нами и воротами арестованные толпились, со стороны ворот двое конвойных, а с нашей один ружьё разрядил, другой вообще выронил. Его сразу Черныш подобрал, упавшего солдатика Плюш гарротой придавил. Стужа, пока второй солдат на всё это варежку раззявил, подошёл к нему сзади, да и воткнул ему железку в ливер.

Солдаты от охраны ворот отвлеклись и шарахнули, не разобравшись, в скопление задержанных чисто по подозрению. Растерялись, замешкались, а ворота открытые, и туда, конечно же, ворвалась Красная армия. Сначала прям напротив ворот останавливается карета с вензелями губернатора, распаивается дверца, а оттуда шарах с шести пистолей! Это Руда

наш мимо по делам проезжал, так задержался. И сразу же в ворота ворвались родные пираты с местных активом за компанию. Дело наше было благородное, правое, хоть и маленькое — освободить жертв политических репрессий позднего средневековья из узилища. Не разбираясь, всех и сразу. Зажигательных речей не говорили, лозунгами не кидались, они и так были правильно настроены. Быстро смеркалось — городишко ждала ночь просто пламенной страсти!

А мы неспешно занялись замком. Прежде всего, зачистка, далее плановый грабёж. Помешать нам уже никто не мог — в городе грабежи и пожары, сигнал общей тревоги давал трубач с башни, в которой располагались захваченные нами ворота. А набатный колокол с кирхи содрали, его потом близнецы на медь уволокли, вандалы, понимаешь. Кирху всё-таки грабить не стоило, грешно ведь, но и зла на пацанов не было. На них и на Зуба с Клыком Руда возложил техническое обеспечение и логистику. Парни справились отлично, только слегка увлеклись — ну, увлекающиеся у них натуры. Вот, например, пока Руда, козыряя губернаторскими вензелями, собирал по городу врачей, то есть искал единственного нормального доктора, Близнецы с дядей Сэнди навестили колёсного мастера, что жил ближе к порту. Купили всё, что тот успел наделать, но с условием — с доставкой. Тот лично и очень бережно все колёса погрузил на собственную телегу, отвёз на пристань, а разгружать уже самим пришлось. Дядька хлебнул на радостях, так его еле до гамака довели. Ещё и за женой и ребятишками его смотались, ведь в городе ужас что творится, спасайся, кто может! Примерно так же Клык с Зубом и дядя Адам заполучили окованные оси и к ним впридачу троих кузнецов со всем инструментом и с семействами, конечно. С тягловой силой помогли казачата. Тут каждый уважающий себя католик, владелец лодки, ослика или мула, по мере сил способствовал морской торговле, стараясь не отвлекать королевских чиновников от серьёзных взяток с растратами. Мы встретились с ребятами в оговоренном месте, и те, по нашей просьбе, по секрету шепнули приятелям, что, пока в порту беспорядки, есть возможность прикупить с английских кораблей рому, табаку и бумажных тканей. Когда плотники сноровисто соорудили первые дрожки, контрабандисты уже дегустировали ром. Их так на пристани и оставили — не убивать же всех подряд, в самом деле!

Кстати, к тому времени и солдатам, да и самому офицеру надоело ждать возвращения конвойных, хлебнули они из бочек по разу, а то и по два, и больше ничем не интересовались. А нам их мушкеты таскать, да самих рядочком раскладывать, чтоб не мешали проезду гужевого транспорта. Вот навели порядок, и деды предложили немного ошалевшим от таких дел приятелям посмотреть, что ещё в портовых пакгаузах украсть не успели. Народ разбрёлся по территории порта, а близнецы занялись лебёдками. Всё просто в теории. Реи к мачтам крепятся не жестко, на конце реи крепим блок, пропускаем верёвку... только пацанята у близнецов — «засранцы», ни разу на реях не были, а кто был, их, «засранцев», и слушать бы не стал, а стал бы, так и не понял бы нефига. На их счастье мы с Плюшем дожидались готовности транспорта, таки пришлось полазить и помучиться. Но побежали тележки от складов к судам с самым для нас ценным. С овсянкой, сухарями, солониной, разными котлами, кожей, канатами, парусиной... Началась погрузка, в этом деле дядя Джэкоб мастер, он в советчиках не нуждается. Ну а мы «с патефоном волшебным в тележке своей», то есть с оружием направились в город вершить суровую пролетарскую справедливость. Только некоторые, как близнецы, хулиганить и вандализмом заниматься.

Как раз из замка вернулся Длинный Джек, распределил мальчишек между авторитетными пацанами. Большинству шпаны предстояло на фасаре стоять, да хабар таскать, их он отдал Клыку и Зубу для обеспечения хозяйственной части. Независимый Своятин Невиноватый Джон сам отобрал себе приятелей и свинтил по ему одному известным делам. Стужа, при жизни довольно резкий мент, взял под покровительство близнецов и в добавок к пятёрке нормальных пацанов ещё десяток «засранцев». Черныш заявил, что ему балласт не нужен и в компании Люта и ершовцев с самыми отмороженными парнями отправился на грабёж домов состоятельных горожан. Пушка самый маленький казачок повёл разговаривать с дедушками. Мы с Плюшем со старшими местными по своим делам. А сам Руда с десятком отборных отморозков и десятком шустрых малышей остались в резерве и для координации.

Длинный Джек насмешливо фыркнул в душе — его демон никогда никого не убивал! Он ещё ни разу не снизошёл до общения с потусторонней тварью, но вот именно сейчас его подмывало ехидно поинтересоваться самочувствием духа. Злой дух каждый раз смешно цепенел, когда Джек решал такие простые вопросы. Это бывало забавным, но сегодня он ему просто надоел — перестал цепенеть и ныл, ныл... когда опробовали микстуру на ублюдках аптекаря, когда разговаривали с капитанами, даже когда помогли ребятам, внезапно расстреляв в спины солдат у ворот замка! Ладно, может заткнуться — они остаются в резерве на непредвиденный случай. Джек снова фыркнул — это загробное нечто пытается себя обманывать, «не понимая» на какой случай у него под рукой десятков лучших бойцов! И специально отчётливо подумал на всё сознание, — на случай бунта, неповиновения, попытки удрать с добычей!

— Кажется, в мире демонов это называлось «заградотряд»? — как бы про себя весело спросил Длинный. И с наслаждением услышал вымученный стон. Вот так-то, будет знать, как канючить под руку! Ну, раз понял, можно пока передать управление — надо же глянуть, как идут дела с погрузкой товаров и размещением пленных, он в этом лучше разбирается.

* * *

Для разогрева Неждан с Плюшем повели ребят в харчевню сводников. Случайно или нет, но это была та самая «Лагуна», в которой Дасти должен был встретиться с агентом или агентами. И там же отираются сутенёры арендованных Джэкобом и Бонсом девок. Видимо, особист хотел совместить служебное с приятным, ха! Кстати, там ещё должен быть некто для проверки, всё ли с Дасти в порядке? Пусть он счёл встречу с агентом излишней, но к девочкам-то после моря заявиться должен непременно. Конечно, если с ним всё в порядке, чего о нём, после общения с Нежданом, не сказал бы и живодёр на пенсии.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Потому Неждан, принявший на себя командование этой зачисткой, в укромной подворотне недалеко от заведения уверенно инструктирует парней. — Сейчас спокойно заряжаем пистолеты и подходим на проверку, сначала к Грегори, потом ко мне. Можете не трястись, пока за ошибки наказаний не будет. Приступили.

Спустя минуту Плюш терпеливо перезаряжает ствол самого торопливого, а через пять минут Неждан, одобрительно кивнув, возвращает пистолет Пете.

— Теперь слушаем очень внимательно, — продолжил «демон». — Стойка справа от входа. Сначала гуськом входят мои и встают вдоль стены напротив стойки. Потом ребята Грегори так же по одному занимают позиции слева от стойки. Пистолеты под рубашками не прятать, просто держать за спиной. Мы со Сбитым подходим и стреляем в людей за стойкой. Только после этого мои парни спокойно, двумя руками, наводят пистолеты на ближайшего посетителя и стреляют. Потом ребята Сбитого стреляют тоже в ближайших, но лишь в тех, кто пытается вскочить, убежать, в сидящих или упавших на пол не стрелять. Мои перезаряжают пистолеты. Петя и Ваня, мы с Грегори через проход за стойкой идём в кухню, подстрахуете нас от входа. Повторяю — только от входа, не дальше! И не убейте нас,

пожалуйста.

— Постараемся, — обиженно буркнул Пётр.

— Вы очень постарайтесь нас не убить, — подчёркивает Плющ, пацаны серьёзно кивнули.

— После того, как эти двое зайдут за стойку, добиваете всех — сначала сидящих, потом упавших. Спокойно перезаряжаетесь и стреляете, добиваете только из пистолетов не ближе, чем с двух шагов. Ножам в этот раз работаем только мы с Грегори. После зачистки мои выходят и контролируют вход и переулочек. Прохожие могут пройти только в таверну, прочих валите на месте. Ножам, но лишь внезапно, сзади, в спины не тычете, бить в поясницу по два-три раза. Трупы не обшаривать, не отвлекаться. Парни Грегори гасят вошедших внутрь. Петя, повтори, что ты только что услышал.

Пацан послушно начинает пересказ, сбивается, Неждан с Плюшем, сменяясь, поправляют. Следующий сдаёт экзамены уверенней, наконец, у Ваньки Ножика всё прямо от зубов отскакивает. Неждан, грустно вздохнув, даёт команду, — ну, тогда пойдём, поубиваем там всех.

Захару страшно, весело и непонятно, отчего ж его потусторонний братец печален? Умница так всё здорово придумал, за пацанов можно почти не беспокоиться. Что не так-то? Не понять ему пока, как это мерзко — учить убивать, особенно детей. Даже отчётливо понимая, что этих детей чему-то учить особенно и не нужно, что без твоей науки их самих большинство поубивают, что они и без тебя полезут в драку насмерть. И оттого ещё мерзотнее на душе, что ничему другому он научить не может, да и не нужно им другое. Хочется верить, что пока не нужно, но Неждан и Плюшевый точно знают — это навсегда. И потому они сами передали мальчишкам управление — как бы ни было противно, каждый ученик должен сам заполнять свои прописи.

Ребята без суеты зашли в таверну, занимают позиции. Зал почти полностью заполнен гостями, сначала один посетитель удивлённо оглянулся на мальчишек, другой оторвался от кружки, третий даже успел положить на стол двузубую вилку, но завертеть головой уже не успел — через зал стремительной деловой походкой прошли двое пацанов с штурмовыми пистолетами морской пехоты в руках, и почти без перерыва грянули выстрелы. За стойкой было всего двое, Зак с Грегори ловко перемахнули прилавок, сзади загрохотали стволы ребят Неждана. Подбегают к проходу на кухню, Заки падает на колени, чтобы Грег смог пальнуть поверх его головы. На кухне четверо — тётка, здоровый усатый мужик и пара молоденьких парней. Зак стреляет в тётку, резать женщину ему было бы неприятно. Пуля Грегори разносит голову усатого здоровяка. Бросили пистолеты на пол, достали ножи. В зале вновь загремели выстрелы. Зак прямо с колена прыгает к пареньку слева от плиты, в кувырок, на выходе вонзает лезвие в живот жертвы. Грег метнулся к парню у большого ларя, он от страха выставил перед собой руки, нож, коротко свистнув в полёте, вонзается в горло.

— Да тут всё! — разочарованный голос Пети от входа.

— За нами, — командует Грег, вытаскивая нож из бьющегося в агонии паренька, — проверим кладовую.

Из зала доносятся методичные выстрелы. Зак снял висевший на крюке фонарь, встав сбоку от входа, вытянул руку, подсветив кладовку.

— Бабах! — тут же отозвался пистолет Пети, в проход врывается Грег. Заметил кого-то, скрючившегося за мешками, порвал дистанцию, схватив за волосы, вскрыл горло. Кто-то

бежит к запасному выходу, Захар, поставив фонарь на какие-то ящики, метнул ему в спину нож. Ваня выбегает через чёрный ход и стреляет, — чуть не ушёл сука!

— Молодец, — похвалил его Грег и добавил, ни к кому не обращаясь, — пойдём, проверим залу.

Заки пожал плечами — ему этот приятель Прилизанного до фонаря. Просто молча повернулся и вышел, он всё-таки прав, нужно присмотреть за ребятами. Раз дела пошли административные, забираю контроль. Тут же заметил смущённую улыбку вернувшегося к управлению Плюша — он отчего-то себя винит в том, что у наших парней так себе отношения. Вот чудак! Успокаиваю его улыбкой, — кажись, норма — мы опознали трупы сутенёров. Тогда надо грабить, зря что ли столько народу угомонили?

А есть что пограбить! Оливковое масло, солёное сливочное масло в бочке, курага, изюм, орехи, мука и крупы в мешках, колбасы, окорока, сыры, копчёная и солёная рыба, вино в бочках и в бутылках, посуду обязательно в скатерти завернуть. Ну и касса, конечно, не считая наличности в карманах покойников. Кстати, всех жмуров раздеть и разуть... блин, телега уже доверху завалена! А ждать пока она разгрузится и вернётся некогда! Послали ребят тремя парами поискать транспорт, а они через пять минут привели Стужу и близнецов с ребятами и двумя телегами! Вот это дело! Обсудили со Стужей ситуацию, решили — с телег в порту всё вываливать на пристань, кроме денег, конечно. И сразу к оговоренному заранее перекрёстку, выделил ему местных Гаврошей для ориентирования. Если телегу не перехватят по дороге, ждать на месте гонца, следовать за ним по первому требованию. «Нормальные пацаны» Стужи охраняют груз, «засранцы» таскают добычу и обрабатывают клиентов.

Близнецы загрустили, у них, видите ли, были другие планы! Стужа отобрал пару отморожков и сказал, — ладно, займёмся вашими планами. Только на общих основаниях и...

Притушил, вспыхнувший было энтузиазм, — и «засранцами» будете вы, сами понимаете — не хватает нам «засранцев».

На том и порешили, они потащились грабить кирху, ребятки Стужи взялись всё закончить с харчевней, а Петя потащил новых приятелей в другую столовку. Ну, что ещё ждать от вечно голодных пацанов? Не пошли, а побежали с полными карманами изюма и орехов, жуя на бегу сыр с бужениной! В следующем заведении всё прошло проще и быстрее, ведь тотальная зачистка в задачу не входила. Настолько были в себе уверены, что заранее послали пару мальчишек ловить пустую телегу. Окна в местных домах расположены низенько, так парни разбили стёкла рукоятями пистолей и немного постреляли внутрь. Народ ломанулся на выход, мы никого не задерживали. Один кабатчик, придурок, скорчился за прилавком. Тут нам неожиданно повезло — у заднего входа нашлась чья-то лошадь, запряжённая в повозку. Эге, думаю, лошадь, что там Пушок говорил про контрабанду? А где контрабанда, там и барыги, особенно кабатчики. Из-за серьёзного сокращения программы времени было достаточно, мы с Плюшем занялись дядькой. Душевно, но энергично разговорили мужика. Он сам открыл потайной люк, а там — тьфу, пропасть! Ямайский ром и табак! Но и хлопковые ткани, и явно ворованные вещи — серебряная посуда, одежда, кожаная обувь. В общем, нам действительно повезло, а кабатчику не очень. Решили ведь на совете, как с такими упырями следует поступать. Вот и скинули мертвеца в потайной подвальчик, перед тем как поджечь крысиное гнездо — тоже обязательный пункт

программы.

Малой Митя привёл Пушка на окраину, провёл в натуральную мазанку с глинобитным полом! Представил двум суровым дедам с озорными глазами, и троим пацанам, «братанам» Пети и Вани. Деды назвались Павло и Николай, а пацаны скромно промолчали. Пушок правильно, двупёрстно, перекрестился на образа, поклонился, с позволения хозяев присел на лавку и без нажима перешёл к делу. Что вот, мы тут проездом и чуть-чуть по делам. А следуем туда, где нас и черти не сыщут. Приглашаем с собой, с внуками уже говорили, так они согласны, но без разрешения не смеют...

— Угу, не смеют без разрешения, — прогудел дед Коля, — а скажи-кась, сынку, чего они вот прям сейчас поделывают?

— Они согласились нам немного помочь в делах...

— Ага, — кивнул дед Паша, — дел вы наделаете и в море свалите, ага? После таких дел мертвяков богато находят.

— А Петро с Ванькой и Гришкой вам помогают! — зло прошипел дед Коля, — так что, им теперь либо с вами, либо в петлю!

— И удавили бы мы тебя за это, вьюнош, — серьёзно вещает дед Паша, — тока после их и ваших дел нам тут тоже жизни не будет! Вобщом — уболтал, красноречивый!

— Хлопцы, живо собираемся! — скомандовал Никола.

Пушок поразился — только «жили, не тужили», никуда не собирались, раз — и как по тревоге сворачивают казачий лагерь споро и без суеты. Дед Паша спокойно пустил под нож двух свиней, свернул головы домашней птице, Никола колдовал с упряжью, да запрягал лошадь, а казачата грузили на телегу пищали и сабли! Котлы, свёртки кожи, сёдла...

— Тоже кожа, — грустно пояснил дед Никола.

Рыбачьи сети, паруса, верёвки, вёсла с лодок, воск и свечи, бочонки с жиром и обернутые в дерюжку шматы солёного сала. С отдельным бережением уложили три иконы, укутанные в дорожную ткань. Телегу загрузили с верхом, сзади привязали коровёнку и трёх коз.

— Митяй, ты ж его привёл, вот тебе и хату подожгать, — попросил дядя Паша, уходя от брошенного дома, не оглядываясь.

* * *

Зуб и Клык развернулись во всю крестьянскую ширь. Начну с Зуба. Он забрал часть ребят, мальчишки ему достались не самые боевые, так пришлось их вооружить мушкетами, предварительно помучившись с зарядкой. Отдельно предупредив, чтоб при выстреле не вздумали целиться и, боже упаси, упирать приклад, особенно к животу, а при выстреле даже не пытались их удержать в руках, Зуб отправился с ними на окраину пешком и налегке. Там повторилась картинка казачьих сборов, только без лишних бесед. Выбрав двор побогаче, постучался в воротную калитку, а на вопрос «чего надо?» выстрелил из пистолета. С трёх пинков вышиб двери и ребята ворвались внутрь. Первым делом занялись собаками. Их встречали три довольно-таки свирепые овчарки. Зуб лично подсёк одной собачке стволом

мушкета лапы, дав команду, — делай так же!

Скулящим пёсикам перетянули мордочки и бережно уложили на отдельную тележку. А в будке, о, чудо! Пятеро ещё слепых щенят! Зуб легко определил мамашу по припухшим соскам и сунул к ним малышей.

Пока возились, на шум стали подтягиваться соседи с вилами. Пацаны строго по инструкции стреляли им в корпус не далее, чем с трёх шагов — пленных брать в деревне не планировали. Но паре мальчишек всё же очень не повезло. Осечка, и пацана здоровенный мужик прибил к забору, как бабочку. Другой мальчишка истошно верещал, поднятый на вилы местным бугаём. Зуб обругал себя последними словами — ещё в армии служил недоумок! Пустил в дело ремень, то есть пращу, оглушил и зарезал извергов. И впредь особо не увлекался, бдительно поглядывая по сторонам. Впрочем, отвлекаться пришлось, ведь они пришли сюда не для того, чтобы убивать ничего до этого не сделавших ему лично людей. Тем более селяне после дружных выстрелов мальчишек и его вмешательства разбежались занимать оборону по домам, а часть придурков припустила в городок, за подмогой.

В богатом дворе нашлись аж две лошади, три коровы, козы, утки, куры... Зуб велел трём пацанятам нарезать гибких веток для клеток — один с мушкетом сторожит, двое режут. Сам прирезал свиней, показал, как лоскутками перевязывать курам лапки и сворачивать уткам шеи. Особенно заинтересовало Зуба зерно. Пшеница не особо, но у местного богатея нашёлся рис, видать, был любитель, купил для себя отдельно. И мешочек с конопляными зёрнышками! Его Зуб положил отдельно в тут же присвоенную наплечную сумку. Сыры и окорока забирать не стали, семье убитого и так придётся невесело. Тем более один щедушный мужичок, две тётки, девчонка подросток и двое мальчат помладше, ни слова по-английски не понимая, под дулами мушкетов делали всё, что только в пол-жеста не потребует Зуб. Этот паренёк пугал местных своей необычностью ещё пуще мушкетов. Зачем-то срезал с кустов и деревьев черенки, велел насыпать несколько мешков земли и отдельно навозу. За каким-то чёртом собрал в корзины связки чеснока, насыпал лука и выволоч из подвала две здоровенные, очень дорогие бутылки с уксусом! Впрочем, эти ещё довольно дёшево отделались. Соседи победнее забаррикадаировались у себя в дому, да так и сгорели. Вернее, Зуб подпалил хижину, а его ребяташки пристрелили всех, кто выскочил из горящей лачуги. Для наглядности и экономии времени — в ещё трёх зажиточных хозяйствах намёк поняли верно, и проявили готовность к сотрудничеству с новой временной властью. У местных явно вертелось на языке какое-то слово, но они не могли его вспомнить или правильно выговорить. Зуб сформулировал сам, — блин, фашисты в деревне!

Снарядив последнюю телегу, отобрал самых забитых с виду мужичков и скомандовал, — гоу, ту хелп!

Как ни странно, его поняли, побрели понуро за обозом.

* * *

Клык же был не просто крестьянином, а животноводом. Но отлично понимая, что лошадей они себе позволить не могут, решил заняться тварями помельче. Ведь при жизни его угораздило приобщиться к Биологии, и он неплохо разбирался в замкнутых биосистемах.

Пацаны ему достались, вообще, те, что остались, но и подвигов особых он не планировал. Прежде всего, они вместе с плотниками в носовой части «Пеликана» переборкой отгородили закуток. Там же он по ходу дела прибил трёх крыс и зачем-то положил в мешок. В закутке он уговорил сэра Джэкоба установить большой герметичный короб и очень большую кадку под воду, даже маленький бассейн. Боцман подумал, что один пень придётся запасать пресную воду, и согласился. Но боцман-то ладно, обделённого фантазией старика трудно удивить. Но пацанята просто слов не находили, мастера по указаниям Клыка сачки! Прихватив ко всему вдобавок кожаные вёдра, мальчишки отважно пошли за явно свихнувшимся Угрюмым Джорджем. Кличку свою он получил не за добрый нрав, так и шутить на тему его приказов ни у кого желания не возникло. Увёл он их дальше всех, за город, каким-то верхним чутьём нашёл заболоченный речной заливчик и натурально заставил «засранцев» ловить сачками лягушек! Они как раз вылезли поорать на ночь глядя. А сам привязал к верёвкам крыс и забросил в воду. Через четверть часа вытащил, аккуратно собрал пиявок и снова забросил. А в другие вёдра с водой пацаны складывали лягушек.

Руда увидев, что они притащили под утро, задумчиво, даже с беспокойством, взглянул дружище Клыку в ясные, с виду нормальные, очи. Пришлось тому объяснять. Вот его коллега Зуб, скорее всего, уже приволок несколько мешков навозу, а если ему жалко, подойдёт обычное говно. Как для чего? Опарышей разводить, ведь куры на одной крупе нестись не будут. Мух будет туча туча? А лягушки на что, не знаешь? Они очень любят мух, быстро размножаются, и на вкус вполне, если умеешь готовить. Да крестьяне издревле, когда в поле шли, брали с собой крынку молока и сажали туда лягушку. Молоко не прокисло за целый самый жаркий день! Они и водорослей прихватили. Для красоты и, вообще, Руда когда-нибудь пробовал дистиллят? Ну, скоро попробует, так его от того бассейна и не оттащить будет. А пиявки — это очень вкусные в жареном виде кровяные колбаски, или Руда предпочитает просто крысиную кровь? И стыдно медику не знать других их очень полезных свойств. Руда чуть не прослезился — вот парень! Решил столько важных вопросов, никого при этом, кроме крыс, не убив!

Недаром говорят, ученье свет. Кое-кому, не такому образованному, пришлось действовать по оговоренному с руководством плану. План не жёсткий, как программа, оставили зазоры для импровизации. Пиратский джаз — во мне пела «Серенада солнечной долины». Блин, совесть заглушал, и душа не так ныла. А местные, особенно казачата, явно жгли за собой мосты. Чего там деды решат, их интересовало чисто теоретически, они всё для себя решили. Им с нами понравилось — а с кем ещё так весело в-о-о-о-т такое вытворять!? Мы с Плюшем на время разделились — ему тоже пора покомандовать, не всё на меня спихивать непростые решения. К тому ж очень нам интересно, кто больше наворотит?

Он повёл своих в другую харчевню, я тоже думаю, что, хоть и пожары в городе, рановато им ещё закрываться. Идём мы по улице, аки оккупанты какие, поглядывая вокруг жадными глазами, смотрю, интересная вывеска «Марк Фризон, костюмы, обувь, аксессуары». Мог бы просто написать «Барыга», без зауми. А ну, говорю, глянем, кто в теремочке живёт? А Петя с Ваней и Гришей смутились — их дружков это дом, нельзя их, пойдём дальше. Я им говорю, — ага, пойдём. А следом Бобби Маленький или, упаси Создатель, Чарли Ёрш. Это мне плевать, что он Фризон, а тот сей факт по любому вниманием не обойдёт, я его хорошо знаю. И вас тут положит, если вы всё бросите и станете дом охранять.

Петя горестно, но с надеждой спросил, — а что делать?

Ну, конечно, я ж командир, самый умный! Командую пацанам, — срочно транспорт сюда. Будем спасать. Петь, стучись, чтоб открыли.

И поверил мне пацан, даже когда я из-за пояса вынул пистоль, верил. Постучал условным стуком, дверь открыл его кучерявый сверстник с дубиной. И спрашивает по-русски, — кто это с тобой?

Я ему по-русски отвечаю, — ваша единственная возможность спастись. Брось палку и веди к отцу, недоделок!

Парнишка опешил, посторонился. Я поставил отряд пока на охрану, а сам с Петей прошёл в дом. Ну, нормальное ателье, на первом этаже работают, на втором живут. Хозяйский сынок назвался Лёвой и предложил пока располагаться в креслах, а он за папой сходит. Уселись мы, парнишка взбежал по лестнице, и я услышал его голос, — папа, нас пришли грабить, бери пистолет и пойдём.

В ответ послышались невнятные восклицания, и через пару минут по лестнице спустился Лёва с другой дубиной и тоже курчавый с залысынами носатый мужчина в домашних туфлях, в халате и с пистолетом.

— Вы таки действительно пришли нас грабить, молодые люди? Пётр, я был о вас намного лучшего мнения! — воскликнул он чуточку визгливо, — вы ничего не добьётесь в жизни, если будете так поступать с деловыми партнёрами!

— Посмотрите в окно, почтенный, — просто посоветовал я. Он послушно подошёл к окну и отпрянул, будто увидел привидение. Да обычные каторжане с пистолетами, что такого-то?

— Мы не будем вас грабить, — успокаиваю барыгу, — и никому не позволим этого сделать.

— Вы берётесь нас защищать? — скептически предположил хозяин, — от кого и за

сколько?

— Бесплатно! — улыбаюсь ему во всю захаркину зубатку. Он невольно улыбнулся в ответ. Редко, кто способен не улыбнуться на его улыбку, такой он у меня обаятельный симпотяга. — Мы сожжём ваш дом. Это единственный способ не дать ограбить вас этой ночью, в городе грабежи и погромы.

— Других вариантов нет? — деловито поинтересовался Марк Фризон, — может, вы просто уйдёте?

Я с виду задумчиво встаю и подхожу к окну, — прибыл транспорт, собирайтесь. Насколько всё серьёзно, убедитесь по дороге в порт, мы вас проводим, как Петиных друзей. Кстати, они тоже переезжают. Вы меня слышали? Оглохли? Плевать — ваш дом будет пылать уже через полчаса, у нас мало времени.

— Евреи бегут с казаками! — всплеснул руками Марк Фризон, — просто анекдот! Не все наши вещи останутся нашими?

— Да! — ору, уже устав от этого барыги.

— Лёва, бегом запрягай нашу коляску, одна телега — это просто смешно! Ай, как мы будем жить? Покушать с собой брать?

— Нет! Беги собирать детей, скотина, пока я тебя не пристрелил! — меня уже колотит от ярости.

Всё-таки Марк очень умный человек, он прекрасно меня понял. И совсем немногим больше, чем через полчаса полностью одетый любовался пожаром с улицы, оглядываясь через плечо. Он с детьми шёл пешком за телегой и кибиткой со своим барахлом, в основном тканями, кожей и серебром, для них места на повозках уже не было.

Руда семье Марка не очень обрадовался, но сдержался — всё же это друзья казачат, а на них у нас очень большие планы. И Захар мой, на секундочку, Абрамс, так что не надо мне тут делать такую морду! На что Руда поинтересовался, когда я займусь агентом? И не возразишь ведь, пришлось делать лицо кирпичом и орать, — сию секунду, вашество!

Понятно, что сразу пошли к агенту. Тут на острове приличные люди дверь запереть ленятся, а этот гад даже собачками обзавёлся. Но собак нужно тренировать, а ему, видать, было некогда. Пришлось мне в прошлобудущем поработать собачником. Не кинологом, а именно собачником. Это такие злыдни в «мебельном» фургоне. Рано по утру проедет фургон по ещё пустым улицам, и детки не увидят больше дворовую любимицу Найду или обаяшку Шарика. Мерзкое ремесло, однако, пригодилось. Берём жердь с хитрой петлей...

Пёсиков даже не закоцали, Клык с Зубом имеют на них виды, у всех просили притащить побольше породных собак, особенно мастиффов, вот как этих. Повезло псам, увидят дальние берега. Агент по ним скучать будет, наверное. Чудом гад в живых остался, но совсем не рад, чудак. Всё-то ему было непонятно, кто пришёл и зачем. Сделал урода, не впадая в транс. Всего-то рукоятью пистоля пальчик дяде сломал. Два раза. Запел милейший, сдал адреса и контакты. Хотя контактов у него — спасённый Марк, два ужедохлых кабатчика, да ворьё, а их скоро власти за наши художества и без нас перевешают.

Да мне это не очень важно. Агента ж как-то надо в себя влюбить, чтоб пожалел сироток и не желал нам зла — написал начальству, что мы тихо-мирно отбыли тонуть в море. У него две дочки, близняшки, пиратский джаз — жёсткая музыка, не для деток, отправили их на наших «голландцев». Отправил с ними казачат для охраны, и чтоб сами казачата не вздумали свинтить от наших дел — такие уж предстоят делишки! А так им ответственность, и очень нужное любому мальчишке чувство... э... не имеющее определений, кроме поэтических, вот.

— Мужик, ничего личного, но ты достал тебя уговаривать, — как извиняюсь перед барыгой. — К тому же я тебе не верю. Твои дети уйдут с нами. Мы кое-куда собрались, одолжишь денжат в дорожку? Вот и умничка, а в благодарность, клянусь, девчонок пальцем не тронут и отпустят, как только придём на место. Ты уж постарайся, чтоб у нас получилось. Лады?

— Как я могу тебе верить? — простонал бедняга.

— Верить не надо — всего лишь надеяться, не скучай тут без нас, — прощаюсь с дядькой, снимая со стены гитару. Вещь!

— Ваня, на контакт с обеспечением, бегом. Парни, всё нужное складываем на скатерть, связываем. Тюк на телегу, гитару отдельно и очень осторожно! И айда дальше.

— Дальше?!!! — задохнулся восторгом Джонни.

— Конечно. Ночь длится, сил прорва, чего тупить?

каторжном рванье, шмыгая чумазым мальчишеским носиком, гуляла, лазила через заборы и в окна, шутила и смеялась с пацанами, с ними в обнимку. В джаз-банде общего пиратского беспредела каждый вовсю дудел в свою трубу — грабили и мочили барыг, ростовщиков, сутенёров без жалости, даже с прибаутками. Нам с ними, бывшими католиками, детей уже не крестить. В смысле чужих не крестить, со своими хватает забот.

Отработали адрес, финальная сцена:

— Ребята, кто возьмётся? Что-то у вас личики побледнели. Никто не возьмётся? Тогда я сам. Сюда смотреть, уроды! Вот так, салаги! — ору вытирая лезвие об ковёр, чувствуя себя как надо — последней сволочью...

Улицы, дома, искажённые злобой и страхом морды, трупы в лужах крови и завывания сакса на всё сознание — Зак, кажется, поплыл...

— Дай-ка мне! — решительно заявляет Джонни Ножик.

— На...

Никакой истерики. Пацан отработывает удары. Но барыга же не один:

— А можно мне? — Джеймс застенчив.

— Джонни, дай ему ножик.

Куда делась Яшина застенчивость? Парень сросся с оружием.

— На, Зак, — с сожалением возвращает ножик.

— Джеймс, я буду не я, если ты не получишь очень хороший нож.

— Благодарю, сэр, — снова стесняется Яша. Но сэр — это ж надо! Даже для каторжан это многое значит. Отстраняю Захара наблюдать со стороны, дальше всё будет очень серьёзно!

Зря Неждан сетовал на необразованность. Образование не помешало Чернышу и Люту действовать хоть и по военной науке, но в принципе так же. Просто у любой задачи все правильные ответы одинаковые, и пути решения схожи. Они тоже стремились исключить для мальчишек любую опасность, натаскивали их на хладнокровное и полное решение проблем, полумеры губительны. Демонстрировали расчетливость — решение текущих задач должно открывать пути решения следующих. И не нужно расплываться, силиться решать несколько вопросов одновременно, ведь есть решения, дающие накрытие нескольких целей. Как с замком, к примеру. Одно действие, а результатов — грабежи в городе, гарнизон парализован, захвачены казна, документы, карты, инструменты, оружие! Пожары из того же ряда. Горожане радостно бегут любоваться одним пожаром. Яростно противостоят стихийному пожару. Но бессистемные поджоги предпочитают пережидать по домам за крепкими засовами — в этой ситуации звать на помощь бесполезно.

Впрочем, у образования всё-таки есть свои плюсы. Прежде всего, умники не стали шарить по кабакам и домишкам, их манили особняки с парками и злыми мастифами за чугунными оградами, с крепкими дверями, многочисленным гарнизоном из вооружённых слуг и просто соседей. Людям нравилось в такой ситуации видеть, как их много и думать, что разбойники не полезут к ним. Ну, зачем им, когда полно престолярства? А скоро придут солдаты и поубивают негодяев.

Привратники, конечно, уже удрали или сидели за толстыми стенами в доме. Лют с пацанами под воротной опорой вырыли яму, заложили мину, отсыпали пороховую дорожку и подожгли от кремневого замка пистоля — опору выворотило взрывом, ворота рухнули. Въехали внутрь и столкнулись с псами — мастиффы и ротвейлеры. Но не обучены, не натасканы. Хватают любую протянутую палку, и вообще, способ Неждана, приделав к жерди петлю — совсем не бином Ньютона, нетрудно догадаться. И парк оказался очень кстати, кто ж в него сунет нос, тем более, когда спущены псы? Ребята без помех упаковали пёсиков, погрузили на телегу. Из другой усиленной телеги выпрягли лошадь и привязали пока к дереву. А саму тележку прокатили вручную до края парка, как раз напротив массивных дверей. Лют придумал установить на повозку маленькую пушку, чтоб в походном положении можно было легко её замаскировать тряпками. Изобрёл, блин, прабабушку тачанки! Ни одна дверь не выдержит выстрела прямой наводкой из пушки, даже из маленькой. Как разнесли дверь, закидали холл гранатами, ворвался первый десяток в уже пустое помещение. Все двери заперты, значит, огонь прям через двери — в закрытом пространстве от рикошетов спасенья нет нигде. Врывается второй десяток бойцов, пока первый отряд заряжает мушкеты, пацаны страхуют товарищей. Вот открывается одна из дверей и смельчака разрывают пули, в комнату летят гранаты. Но открывается дверь напротив, оттуда успевают выстрелить, причем, для стрелков всё заканчивается также... и на полу лежат двое убитых мальчишек. Черныш не теряет головы, сценарий не нарушается — спокойно заряжаем мушкеты и лупим через запертые двери. Поправка — с боков у дверей замерли по пацану с пистолетами и уже подожжёнными гранатами. У противника вновь не выдерживают нервы, на этот раз для них всё намного печальней, они не успевают сделать ни

выстрела, хотя пытались контратаковать из трёх дверей одновременно. Все двери открыты, но Лют ведёт парней только в одни. План здания неизвестен, численность неприятеля тоже. Сначала залп «вслепую», гранаты, в клубах дыма, пригнувшись, вбегают мальчишки с заряженными мушкетами. Рассредоточились, опустили на колени, выглядывают цели — бьют в любой силуэт, напоминающий стоящего человека. В комнате чисто, из неё ведут две двери. Отделение остаётся страховать двери справа, остальные штурмуют комнату слева...

Наконец, большой зал, в нём два десятка вооружённых саблями мужчин. Залп, Лют со штурмовым кортиком рвётся на левый фланг, Черныш на правый — связать боем, не пустить к мальчишкам, дать им спокойно отстреляться! Но неприятель уже не пытается выжить, мужики мечтают лишь подороже продать свои жизни, и двое прорываются к пацанам. Лют и Черныш спешат на помощь, парни бросили мушкеты, достали ножи, но замешкались. Плата — пять юных тел.

Соппротивление сломлено, люди разбегаются, пытаются прятаться, начинается плановая зачистка. Но здание огромно, а мальчишки есть мальчишки, суется, путаются, цена — ещё трое убитых. И чего ради? Большие зеркала, дорогая мебель, серебряная посуда? Конюшня и три экипажа забитые книгами! Оружие, драгоценности, одежда и обувь, просто любые ткани, даже портьеры. Взломали все шкафы, ещё золото и драгоценности. И с особой любовью флейты и гитары. И неважно, что на флейте никто не умеет, а на такой гитаре даже Неждан «Шизгару» не слабают, они верят в мальчишек, да и среди пленных должны найтись умельцы.

Второй особняк сделали не так прямолинейно. В первом захвачены аж десять кошек пёсикам на радость, в парке весёлая беготня и звонкий лай — псы же не тренированы! По дверям не стреляли, высадили выстрелами в упор из пистолей ставни и забросили внутрь связки тлеющих тряпок. Рассредоточились и спокойно из мушкетов и из пушки картечью расстреливали выбегающих в панике людей. Потом навязать на лица влажные тряпки и внутрь, та же зачистка... и ещё пятеро в безвозвратных потерях! Снова богатейшая добыча, ребята азартно ловят и связывают псов, но Лют и Черныш избегают друг на друга смотреть, просто боятся столкнуться взглядами — уже пятнадцать пацанов! Пусть дело есть дело, и приказы нужно выполнять... чёрт всё побори, неся потери и получая ранения!

Перед третьей целью Лют взял тайм-аут, слишком то была непростая задача. Относительно небольшой домик располагался на невысоком пригорке. Маленькие окна высоко над землёй, вместо парка лужайка — вся простреливается из дома. И псов, видимо, заперли внутри. Поли с пацанами смотались в ограбленный замок, притащили знамя, барабан и полсотни киверов. Хитрец положился на ночную мглу. Парни в их банде подобрались рослые, нахлобучили на них военные шапки, заряженные мушкеты на плечо и в ногу, в колонне по трое, под развевающимся королевским знаменем, что гордо нёс Черныш, под бой барабана, — кем был, кем был, старый барабанщик, кем был, кем был старый барабан...

Лют очень вовремя вспомнил пионерское детство — да кто тут разбирается в военных маршах? Вот таким порядком нагло зашагали прямо к дому, ежесекундно ожидая выстрелов.

Но шутка удалась — людям просто очень хотелось в неё поверить. Высыпали встречать, что-то радостное выкрикивая, наверное, просто не хотелось пускать солдатню в дом. А вот это невежливо, командиры загодя завернули колонну вдоль фасада, скомандовали «направо», «первый ряд целься, пли, на колено, второй ряд целься, пли, на колено», а третьему только и дела было — страховать товарищей, заряжающих мушкеты и добивать разбегающихся. Третий особняк вычистили без потерь.

В принципе приказ был выполнен, от успехов у телег уже дымились оси, и лошадок шатало от усталости. Но ведь дурью маялись — решили повеселевшие Лют с Чернышом. В городке ещё три конторы менял и два торговых дома! Из охраны лишь заранее обмочившиеся сторожа, да сами коммерсанты, большая часть которых валяется в особняках, по всему городку выстрелы, вопли и зарево пожаров. Времени они, благодаря недетской организованности и пацанячьей шустрости сэкономили вагон, и грузить уже ничего не нужно, бабло можно и самим в мешках упереть. Вот и нечего чесать затылки под киверами, работаем по той же схеме — солдаты в городе, пришли слегка подзаработать. Совсем отпустили повозки, да так и попёрли под королевским знаменем, под пионерский марш, в колонне по три к ближайшему торговому дому.

Близнецы вычистив кирху, душу из Стужи вынули — прям позарез надо ограбить столярную мастерскую, мол, она тут как раз рядышком. Днём туда было не сунуться, прорва народа, да и нафиг их изделия не нужны, а нужен материал, клей, лак и инструменты. Стужа посопротивлялся лишь для виду, не лежала его ментовская душа к грабежу и убийству граждан, а юридические лица не грех и зачистить. Подходят к рабочему зданию, ан в окошки проглядывает свет фонарей и слышатся подозрительные звуки. Стужа до выяснения стрельбу запретил, решив, что навряд ли это ночная смена или местная самодеятельность, в эти времена, как ему кажется, есть только один псих, способный на грабёж чего-нибудь деревянного. И, конечно, оказался прав — внутри с единомышленниками шуровал Своята, при жизни мастер спорта по стрельбе из лука на данный момент Невиноватый Джон, жертва королевской деспотии. Благо, у Свояты и его ребят нервы тоже оказались крепкими, при встрече обошлись без перестрелки. И добычу не делили, интересы-то совпали. Только у независимого Свояты напряг с транспортом и загребущие ручки, так Стужа с близнецами не прочь помочь, если Своята составит им компанию в одном месте. Тот, естественно, согласился, одно ж дело делают. Упаковали добычу, отправили в порт, и пошли в мастерскую часовщиков.

Пришли очень вовремя, их там чуть Неждановские отморозки не поубивали, для начала уложили лицами прямо в уличную грязь. Позвали сэра Зака, во как! Тот как раз мастеров домучивал и уже собирался убивать, но на их счастье отвлёкся. Узнал братцев, обрадовался, разрешил встать, даже пригласил в мастерскую посмотреть, а то он ни хрена в этом не понимает. Ну, золотые и серебряные корпуса ему выдали, а что там может быть ещё ценного, ему невдомёк, и это очень грустно. Близнецы принялись втолковывать ему, что ещё живые мастера и есть главная ценность, если не считать инструмента. И неважно, что пиратам часы не положены, кроме часов есть куча задач, не решаемых без точной механики.

— Блин, я думал, тут ювелиры, — грустно признался Неждан, — там Плющ, наверное, резвится!

— Далась тебе эти ювелиры! — закипел Стужа, — ты из колец собираешься стрелять? Про колесцовые пистолы слышал? А про кремневый револьвер?

— Или клапаны под нужное давление для насосов, например, — встрял Хаски. Неждан начал тихо сатанеть.

— Да, юноша, не нужно нас убивать, пожалуйста! — один из мастеров умудрился издать ряд осмысленных звуков головой, крепко прижатой к верстаку большой струбциной, — мы недавно освоили карданное соединение, что позволит...

— Семьи есть? — прервал его Неждан. Увы, у всех троих были семьи, поэтому их следовало отпустить по домам, и простить их глупое решение охранять свою мастерскую...

— Мы сейчас вместе с одним из вас пойдём за вашими домашними, остальные собирают всё необходимое из механики, — Неждан принял решение, — при малейшем неповиновении пристрелю без разговоров. Ясно? Ну, тогда напомни, в какую сторону вертеть рычаг, чтоб ненароком тебе бошку не раздавить.

Руда всё-таки дождался того, чего так боялся услышать. Прибежал пацанёнок, «засранец», и доложил, что банда Стива Енота грабит дома и распихивают монеты по карманам, больше ничего не берут, телег не вызывают, убили двоих помощников, а он всё видел и убежал. Для Джека решение было очевидным со слов «монеты по карманам», а Руда готов был это игнорировать — ну, повесят придурков за компанию с другим ворьём, кто и о чём будет их спрашивать? Но нельзя простить убийство помощников, мальчишек, которых им было поручено защищать! Джек оторопел от нового чувства — он с рождения не знал сильных эмоций, а уж холодного бешенства демона! Руда сорвался с места, схватив мальчишку за руку, — веди!

За ним рысью рванул резервный десяток. Подонки себе на беду наказания не ждали, куражились над местными — разорвали на девчонке одежду и... в общем, не спешили уходить от кровати... а рядом лежали трупы её родителей. Длинный Джек испытал странную смесь из страха и уважения, когда его демон, даже не вынув ножа, ворвался в дом навстречу выстрелам. Его бойцам почти не осталось работы, они с открытыми ртами смотрели, как их командир убивает и калечит голыми руками. Еноту вырвал яйца, его приятелю сломал руку в плече, другому проломил рёбра, третьему просто свернул шею. Последний упал перед ним на колени, склонив голову, удар ребром ладони в основание черепа, пацан задёргался на полу. Руда вынул пистоль и пристрелил девчонку — он не мог позволить ей с этим жить.

— Всех оставить как есть, дом поджечь, — и вышел под истошный вой ещё живого Енота. Обрато он шёл слегка покачиваясь, будто бы уже никуда не торопясь. По пути им встретился «пионерский» отряд Черныша и Люта с увесистыми сумками через плечо и с какой-то гражданской бричкой. С последним торговым домом парням особенно повезло, хотя денег там было маловато. Зато он торговал отличнейшей голландской бумагой! Пачками завалили экипаж покойного топ-менеджера. За разговором настроение немного поднялось.

* * *

Неждану повезло заскочить в последний автобус — телеги из порта больше не ходили. Погрузили барахло несчастных механиков, прихватили двух жён, одну маму и четверых братьев-погодков, они все оказались роднёй и жили в одном доме. Дом и мастерскую подожгли и потрусили в порт уже насовсем. А там ёлки-палки и тёмный ужас! Во-первых, Плющ, зараза, ограбил аж две ювелирки и нагло этим хвастался! Во-вторых, прямо на пристани резали лошадок и коров, сдирали шкуры, разделявали, резали, пихали в бочки и пересыпали солью. В-третьих, ломали телеги и в поломанном виде грузили на суда. Лодки аборигенов тоже ломали. В-четвёртых, пацанву выгнали из тюрьги! Деда с собутыльниками нагло велели отбуксировать суда по фарватеру на рейд и валить, куда нравится — все свободны, всем спасибо! А они вот прямо сейчас уже на борту отметят удачное дельце и заодно выберут капитанов.

В этот момент подошли Руда, Лют и Черныш со своими пацанами. Руда сказал, — ладно, каторжника мы вам дарим, только надо закончить погрузку. Ручками, суки!

Парни навели мушкеты. Моряки сбавили обороты и пошли на его условия, дружно навалились на работу. Лют позвал желающих поиграть с огнём — спалить портовые пакгаузы к едрёной фене, так что работали при полном освещении. Восток уже серел. Через час рассвет, а вместе с ним в городок войдут солдаты из окрестных лагерей. Всем стало ясно, что нужно поторапливаться. Как ни устали, ребята расселись в лодки, отгребли, с каторжника, шлюпа и купца сбросили концы, пацаны навалились на вёсла. Деда откупорили припасённые для такого случая бочонки рому. На рейде порты шлюпа открылись, показались пушечные жерла. Руда велел принять шлюпки на каторжник. Возражений не последовало — если кому не спалось, то лишь оттого, что безудержно рыгалось — удалась аптекарю микстура. Большинство же добровольно расположилось на нарах в трюме, и кто им после этого виноват?

Деда помогли поднять лодки, от усталости и впрямь шатало, как пьяных. Неждан с ватагой Ножика поползли в такелажку, Плюш с ватагой Занозы дальше кубрика не пошли, сказали, что пусть их там хоть в-т, они будут спать. А над городом дымы пожаров и рассвет. Романтика, блин, прям пиратский выпускной! «И всегда позади вороньё и гробы», — пробормотал Захар, заползая на канаты, Неждан уже выпал в аут. Ха, а там спят заложницы под мирно сопящей казачьей охраной Петра, Гриши и Вани! Ага, а деда с братанами, видать, попали на купца. Да и ладно, сгрызли по сухарю, что дядя Яша принёс, спасибо ему, и спать, спать, спать прям на досках палубы!

— Выходи на палубу, стройся! — нас разбудили истошные пацанские вопли.

Блин, нафиг так орать? С часок хоть поспали? И чего они ещё затеяли? А! Лют что-то говорил про построение. Ага, начальство, пока мы спали, успело перебраться со шлюпа. Пойти посмотреть что ли? Всё равно визгом поспать не дадут.

Казачата и близняшки, ошалело тараща глазёнки, уже сидели на канатах, ребята Вани Ножика нехотя поднимались с досок палубы.

— Быстро продрали глаза и на палубу, — даю команду и отдельно обращаюсь к заложницам, — касается всех! Девочки за мной, остальные, куда поставят.

И грустно бужу детскую свою сущность:

— Пойдём, Захарушка, запишемся в пираты?

— А мы кто? Такого в том городке начудили!

— Мы, Заки, просто уголовники. В уголовники попадают, а в пираты записываются.

— Опять хохмишь?

— Да ты пойдёшь, проверь. А я пока вздремну трохи.

— Ладно... Неждан, ну Неждан!

— А? Что случилось?

— Чего это они? — каким-то стеснительным тоном недоумевает Заки.

Парень привлёк к себе внимание общественности. Одет по-пижонски в камзол на голое тело (великоват, блин!), чистые, почти новые штаны (панталоны без резинок на дурацких шнурках), при шляпе, поясе и башмаках, но без носков, то есть чулок (вот гадство!). На поясе кортик, за поясом пистолет. Следом семят «грёзы подростка» в двух экземплярах. Ещё неделя не прошла, как нас с Заком за борт выбросили, а мы тут, да ещё и с форсом. Пацаны разглядывая чудо, комментируют, делают предположения, обмениваются мнениями:

— Гляди-ка, он живой, Дрист этот.

— Ага. Мне Бобби говорил, только я не поверил.

— Одет, как не знаю, что сказать. И девчонок захватил и приволок не понять как!

— Пистоль у него и кортик. А у нас всё после дела отобрали.

— Отберёшь у него, как же!

— Джек отберёт.

— А он с Джеком корешится.

— Особенно после того, как его в трюме отпинали и Боб Маленький позорную кличку приклеил. Джек с засранцами не корешится!

— Он хоть и Дристу, но не засранец, и на Джека он срать хотел! Пацаны говорят...

— Что? Что говорят?

— Что он морскому дьяволу душу продал, вот что говорят! Ему даже акулы пофиг, и ему теперь, вообще, всё можно! Вообще всё-при-всё!!!

— А как продал-то?

— Его душу акулы забрали, ну, тогда ещё, первый раз, когда он к ним прыгнул...

— Не, когда его дохлого из трюма за ноги на палубу вытащили и за борт выбросили. Вот тогда его морская нечисть и вернула обратно.

— Его точно не просто так акулы больше не трогают! И он об этом сука знает, раз сам с

ними купается. Про морского дьявола сомнительно, но с ним всяко нечисто.

Мда. Начало хорошей репутации заложено. Осталось её укреплять и поддерживать.

— Это они, Захарушка, так тобой восхищаются. Ещё радуются за тебя. В душе, хотя по ним незаметно, точно радуются. Ты не стесняйся, привыкай, так отныне часто будет.

— Привыкать не буду, это вредно для самооценки. Стесняться тоже не буду, потому что глупо себя стесняться.

— Ну, ё..., Заки, молодец! Входи в роль крутого перца.

— Хм, попробую.

Зак пошёл наглее. Ему казалось, что свободнее, но для начала сойдёт. Вразвалочку, как специально для девчонок, (переигрывает же!) прямо сквозь толпу пацанов, (крутой, ведь) не торопясь фланирует на левый фланг намечающегося строя. По росту, ёпрст. Встали в строй, Заки впереди, близняшки сзади с перепугу друг к дружке жмутся, пацаны на них задумчиво косятся. Стоим, ждём продолжение шоу. Руда в роли шоумена сразу захватил внимание публики.

— Равняйся! Смирно! Грёбаное стадо перепуганных баранов! Мистер Грегори, боцман Джэкоб, помогите этим павианам построиться.

Дядя Грегори с дядей Яшей пошли вдоль строя. Туда. Обратно. Снова туда. Помогали пацанам добрым матерным словом, линьком и тростью. Парни прониклись торжественностью момента и изобразили что-то вроде «смирно» и «молча».

— Банда беременных мартышек! — не унимается Джек. — Равняйся... Смирно!

Парни аж взопрели от усердия. У каждого в глазах вопрос: «Чо те надо?» Джек выдерживает драматическую паузу...

— Вольно!

Это и вовсе не понятно. На головы можно встать? Хотя лучше с этим погодить и послушать дальше.

— Парни, поздравляю с первым пиратским успехом. Все работали молодцами. Добыча будет оценена и разделена по долям. На долю каждого приходится немало. Это ваши деньги по праву, и никто не посмеет их у вас отнять или присвоить. Но мы все поднялись на борт корабля дураков, с него не сойти. Вспомните, что я вам говорил перед налётом. Трусость, тупость и непослушание будут караться без предупреждений. Тогда у вас был выбор. Вы могли остаться в трюме, вы могли остаться на берегу... Молодцы, что не остались! Теперь выбора нет — мы в море. Здесь каждый для одних охотник, для других дичь. Теперь все мы — пираты. Только мало назваться пиратом. В море плавает полно говна, называющего себя пиратами. Вы тоже пока говно. Не верите? Закари Абрамс, выйти из строя.

— Эх, Заки, слазь с руля, предстоит работа, — говорю Захару мысленно, грустно сетуя на его малый рост, оборачиваюсь к девчонкам подбодрить улыбкой, — не бойтесь, будьте, как дома.

Руда специально выбрал самого мелкого из нас, ещё и невесть как воскресшего покойника. Для драматизму. Чеканю три шага вперёд и кругом.

— Кто считает, что я не прав? — объявляет Руда. — Кто сможет его уделать?

— У него пистоль и ножик! — вякнули из строя.

— Зак, сдать на хранение сэру Джэкобу личное... Добытое в бою (а я на Зака гнал, что

переигрывает) оружие!

— Ай-ай, сэр!

Вынимаю пистоль, отстёгиваю пояс. Вещь красивая, но неудобная. Подошёл дядя Яша. Не глядя ему в глаза, отдаю барахло. Он ещё потоптался, прощаясь со мной, и ушёл к Руде. Я уже в боевом режиме. Вылез Маленький Боб с явным намерением что-то доказать себе и всяким выскочкам. «Хаджамэ» никто не заорал, но у Бобби при интуиции Зака и моей реакции всё равно не было шансов. Получил он для начала ребром ступни под колено, чтобы больше не лягался. И пяткой в фанеру на вдохе, чтоб не сопел. Дальше...

Дальше началось издевательство. Нам ведь тоже нужно кой-чего доказать, а в таких делах главное — наглядность. Роберт, бедняга, уже жалеет, что ввязался в это дело, но сдаться ему не позволяет гордость. Что ж пожалеем его гордость — вертушка и пяткой в затылок. Нокдаун. Отдыхай пока, Маленький, потом ещё подерёмся.

Бедолага мотает головой, стоя на четвереньках. Гадство, шляпа свалилась! Поднять её с палубы, водрузить на изрезанную лысину, обернуться к пацанам... Открытые рты и выпученные глазёнки. И высшая награда Захаркиной мальчишеской душе — восхищенные лучистые взгляды двух пар одинаково прекрасных, сияющих глаз!

— Ты и ты, помогите ему дойти до кубрика, — команду пацанам, ткнув пальцем не глядя, не сомневаясь в своём праве.

Парни тоже не стали сомневаться, подхватили пострадавшего и потихоньку повели.

— Зак, ко мне, получить оружие, — отрывистым лаем даёт команду лидер.

— Ай-ай, сэр! — ору в ответ и направо, шагом марш. Рублю строевым, шоу маст гоу он, блин. На палубе потрясённая тишина. Принимаю у дяди Яши имущество.

— Пока рядом постой, — в полголоса говорит Руда и в полный голос шоумена продолжает накачку. — Итак, это был самый сильный? Такие пираты долго не живут. И хрен бы с вами, придурки, но наши жизни и смерти в руках наших товарищей. Не товарищей, братьев. У нас, у всех нас, есть только наши корабли и наша команда. Кто из вас не боится погубить брата своей ленью и тупостью? Мы прокляты миром людей. Противостоят этому миру могут лишь очень крепкие парни! Каждый из нас должен стать сильнее десятка солдат любой армии. Стать быстро, нам никто не подарит времени на подготовку. Это невероятно трудно, невыносимо больно и до ужаса страшно. Мы могли бы дожидаться смерти, лёжа в гамаках. Но мы выбрали жизнь. Тяжёлую, полную лишений, но жизнь. Иной жизни для нас нет! — проорал Руда последнюю фразу, сделал паузу и спокойно закончил:

— Ведь мы плыли на каторгу, не так ли? Считайте, что уже приплыли. Кто водил ватаги в городишке, ко мне, остальные пока проваливайте!

К Руде подошли авторитетные пацаны, даже Бобби оттолкнул провожатых. Он сначала остановился послушать Джека, и после последних его слов ползти в кубрик ему не пожелалось.

— Парни, разбирайте ребят, кого и сколько хотите, теперь вы — мои атаманы! Разберётесь с сэром Джэкобом по вахтам и приступайте к изучению морского дела. Сэр Джэкоб, сэр Сэнди, сэр Грегори, мальчишки, коих не примут в ватаги, в вашем полном подчинении. Помогите парням определиться с очерёдностью вахт, и все вместе... ну, кроме ваших «засранцев», — мягко улыбнулся Руда, — подходите в каюту капитана на совет.

Отзывает нас в сторону, степенно отходит и, увидев оглянувшись, что деды заняты с мальчишками, срывается на бег. Мы следом.

— Да куда ж тебя понесло? — не могу сдержать удивления, следом набирая ускорение.

— Забыл, кто в кап-каюте валяется? Деды не институтки, но такое зрелище может их сбить с делового настроения. — говорит Руда на бегу. — Быстро, ещё разок отметелим клиентов и отволочём пока в такелажку.

— А почему не в трюм? — не понял Плюш.

— Джима к уголовникам? — злится Пушок на такую непонятливость.

— Блин, самим волочить придётся, пацаны их дальше фальшборта не потащат. — Досадует Черныш. — А это для пиндосов слишком простой выход.

Руда, наш лидер клана — прежде всего организатор высокого уровня. Его уровень ощущается даже в таких простых делах как отметить и отволочь. Волокли за ноги, мордами по палубе под гогот пацанов. Для восприятия пикантности момента им оставили немного сознания. Забросили тушки на канаты, попросили не скучать, пожелали приятного отдыха. Руда тут же сделал ещё одно важнейшее дело, учредил пост номер один, в смысле первый пост учредил. Поставил у входа двух страшно гордых собой настоящих пиратов с всамделишными мушкетами и со строжайшим наказом — чтоб детки не лишили нас продолжения. И отправились в кап-каюту поджидать дедов.

Часть третья

«В добрый путь»!

«А по морям, да по волнам сегодня — здесь, а завтра — там.

Я целый день плескаюсь в море голой жопой к рыбакам.

Дурдома нет без дураков, без рыбалки рыбаков,

А я рыба, а я рыба, а я рыба без трусов».

Спин.

— Хорошо тут, просторно, — заметил Лют, развалившись на диване. — Руда, Джима, так и быть, пожалеем, но пиндосов пора кончать. Здесь мне самому нравится, а их куда? В такелажке держать нельзя, она из трюма прослушивается.

— Да, Руда, пора обустроиваться отдельно от пацанов. Для них, если живёшь наверху, значит начальство. Демократичность нынче не поймут, — со своей стороны взглянул на проблему Пушок.

— Хорошо, пока будем заседать, придумайте уродам финал поинтересней, — нехотя соглашается Руда.

— И сколько фигнёй страдать? Может, о пользе подумаем, а не о развлечениях?

— Ты что, Неждан? Какая с них польза? — отмахнулся командир.

— Штурман знает остров, и он до этого острова, сука такая, должен дожить. — Начинает Черныш с очевидного. — И он должен верить, что доживёт, если проводит.

— Сразу его сюда притащим? — Руда даже подскочил, но сел обратно под насмешливым взглядом Люта, — блин, они и так уже под охраной...

— Вы себе представляете, что такое Карибы? — Люту смешно, — там и в нашем веке всем, кто в розыске, места хватает.

— Но Доусон с кем-то из аборигенов знаком, поможет договориться, — предположил Плюш.

— Будет жить! — вынес решение лидер.

— И Дасти, — подключился Черныш, — он же офицер какой-то конторы? А в трюме у нас народец смиренный только потому, что с бодуна ещё. Вот он за порядком проследит...

— Или его убьют, — закончил за Черныша Плюш.

— Ну и пофиг, — пожимаю плечами, — но Джима с Боу будем спасать.

— Это как? — не въехал Плюш.

— Из такелажки послушаем, — улыбаюсь собранию, — Джима станут обижать, Боу полезет его защищать, а нам нужно будет быстренько их спасти... и вербануть, конечно.

— Вот ты сволочь! — восхитился Своята, — а Кэпа просто валим?

— Мы последние? — я настойчив.

— Угу, последние подонки, — соглашается Своята.

— Не льсти себе. Его грёбаное величество загрузит новый корабль дураков, а у нас есть специалист в этом вопросе, — напоминаю кто мы и откуда.

— Ну-ка, давай, — заинтересовался Черныш.

— Делаем, как они планировали. Тех пятерых высадим на шлюпке, — излагаю идею.

— Ещё лодку на это говно тратить, — ворчит Стужа.

— Не обеднеем от двух лодок.

— С какого перепугу двух?! — Зуба задавила жаба.

— На второй отпустим Кэпа.

— Неждан, охренел вообще? — удивляется Сыч.

— Ага, с детства. Эта ублюдина притащит нам судно с отморозками.

— Блин, тебе мало выроdkов? — веселится Руда.

— Мальчишек много не бывает, — решает Черныш.

— Во! Это их сраной родине они не нужны, а нам в самый раз, — Хаски захватило.

Помолчали. Захватило всех.

— Неждан, придумай схему по-изуверски, как с Джимом, ну, ты ж умеешь. Если что, консультируйся только с Чернышом. Завтра доложишь мне, лично — ты понял???

— Да ладно! И я, командир, почти всё уже!

— Почти не считается. Завтра, подробно. Это твоя тема. Назначаю ответственным.

— Яволь, командир.

— Парни, атас, деды идут, — предупредил Клык.

Встаём, строимся. Шоу продолжается. Второе, то есть третье, то есть... тьфу, следующее отделение. Закрытый показ, специально для дедов. Как они вошли, почти всей старой командой, Руда приветливо заголосил:

— Добрый день, джентльмены. Присаживайтесь, пожалуйста, будьте любезны, — говорит, указывая им на лучшие места.

— И вам здрассте, — ответил шкипер, усаживаясь в капитанское кресло.

— Здорово, сынки, — сказал дядя Яша, устраиваясь на диване.

Руда подождал, пока все степенно поздороваются и с достоинством рассядутся.

— Низкий вам поклон, отцы, за наши молодые жизни, спасенные для милой Родины! — с дрожью в голосе возглашает Руда и кланяется.

Мы тоже синхронно выполнили наклон вперёд. Блин, только б не заржать! Дедов проняло — это называется задать настрой. Руда развивает успех.

— В бунте вашей вины нет. Вся вина на адмиралтейских прощельгах. Это им вы не нужны, но вы нужны Родине и нам. Родине нужны хорошие моряки — только вы сможете воспитать из малолетних каторжан хороших моряков, таких, как вы. Просим поделиться наукой, — вещает Руда и снова кланяется. Мы тоже синхронно поклонились. Ха! Какой мятеж-разбой?! Детям помочь — святое дело, ещё и для милой Родины.

— Узнали мы от пленных про остров в Карибском море. Остров окружён рифами, но пленные знают проход. Туда пойдём. Будет нам тот остров домом. Поставим под наш флаг землицы, да людишек, королю отпишем. Простит нас его величество.

Ну, это фигушки, но для дедов в самый раз. Моряк, как морж, живёт в море, но помирать ползёт на сушу, где есть, кому могилку закопать. Деды в волнении. Поднялся шкипер сэр Джон. В правом глазу слеза. Прохрипелся и, поддавшись магии нашего театра, торжественно двинул ответную речугу:

— И вам от нас поклон за вежество и отвагу. Вы дельные и храбрые, отчего ж таких не поучить? Принимай нас в команду, атаман Джек. Мы идём под твоё начало и признаём тебя, Длинный Джек, Командором эскадры. Равно признаём назначенных тобой капитанов и иных начальников. Только, Джек, Командор, если что, не побрезгуй советом, не отмахивайся от старых ворчунов.

— Джон, иди сюда на диванчик, пусть Командор сядет в кресло, — весело сипит дядя Яша.

— Да, ребятки, садитесь уже, — говорит шкипер Джон, пробираясь к дивану.

Рассаживаемся, где придётся. Руда, нимало не смутившись, уместился в кресле и перешёл к деловой части собрания.

— В первую очередь назначаю капитанами: вас, сэр Джэкоб, на «Забияку», вас, сэр Джон, на «Подарок», вас, сэр Сэнди, на «Бродягу».

Лихо он названия кораблям раздаёт! По праву Командора, что тут скажешь. Гм,

«Бродяга» — это, понятно, каторжник, «Забияка» — шлюп, а «Подарок» — захваченный купчишка. Прикольно, даже нравится.

— Командиром артиллерией назначаю вас, сэр Адам. Сэр Израэль, приказываю вам начальствовать над ремонтом судов и прочим по плотницкой части, отдаю под ваше начало пленных плотников. Сэр Бил, вам вести учёт запасов в трюмах и оружия в арсеналах. Сэр Грегори, вы заведуете всеми прочими работами. Во-первых, будем присылать к Вам провинившихся, обременяйте нерадивых без жалости. Время потребное для исправления оболтусов на ваше усмотрение. Во-вторых, пацанам нужно пошить робу и обувь. Ну и прочее, что потребуется. Командуйте пленными мастерами. Джентльмены, в помощники подбирайте кого и сколько хотите, спрашивать буду с вас. Кроме основной заботы, у вас будет главная — учить пацанов. Погоним к вам ватаги по графику, как на вахты. Только прошу, без рукоприкладства. За непочтительность карать будем мы. Мы умеем наказывать, джентльмены.

— Угу, мне вон Эндрю ваш, помнится, сказал, что вы шустрые, — ворчит дядя Яша. — Я уж лучше сам всё пацанёнку объясню, чем к вам его...

— Британская школа мореплавания? — брезгливо цедит Командор. — Ром, линьки и содомия? Всю эту поганую морскую романтику за борт!

— О как! Британское мореплавание вам не по нутру?! — крутит головой дядя Яша.

— Без рома не обойтись, а линьки, если не до смерти, очень даже полезно! — убеждён дядя Ваня.

— Мне казалось, моряки понимают смысл слов «приказ» и «запрещено», — холодно удивляется Руда. — За то, что нельзя, зарежем без разговоров. Предупреждение единственное и последнее.

Повисла неловкая тишина. Командор, собрав волю, продолжил уже не так властно, но твёрдо:

— Вы не должны испытывать к пацанам ни жалости, ни злости. Просто учить. Без эмоций. Все поощрения и наказания будут исходить только от нас. Отцы, не забывайте, что имеете дело с убийцами — это очень серьёзно! Я знаю, что говорю, сам такой. Если вы сочтёте, что кого-то нужно наказать, или наградить, милости прошу, вернее, приказываю докладывать мне, или вот им.

— Давай, Командор, уже о приятном, — советует Пушок.

— Есть у нас, что сказать о приятном. Мы взяли богатую добычу. Половина всего, что в трюмах причитается судовладельцам. Все присутствующие принимали участие в захвате «Бродяги». Половину его груза делим так: У меня, как у Командора, пять долей. Зак своей смертью обеспечил наш старт, ему пять долей, сэру Джэкобу за то, что первым поверил в нас, десять долей, остальным по одной доле. «Забияку» брали только мы с дядей Яшей и с дядей Билом. Вам, сэр Джэкоб и вам, сэр Бонс, по две доли, парням, первыми поднявшимся на палубу — Заку, Поли, Грегу и Гарри тоже по две доли, прочим по одной с половины груза шлюпа, — начал Руда о приятном. — Остальная добыча тоже делится по долям. Мне опять же пять долей. Мои парни всё придумали и организовали, им за это по три доли. Вам, отцы за мудрые советы, руководство и помощь тоже по три доли. Вожакам ватаг по две доли, прочим по одной, — доводит до собравшихся Руда. — Да, чуть не забыл, десятинна от всего пойдёт на общее.

— Командор, а на свою долю можно из добычи выбирать? — что-то подсчитывая в уме,

интересуется старый Сэнди.

— Пока нельзя. Вот обживёмся на острове, можно будет выбрать всё, кроме денег и драгоценностей. Прочие вещи будем отдавать, когда определимся с их относительной стоимостью.

— Какова стоимость мушкета в козах? — интересуюсь на полном серьёзе.

— Лучше в кабыздохах, — ржёт Хаски, — ну, куркули! Целую псарню на «Подарок» протащили! Зуб хоть барахла натырил и ещё припёр кур, коз, кроликов...

— Это я принёс кроликов, — поправил его Лют, — из одного особняка... видать, дети знати какой игрались, вот и спасли... только кроликов.

— Так Клык вон припёр четыре ведра лягушек и два пиявок! — смеётся Маламут, — Дуремар бுவ! Давайте их, чтоб не делить, просто сожрём?

— Я скорее тебя на шашлык пуцу, пустобрёх. — Рычит Клык. — Мاستифы и овчарки тебе кабыздохи?

— Ты его собачкам скорми, — советует Зуб. — Что с него взять? Дворняга городская, дальше помойки не видит них... чего.

— Всё-таки, ребятки, как нам добычу поделить? — не сбивается с мысли Сэнди.

— Ты, всё усложняешь, Джеки — вмешался Черныш. — Проще надо. Деньги делим пропорционально долям. Ещё есть имущество, которое ни делить, ни продавать мы не будем. Оружие и стратегические запасы, короче, всё, от чего зависит наша боеспособность, безопасность и успешность в делах. Прочее имущество продаётся, передаётся в управление или в аренду. Доходы, опять же, согласно количеству долей.

— Хм, отцы, вам понятно?

— Да, сэр Командор, так будет справедливо, сэр, — за всех поддерживает Черныша дядя Ваня.

— Благодарю вас, джентльмены, повторяю, нам необходим ваш опыт, мы высоко его ценим. Прошу приступить к делам.

— Будь в нас уверен, Командор. — Ответил за всех дядя Ваня, вставая.

Деды степенно удалились. Важно и обиженно сопя. Как же! Они при должностях и положении вежливо посланы... по делам, а эти сопляки... Совет комиссаров у них, понимаешь! Руда нагло и доходчиво показал у кого власть, а кому уважение.

«Таперича, граждане, когда этого надоеду сплавили...» — дурачится Хаски.

— Демократию разводить не будем, — не поддержал ёрнического тона Командор. — Слушай приказ!

Мы преданно уставились на лидера.

— Сыч, близнецы, к мальчишкам вообще не подходить!!! Чтоб только с нами, и только с нашего разрешения.

— Понятно с чьего разрешения? — Черныш разделил оценку ситуации.

— Да мы же с ними уже! — попытался возразить Маламут.

— Е-ло залепи, фофан! — харкнул Лют, — пока чем другим не заткнули! Что вы с ними? На стрёме стояли?

Ребята смутились, припомнили, что действительно занимались лишь технической стороной вопросов, но, всё же, удивились. Ещё не понимали положения вещей, не врубались до конца, где они, вообще, оказались. А Сыч сохранял молчаливое спокойствие — цыганёнку Питу ничего разжёвывать было не нужно. Парень всю злодейскую ночь не отходил от Длинного Джека, и только поэтому остался жив, пусть и в положении «засранца».

— Б-ддь!!!! Ну чего уставились, как бараны? — Черныш слегка раздражён. — Вы тупес дедов??? Им всё ясно — а вам охота смерть за яйца потеревить?

— Ты это о чём? — оскорбился Плюш со мной за компанию.

— Парни... боевики включительно, по одному не соваться никуда и никогда — страхуем друг другу спины постоянно. — Командор очень серьёзен. — Всё только начинается. Открыто бузить не отважатся, но сунуть исподтишка заточку — это запросто.

— Да мы посмотрим! — с ленцой тянет Плюш.

— С вами отдельный разговор, — отрезал Руда. — Нас десять, значит четыре вахты из двух человек...

— Четырёх, — вношу объективную поправку.

— Двух! — настоял Руда. — Один сталкер с реципиентом на парусной вахте, другой на мостике. Одна пара тут, другая на «Забияке», третья на «Подарке» пацанве скучать не дают. Пара отдыхает, ну, пока ещё учится отдыхать...

— У кого это? У тебя что ли? — не въехал Плюшевый.

— А у кого ж ещё? Ты и Неждан, остаться, Аграрии — первая вахта, остальные встали, Стужа, Лют, на «Забияку», Черныш, Пушок, на «Подарок» — поймали любую ватагу и приступили к занятиям!

— Каким занятиям? — уточнил Лют.

— Курс молодого бойца, физподготовка, мордобой, строевая, а то смотреть противно на это стадо, — Руда предельно конкретен.

— А делом когда заниматься?! — недоумевает Маламут.

— Да ты выживи сначала! — простонал Плюшевый.

— Во-во, и сразу... то есть, прям сию секунду, — смутился Командор, — идите пока на мостик.

— Ну, Сычу-то, понятно, зачем, для навигации, ага? — Хаски продолжает валять дурака, — а нам что там делать?

— Палубу драить! — сорвался Командор, но взял себя в руки, — и ждать сэра Грегори, дальнейшие инструкции у него. Блин, без дедов не вывезем, если вообще...

— Да, парни, — кивает Лют, — сейчас нам нужно просто не дать себя убить, чай не в круизе.

— Из зимы в лето! — не могу удержаться от подначки.

— Так, Неждан, сядь в лотос и заткнись, Плюшевый, ты тоже. Остальные, кругом, марш! — привычно командует Руда.

Мы, синхронно повернув головы, взглядами проводили парней.

— А вам я повторять должен? — удивился Командор.

— Что повторять? — не понял Плюш.

— Приказы, — отчётливо, по слогам произнёс Руда.

— Да чего-то не заметил я приказов, — не могу понять хохмы, — повтори, пожалуйста, если не трудно.

— Пожалуйста, — улыбнулся Руда, — заткнись и сядь в лотос. Плюшевый, ты тоже.

Мы, естественно, молча уставились на несущего явную чушь Командора. Взгляды он расценил правильно, сам спокойно уселся на палубу, поджав ноги, и выжидающе воззрился на нас. Мы переглянулись, хором вздохнули и последовали его примеру. Руда ещё немного поиграл с нами в гляделки и начал, — теперь закройте глаза. Ни о чём не думайте, ничего не пытайтесь понять, просто слушайте мой голос...

Дальше не помню, то есть не помнил сразу после пробуждения через три часа. А очнулся как-то внезапно, будто включился, и тотчас поймал вполне осмысленный взгляд Плюша. Получается, что он включился одновременно со мной, ведь я проснулся сам и его не будил. И мы оба кое-что проспали — на палубе, замерев с закрытыми глазами, сидели «в лотосе» Клык с Зубом. Руда, улыбнувшись, рукой указал нам на двери. Стараясь не шуметь, мы с Плюшевым прошли за ним на выход. Парней боялись потревожить, и Захар мой уж больно сладко посапывал в мозгу. Умаялся ребёнок, гуляючи да играючи, и то — ночь выдалась беспокойной. Кстати, она не совсем закончилась, остались кое-какие дела... блин, похоже, дела той ночи вообще никогда не кончатся, ну и ладно, есть у кого поинтересоваться их состоянием:

— Это что сейчас было, дружок? — опередил меня Плюш.

— А вы чего ждали? Обсуждения? Мозгового штурма? — Руда совсем не язвителен, даже печален. — Что, бл..., не ясно? Что мы по уши в дерьме?

— Но подумать, как из него выбираться... — начал я.

— Не надо. Не надо думать и выбираться не надо, — резко прервал меня Руда. — Наш выбор прост — жить в этом дерьме или вообще не жить. А чтобы просто жить, мы должны быть сильнее всех, и наши мальчишки должны быть намного сильнее пацанов.

— И ты вот так запросто дал нам эту силу? — иронично уточнил Плюш.

— Да. Сейчас вы с моей помощью выспались почти на сутки вперёд. Ваша задача — постоянно доводить ребят до предела их возможностей.

— Психанут, взбунтуются! — недоумевают Плюш.

— До того и будете доводить, чтоб иметь основания для подавления бунта. Это вторая сторона силы...

— Угу, тёмная, — делаю ехидную морду.

— Да. Я снял барьер. Теперь для вас лучшим и единственным моментом нанесения удара стал тот, когда мысль о нём едва приходит в голову, даже мгновеньем раньше. И отныне лучший и единственный удар для вас — только смертельный...

— Это ты чего, гад, такое сотворил?! — естественно охреневают Плюш со мной вместе, — мы ж всех поубиваем нафиг!

— Но вы же предупреждены? Вот и думайте, чтоб всех не пришлось, — раздражённо закруждает инструктаж Командор. — некогда объяснять — на ходу думайте, пошевеливайтесь! И мне пора заняться главным своим делом.

— Это каким же ещё? — Мне смешно — ему, оказывается, вот только что сотворённое — не главное!

— Медициной, конечно. Надо кое-что приготовить к приёму пациентов, — Руда деловит, — мне почему-то кажется, что практика у меня будет богатая. Давайте, парни, я на вас надеюсь.

— Будь спок, пациентов мы тебе обеспечим, — обнадеживает его Плюш.

— Не переусердствуйте там. В четыре склянки на юте устроим самодеятельность, сами приходите и пацанят приводите, только не всех, по заслугам.

— Ты думаешь, мы им по заслугам не довесим? — я искренне удивлён.

— Проваливайте! — не принял дружеского тона Командор.

Да и ладно, не ругаться же с ним! Вышли на палубу, синхронно вздохнули пьянящего ветра Атлантики, переглянулись. И не вынеся пафосу, заржали, конечно. Силой он нас наделил, мастер Зелёнка, блин! Хотя с зелёнкой нынче напярэг, придётся ему обходиться народным средством — в его распоряжении целый океан и две с лишним сотни юных сыкунов. Вот ими и займёмся. В первую очередь нужно проведать казачат, посмотреть, как они устроились. Нашли мы их легко — по громким крикам и матерной ругани. На палубе тянулись унылые пиратские будни в виде коллективной драки.

Казачата в полном составе, великолепная семёрка, и два смутно знакомых персонажа уже без особого азарта избивались сразу двумя вагагами под руководством Джона Ножика и Ника Занозы. Хм, к казачатам с Рудой «братаны» приехали — отпустили их дедушки на помощь своим и правильно — по правде происходящее едва тянуло на попытку избияния, близкую к полному провалу. Избивающим свалиться в разряд избиваемых не позволяли лишь численное превосходство, чисто английская упёртость и упоротость руководства.

Хотя особенно организованным мордобой назвать было нельзя, я и Плюшевый спокойно наблюдали за развитием сюжета — пацанам и без нас нескучно, сами выполняют приказ Командора, ничего о нём ещё не зная, вот такие молодцы. По репликам действующих морд разобрались в мизансцене. Пара смутно знакомых деятелей оказались женского полу, дочками агента, заложницами, их только переодели в мальчишеское тряпье. А казачата, лыщари, блин, их защищали от хамских приставаний английских убийцев, ага. Ну, «мотив знакомый, даже старый». Пацаны, видимо, хотели просто завязать отношения с девчонками, и плевать им было, что они под чьей-то «защитой». А у казачат сработала психологическая компенсация, чувство вины, вот и приписали ребятам то, в чём себя ж и винули. Классика, в общем, только спасаемые и не думали «дрожать, как осиновый лист», а приняли самое деятельное участие в процессе. Угу, у них же папа ростовщик и шпион, наследственность такая. Кстати, пользуясь случаем, нужно запомнить близняшек на будущее. Одели их по-пацански и по-пиратски, но переодеться же могут. Зато у Кити фингал под левым глазом, а у Кэти под правым. И вообще полезно понаблюдать за ребятами в их естественной среде. Ну, точно — Ник левша, его работа, не иначе.

Всё-таки через некоторое время мы обратили на себя внимание своим нетипичным поведением. Все, значит, люди, как люди, а эти стоят, как неродные, и даже не смеются. Вот просто не хотелось их стеснять, но поди ж ты — не оценили. К нам обратились, и было произнесено роковое слово «дристун»! Захарка мой давно уже проснулся и азартно болел за казачат, и я еле удержал управление, когда он рванул на это волшебное слово, как демон на призыв. Я во многом его сильнее, хотя избегаю это демонстрировать, но сейчас возник именно тот случай — необходимость демонстрировать превосходство. Он явно хотел убить мальчишку за то слово, но, что бы ни говорил Командор, у меня не было достаточных оснований для убийства. Всего лишь удобный повод кое-что разъяснить. Всем разъяснить, ведь главное не что сказано, а кем, кому, как, при ком, и как оно присутствующими воспринималось. И вся беда была в том, что никак не воспринималось, ничего особенного.

Плюшевый даже позы не переменил, только улыбнулся, когда я предупреждающе к нему обернулся. Мол, давай, ты первый. Вот и славно, переходим к практическим занятиям. Учебный бой с инструктором. Только пацанов не предупредили, что он учебный, а я — инструктор. Ничего личного, только бизнес, потому начал по порядку, с ближайшего. Своих в этом бою для меня не было, вернее, все они были моими, вот и никаких предпочтений. Почти три десятка пацанов тупо по очереди по любому бы ушатали Захаркину тушку, никакой дух бы ему не помог. Но они большую часть работы сделали за меня. Не сразу поняли, что подверглись нападению, мешались и путались, ну а потом стало поздно что-либо предпринимать. Специально бил по болевым точкам, разбил детям носы и наставил фонарей, чтобы было обидней. Задачу я себе поставил простую — перевести ребят в партер. Избивать скулящих на карачках пацанят и мысли не возникло. Дал первую вводную:

— На колени, опарыши, сюда смотреть! Молча смотреть, уроды! Если я от кого-то ещё услышу, или мне только покажется, что услышал, слово «дристуна», забью насмерть. Вы мне верите?

Ага, по ромам видно, что прониклись.

— Звать меня Закари. Обращаться ко мне только «сэр», или попросту «командир». Отныне для вас по всем вопросам есть два мнения. Моё и неправильное. Это ясно, дебилы? Отвечать!

— Ай-ай, сэр командир, сэр, — вразнобой заунывно ответствовало юное пиратство.

— Что за бляенья?! Нет, столько баранов сразу для меня многовато. Грегори, заберёшь половину? — «невзначай» обращаюсь к Плюшу.

— Ватага Занозы, за мной, — небрежно бросил он через плечо, вальяжно удаляясь к баку.

Ник нерешительно уставился на меня в ожидании разрешения. Не заслужил ты пока, дружок, моего личного внимания.

— Не поубивай их только, — проявил я немного заботливости, не ожидая ответа.

Сказано-то было не ему. Пацаны сразу сообразили, кому, и припустили за Плюшем под завистливыми взглядами оставшихся. До ребят стало доходить, кого они называли «дристуном» и в чьей оказались власти. Насчёт власти они уже не сомневались, и это главное, остальное — дело техники.

— Я ваш инструктор по мордобою и поножовщине. Первый урок боя без оружия вы получили. Понравилось? Отвечайте!

— Не-а... сэр, — буркнул Джон Ножик себе под расквашенный нос.

— Это пока не привыкли. Хотите научиться также?

— Ага, сэр — Джонни изобразил заинтересованность.

— Хотите стать такими, как я? — улыбаюсь им ласково.

— Ай-ай, сэр! — почти хором проорали пацаны.

— Ну что ж, сами выпросили. Джон — ты первый, ко мне.

Пацан с готовностью подскочил с колен.

— На колени.

— Опять, сэр?! Нахрена... сэр?! — недоумевают мальчишка.

— Брить тебя буду. Вши нравятся? — интересуюсь, поблёскивая порезанной лысиной. — Если нравятся, пойдём, искупаемся. Никто искупнуться не желает? Тогда

прямые руки в стороны, замереть, внимательно смотрим, как я это делаю, — вынимаю верный боевой нож и приступаю, вполголоса заканчивая объяснения. — Того, кто первым опустит руки, побреет Джонни, он следующего, ну и далее по очереди.

Бритых перевязывал и ставил в учебный процесс. Нельзя обманывать таких детей, в тот день действительно был рукопашный бой. Даже без мордобоя, но всё же ребята тоскливо поглядывали в море, наверное, к акулам захотели. Погодите, будут вам акулы, а сейчас отрабатываем прямой удар правой. Поставил их, как надо, показал несколько раз, пока не стало что-то вырисовываться. Начали отрабатывать, воздух лупить. С полчаса за ними приглядывал, и снова стал подзывать по одному.

— Ударь меня, братец, ладошку. У тебя три попытки, — говорю пацану, протягивая руку с открытой ладонью. Он явно хочет сделать мне больно, но не судьба.

— Не получается драться, братец? — сочувствую парню. — Тогда бегом к сэру Израэлю, плотнику. Добудешь у него, как хочешь, вот такую примерно деревяшку, — показываю ему, разведя ладони где-то на двадцать сантиметров. — Не добудешь до следующих склянок, лучше сам топись, некогда мне, братишка, понимаешь?

Судя по старту с пробуксовкой, братишка всё понял правильно. Следующему ничего и говорить не пришлось, а когда третий отправился на поиск своей волшебной палочки, первый уже вернулся, даром что не на метле.

— Эк ты запыхался, братец, устал? Постой отдохни. Смирно! — ору и водружаю ему на голову чурочку. — Постой смирно, только деревяшку не урони. Следующий!

С небольшой задержкой принёс деревяшку второй, ставлю очередного страдальца рядом с первым. А тот уже уронил «спортивный снаряд».

— Да тебя ноги не держат! Постой на коленках. Только деревяшку не роняй. Следующий... Что ж ты, брат, так плохо стараешься? Сбегай за чуркой и становись рядом с ними, только чурку не роняй... Я кому говорил, не роняй? Тебе и на коленках тяжело, приляг на палубу. На живот. Не урони деревяшку. Следующий... Да ты издеваешься! Сколько тебе повторять, не роняй эту ё... палку?! Но ты уже отдохнул. Упор лёжа принять, отжимания от палубы. Считай отжимания... вслух считай, недоносок!

Через две склянки все лежали на животах, не имея сил отжаться. Все — это включая близняшек и казачат. Я постоянно ловил их взгляды, но не замечал — никому никаких предпочтений! Казачата были явно обижены несправедливостью, ведь они же хорошие, девчонок защищали, а их наказывают со всеми вместе. Ребята ещё надеялись, что это такое наказание, пока я не подобреею, угу. Хотя девчонки больше боялись, что их выгонят. Ну, сначала боялись, потом на это изо всех сил надеялись. Напрасно надеялись, оценил я их преимущества — пацаны ж больше на них оглядывались. Какой инструктор откажется от такой гормональной стимуляции?! Ну, кроме прочего.

— Мальчик, ты лёг раньше всех, значит, сильнее всех устал. Присядь-ка на коленки, отдохни, посиди, пока встать не разрешу, — назначаю лузера. — Остальные, встать. Кто умеет в «камень, ножницы, бумага»?

Короткий отдых и по новой. К полудню пол-состава сидели, поджав лапки. Близняшки, хоть и шатались, но стояли, хорошая, видать, наследственность у шпиона и ростовщика.

— Кто на ногах, айда обедать, а вы отдыхайте, угрёбыши, набирайтесь сил.

После обеда резко увеличил темп — у ребят скоро вахта. Чаще подзывал бойцов, пока

все не присели. Кроме одного. Что Командор говорил о концерте? Хм, дело хорошее, но одних песенок явно недостаточно, у меня ж в кармане серебро!

— Молодец. Получи в счёт твоей доли, — говорю, протягивая ему монету. — У тебя до вечера свободное время. К четвёртым склянкам подходи к юту, будет весело.

— А мы, сэр Зак, сэр? — рискнул подать голос Джонни Ножик.

— Встать, построиться, направо... за мной, бегом, марш! — увожу своих к мостику.

Вот и Плюшевый тоже гонит рысцой ватагу Занозы на первую нашу вахту. Именно нашу, а не сталкерскую, инструкторскую. По идее, я и Плюш должны были гонять следующие ватаги, никому никаких предпочтений... да пошло оно всё! Мне показалось жизненно важным, необходимым, разделить со своими мальчишками все служебные тяготы. И стало всё равно, как к этому отнесётся Командор, для меня главным было, что Плюшевый со мной солидарен.

Не знаю как он, а я обалдел. Одно дело просто залезть на рею, пусть даже спрыгнуть в море, другое — работать там. Хорошо, что мы с Плюшем в таких делах люди опытные, поработали на портовых кранах. Вне игры в жизни я только с ним из сталкеров сталкивался, но то было в нормальной жизни. Где никому бы и в голову не пришло гнать детей на высоту даже без страховки. А нам, блин, ещё и пример пришлось подавать. Не знаю, что имел в виду лидер, когда ставил задачу, да и знать, в общем-то, не хочу, свою миссию я видел в том, чтобы быть с пацанами. Вот именно с этими ребятами. Им, наверное, казалось, что мы их ведём...

Помню щемящее чувство благодарности Командору за то, что избавил нас от разговоров. Нам ведь было абсолютно очевидно, что никого мы не спасли, что вся эта игра до первой встречи с серьёзным штормом или противником, что мальчишки, вот именно эти, обречены. И вот именно тогда у меня сформировалось единственно возможное для себя решение — просто быть с ними до смерти. Вернее, конечно, непросто быть, нафиг я им такойдохлый сдался? Захарка забыл про духов и демонов, для него началась всамделишная морская жизнь. Ломая пальчики, сдирая ладошки в кровь, ребята вязали пятьсот тридцать восьмой брам-шкотовый узел... Извиняюсь, уже пятьсот тридцать девятый, когда малыш вспомнил о виртуальном заместителе и ненадолго отъехал в астрал. Или не вспомнил, только пролепетал «прощай» и чуть не ушёл с реи. Я вовремя перехватил управление, ждал этого момента, и своей властью дал пацанам команду спускаться. Захар из них самый маленький, значит скоро посыпятся все.

На палубе лично капитан сэр Сэнди поинтересовался, кто это такой умный за него приказы отдаёт? Ну, я, конечно, авторства не утаил и получил свой первый пиратский гонорар — десяток линьков. Пять за то, что дал команду на отдых, и ещё пять, за то, что счёл время отдыха недостаточным. Типа, капитан не против, отдыхайте, сколько шкура выдержит. Меня сменил Плюшевый, десять ударов с отяжечкой. Дальше начались чудеса — под удары лёг Ванька Ножик, за ним Ник Заноза, следом Петруша, казачок... Это не была демонстрацией или протестом, ребята приняли условия и согласились с ценой отдыха для братишек. Только братики сочли её чрезмерной, согласен — просто поваляться на просмолённых досках палубы оказалось намного круче пятизвёздочного люкса. Не всем по карману или по здоровью, и на реях не так уж трудно, пацаны выразили горячее желание повторить всё сначала.

За вахту порцию линьков получили даже близняшки, к нашей чести только скажу, что

всего одну. Комсостав, инструкторы и атаманы, выгребли по три, рядовые по две или по полторы — несмотря на всё морское изуверство убивать нас моряки не спешили, но и никому ничего не простили — отлили ставших безучастными ко всему ребят водой и оставили «в долг» до следующей вахты. А нам с Плюшем как-то и на ум не пришло сослаться на приказ Командора о линьках. По хмурой морде Сэнди мы поняли, что он сам не в восторге, но по-другому нельзя. Опытных матросов очень мало, пленным доверия нет, остаются только мальчишки. И совсем нет времени терпеливо объяснять и уговаривать, смерть уже с нами, среди нас. И до нас сразу дошло главное — старые моряки не дадут нам сдохнуть сопляками и засранцами, скорее забьют нахрен. Или выучат вот так, методом полного погружения с максимальным форсированием.

Как раз к четвёртым склянкам нас сменили. Оставив уже «свои» ватаги на «лёгких» работах, я и Плюш направились к юту на внеклассные занятия в виде награды. Руда с близнецами уже поджидали участников. Ребята стали подходить по одному, по двое. Вот и мой явился, скромно ждёт, что будет дальше. «Сталкеры» от «счастливчиков» легко отличить даже издали по ровной походке и отсутствию синяков на мордашках, кроме Захаркиной, конечно, — у него ещё с того раза не зажили. Для пацанов пропуск на вечеринку — монета, зажатая в пальцах — у инструкторов снова совпали мысли. Наконец, Руда счёл кворум достаточным.

— Начинайте, братцы. — Дал отмашку Командор.

— Это вы начинайте. Заки, Ви вел рок'ю, плиз, сэр, — стесняется без сопровождения Маламут.

— Да я же слов не помню!

— И не надо, потом свои придумаем. Поори пока ля-ля, — издевается Хаски.

Что ж, дело есть дело, хорошо хоть не моё. Захар радостно заорал на всё судно звонким голосом. Парни подхватили, близнецы зажгли. Блин, здорово! Решаю, что и без нас шумно, прошу Захарку помолчать и присоединяюсь к плясунам. Секундой позже Плюшевый влез. Пацанята с горящими глазами пытаются повторять движения.

Хорошая песня, душевная. Будь у неё слова посложнее, давно бы кончилась, а так — гусли самогуды, и пипец нам в полный рост. Мы же не можем выйти из круга, не потеряв лица, пока песня не кончится. Спасибо Командору, прекратил вакханалию. Здорово оторвались, чуть не забыли про ужин. На вечерней кормёжке все мальчишки щеголяли фингалами и распухшими носиками. Никому не было обидно, огреблись одинаково. Немногие демонстративно прикладывали к синякам монеты. Блин, как мы стандартны и предсказуемы!

Неждан прав, мысли сходятся не только у идиотов и гениев. И Руда осознавал это очень хорошо, отменив обсуждения и мозговые штурмы — они и так думали об одном и том же. Только на эту тему лучше думать в одиночестве и решения принимать самостоятельно. А мысль простенькая — мы все скоро погибнем. Пусть удались мятеж, грабежи и бегство, да и то, за них пришлось платить жизнями. И это по большому счёту неважно — они все до единого обречены — как сказал Джим, океан это надёжно гарантирует. Но вот выводы попаданцы делали разные, и каждый принимал свои решения. Начну с Черныша, ему, если не считать Неждана и Плюша, было проще остальных. Если двое простецких отморозков естественным для себя образом решили разделить со своими ребятами любую судьбу, какой бы она ни была, то студент филолог вспомнил, что он в недавнем прошлом боец-контрактник. По сути, со времён контракта в его жизни почти ничего не изменилось — тогда, как сейчас, он не сомневался в собственной гибели. Он и на корабле дураков так же был уверен, что смерть его будет бессмысленной, но как и на войне он обязан сделать всё для того, чтобы она не стала дурацкой.

Прежде всего, следовал вывод о насущной необходимости работы с молодыми. Такие ребята своей дуростью обычно сперва подводят в «безвозвратные» двух-трёх опытных бойцов, и лишь после этого готовы загнуться от первой же пули. Единственный способ избавиться от дури — не оставлять ей времени, нужно чтоб духи любую свободную секунду использовали по прямому назначению — на сон. И чтоб секунд этих им выпадало бы как можно меньше, в идеале — вообще бы их не было, а то ж им всяко снится всякая херня неуставная! Черныш знал это не понаслышке, то есть по себе, и даже не столько по воспоминаниям о военной юности, сколько по своему сокровищу, Гарри Весельчаку.

Все его неприятности, по мнению Черныша, проистекали от излишков свободного времени, живости характера и своеобразного чувства юмора. Этот остряк, ударившего его маму, пьяного кэбмэна охреначил доской по тупой башке, привязал оглушённого мужика его же ремнём за руки к колесу его же кэба, а под хвост его же лошади зачихал пук тлеющей ничейной соломы. Мужик к собственному неудовольствию и веселью окружающих быстро пришёл в себя, но, судя по воплям, радости ему это не принесло. Кэбмэны, вообще, не любители быстрой езды. Эту забавную шалость Гари на суде особо в укор не ставили, но ему не следовало топить хозяина трактира в пивной бочке, он там прислуживал. Служил до самого ареста — разливал пиво посетителям из той самой бочки, когда его пришли брать за совсем уже полную чужь. Снова связался с хамом, тот гад просто обязан был одарить Гарри парой пенни, раз уж бросил ему под ноги швартовый! Ну, нет, так нет — пацан ловко поставил жлобу подножку, и когда тот грохнулся мордой об пирс, привязал хама за ноги к кнехту, а за руки к швартовому канату. И шхуна-то была с виду маленькая, и гад попался толстый, кто ж знал, что скоро отлив?

Потому Гарри каждую минуту самообладания, буквально, вместе со всеми тянул носок, печатая строевым по палубе, выстаивал часы в караулах, падал на «лечь» и подскакивал на «встать» без счёта по мановению инструкторского стека, обдирал ладошки на рангоуте и

скрипел зубками под линьками. Парня стало просто не узнать, его ребята долго не могли поверить, что их бесшабашный заводила Чарли Ёршик не только не стал атаманом, но сам, добровольно пошёл в прямое подчинение Длинному Джеку. Черныш на личном примере утверждал власть Командора — если уж этот беспрекословно исполняет любые его приказы, куда уж остальным? Тем более что когда Ёршик выступал в роли инструктора, рулил Черныш, ребятам оставалось лишь скрипеть зубами, отводя глаза. Понимали, что раз он настолько безжалостен к себе, им-то и подавно нечего ждать пощады. И он не давал ни малейшего повода в этом усомниться — ни одно нарушение, намёк на небрежность, разболтанность не ускользали от его внимания, не оставались без награды линьками или запросто кулаками и башмаками в живот, — лечь! На! — удар ногой, — встать! На! — в зубы, — чего разлётся без команды?! На, на! Встать! Ровно, сука, стой! Лечь... отжаться... ещё раз! Бля, это, по-твоему, «отжаться»? На...

Черныш знал, что делает и зачем. Иначе эти милые дети начнут убивать других детей просто от страха. Мальчишки боятся одиночества, их поставили в строй — там они все вместе! Им нужны минуты уединения, когда никто бы к ним не лез — их поставили в караулы, боец на посту не просто может, обязан убить любого, кто бы к нему не полез с разговорами! Детям нужно ощущение нужности, необходимо чувствовать заботу, родительскую власть. Трёпка — лучшие проявления такой власти и заботы. А то, что с ними не сюсюкали, было для них естественным, нормальным — да нормального, в понимании родного общества сталкеров, человека они сочтут сумасшедшим, и чисто из милосердия сразу вышвырнут за борт. Черныш сам без тени сомнений зарезал бы любого из коллег попаданцев, распустившего соплю. Мальчишки должны видеть их абсолютную уверенность в себе, в том, что они говорят и делают. Он не хотел портить их последние дни, возможно часы... да и чем чёрт не шутит, он не мог упустить даже призрака надежды на выживание! Он запретил себе сомневаться и просто делал, что должен.

Руда, Командор, Длинный Джек — довольно сложный случай. Кстати, лишь на тот момент рыжий более-менее пришёл в себя. До этого он нарочито игнорировал Руду, как мальчик из анекдота, молчавший четырнадцать лет, пока ему не подали чай без сахара. Только когда его Максим попал в однозначную, по мнению Длинного, ситуацию и смешно цепенел, Джек спокойно брал управление на себя. Он говорил с открытой детской улыбкой. — Мальчик, ты хочешь подраться?

Или всё делал молча, но непременно улыбаясь. — Пададь в море и прибраться тут.

Сынок лорда спокойно вытирал лезвие, тормозил своего обморочного демона и снова замолкал. Можно понять бедного ребёнка — угораздило ж сначала родиться сыном лорда, потом оказаться серийным убийцей, а дальше в него вообще демон вселился! И сидел мальчик себе в ахтунге, пока не услышал слово «Командор». Во-первых, лорду не грешно быть Командором, во-вторых, не у всякого лорда это получается. Ну, стать-то у некоторых получалось, но как по-настоящему быть Командором?

Что значит быть властелином, Джеки ощутил, впервые пустив в дело ножик шестью годами отроду. И это был его первый лакей... э... который того..., вообще, лакеев у них было много — с папой лордом-то неудивительно. И не все они так, он был хороший мальчик, почтительный со старшими и совсем некапризный. Правда, слишком спокойный для ребёнка, не сразу выяснилось, что это болезнь — пацан почти ничего не боялся, даже смерти. Не было у деточки ни малейшего отвращения к ней, абсолютно. Порога, про который Руда говорил своим отморожкам, Джек просто не знал никогда, бедняжка.

Вроде бы всё идёт, как и должно идти у лорда и властелина, но не так всё как-то происходит, неправильно! Его рыцари странного ордена «Сталкеры», или того забавней «Варанга» и «Чёрные псы», принесли ему вассальную присягу, признали его лордом и Командором. Но нашлась пара этих недоразумений! Они, видите ли, не понимают, о чём речь, в институтах, сука, не обучались! Неждан и Плюшевый сказали всего два слова «ладно» и «посмотрим» — вот и все их клятвы! И Руда вынужден их просить! Хуже того — обманывать!! И полный «п-дец» — он, лорд, властелин, Командор, обитает в одной башке с подлецом!!!

Реального своего брата Джек за то же самое поколотил кочергой. Томас, бедняга, прости вспыльчивость младшего братишки! Лорду многое прощается за доблестных предков и блестящее образование, Джеку простили даже троих тупых учителей, двух гувернёров без чувства юмора и четырёх нагловатых лакеев, но непростительна измененность помыслов и нетвёрдость убеждений. А тут такое — брат ябеда! Он показал Томасу красивую французскую книгу по Анатомированию, свой набор инструментов, даже лягушку для примеру вскрыл. Братец заинтересовался, спросил, где Джек проводит такие любопытные опыты. Одобрил, как он всё устроил в заброшенной камере в подвале замка, там как раз на специальном столе лежал последний ленивый лакей с проломленным черепом уже без мозгов и большей части потрохов. Том выразил восхищение — парень сам такое сделал! Джек, конечно, смутился. Сказал, что ему, вообще-то, помогали, он только придумал, а

книжку с инструментами их семейный доктор подарил, вот они вместе...

Уже через неделю, сразу после казни доктора за колдовство, Джек, терзаемый ужасными подозрениями, прибежал к Томасу, обозвал его ябедой и думал, что выдвинул серьёзное обвинение. Всё оказалось ещё ужасней — брат над ним смеялся! Ему плевать на подозрения — настоящему лорду при высоких помыслах и твёрдости убеждений непозволительно быть доверчивым дурачком, а он, Томас, не ябеда, а политик. Как папа. Зря он сказал про папу, его Джек очень почитал, и простить этого брату не смог. Не хотел он так, особенно отца огорчать, любил его сильно, и брата тоже. Тем более что Том про папу был прав, не счёл родитель политически целесообразным покрывать Джека. Старший, Генри, наследник жив и здоров, среднего, Томаса, конечно, жаль... а младшего, Джека, раз уж сам не удавил, сдержался, пожалел сдуру свидетелей, отдал в руки правосудия. Если не получается или попросту опасно что-то скрыть, нужно это использовать для репутации той же. В правосудии у лорда всё схвачено... силы правопорядка ищут маленького негодяя по всему королевству, лорд даже объявил награду за помощь в поимке сына! И уже отдельно, то есть лично, устроил ему побег на корабль дураков.

Да он, если б только знал, в какое попадёт положение, бросился бы на отца с кинжалом — лучше б его просто повесили! А сейчас он не знал, как к этому относиться. Эти двое — действительно проблема, им запросто не улыбнёшься. Советник, рыцарь Пушок, заметил, что Плюш и Неждан поверили в гипноз — они верили Руде. И посоветовал запретить им спать. Руда..., да Командор, будь всё проклято, просто сказал, что отныне заснуть они смогут лишь по его команде. Вот так их научили отдыхать! И они верили, что Командор освободил их от страхов и сомнений, наделил безоглядой решимостью. Как будто им, вообще, нужно было кому-то верить, слушать какие-то слова! Да, иначе они были бы вне контроля, полностью неуправляемыми. Но ведь им достаточно всего лишь усомниться в Командоре, и всё — они всё вспомнят, всё поймут, станут страшными врагами! И ради чего Максим пошёл на это? Господи! Из-за засранцев, вшивых дристунов! Этот потусторонний псих, оказывается, не переносит не только вида крови — он звереет от жестокости, от насилия над беззащитными! Да Джек ради этого не то что нож не вынет, даже не обернётся, а Руде слишком дорого обходятся приступы бешенства. И рыцарь Черныш нашёл выход — попросил Неждана и Плюша, когда они были «под гипнозом», «приглядывать там!» Теперь эти двое со своей бандой — «улыбка Джека», провалились они в ад!

Джеку пришлось пересмотреть приоритеты, сказать Руде «ладно» и «посмотрим». Он уже готов ради него вынуть нож, вступить за беззащитного — ну, приходится считаться с чувствами даже законченного психопата, если делишь с ним одно тело, собственную голову! Как Командор относился к детской жестокости? Он возненавидел её ещё в школе. В туалете лицом одноклассника «мыли пол» — макали в писсуары и елозили по кафелю. Потому что он не мог... не смог не ответить на б-кий вопрос училки «кто это сделал?», когда хулиганистый пацан забросил ему в портфель зажжённую «дымовуху». Этой твари было похрен на него, она насаждала дисциплину. Руда тогда... хотя тогда ещё не Руда, конечно, просто маленький Максим, вот он сделал всем больно — папа учил его это делать сызмальства, боялся, что сынку подсунули при рождении не тот пол. И отдал его в обычную советскую школу, считая, что ему необходима эта школа жизни.

Когда в туалет заглянул историк проверить, не курят ли, он застал там «школу жизни» на практике. Будущий Руда уже не дрался, наказывал. Поставил одноклассникам не решаемую задачу — принуждал подниматься с пола и резкими ударами возвращал на кафель. Историк истерично потребовал прекратить и всем следовать за ним. В учительской будущий Командор всё честно рассказал, но жертва садизма заявила — его никто не обижал, они просто играли, а вот этот всех избил, маньяк, наверное.

Маньяку велено было вечером явиться с родителями в опорный пункт милиции по месту жительства для дачи официальных показаний и постановке безобразника на учёт, но скорей всего, переводе его в специальную школу. Его «дело», мол, передают милиции. Вечером Максим повторил свой рассказ и ему неожиданно поверили! Не то глубокое знание жизни и чуткость сотрудников повлияли, не то папино служебное удостоверение — он его даже раскрывать не стал.

Педагогический коллектив корёжила долгая, нудная проверка, которая, конечно, ничего не выявила, но сделала главное — на доблестного пионера перестали жаловаться... впрочем, до того случая и поводов не было — папа очень просил не отсвечивать и внушал Максу — самое отвратительное в жизни — жестокость. Сынишка внёс поправку — детская жестокость, унижение, издевательства над заведомо беззащитным и... кому некуда бежать по закону о всеобщем образовании! По закону обречённому. Как ребята на корабле дураков.

* * *

Руда собрал первый совет, просто спросил Черныша, Пушка и Люта, что они обо всём этом думают. За две склянки парни совместными усилиями придумали первые Командорские законы. Конечно, сразу их никто так не называл, ведь кое-кто в милой пиратской компании при слове «закон», даже если речь шла о законах Ньютона, хватался за нож. Изначально их называли просто правилами вежливости. По ним никого — вообще!!! — нельзя обижать просто так. Требуются веские обвинения — страшное, в трусости, или очень

страшное, во вранье. Обвинения эти излагаются атаману, бросить такое кому-то в лицо, значит «подрататься с Джеком». Если дело не выходит из ватаги, атаман решает вопрос своей волей — обычно обвиняемый с обвинителем сначала могут отправиться за наказанием к Командору, или со счастливыми улыбками сразу ползти в «засранцы», к дедушкам. Если же это касается другой ватаги, атаман должен явиться к Командору, но не ранее следующего дня. Тот вызовет атамана обвиняемого и даст ещё сутки, чтобы договориться. На другой день атаманы придут на мостик и, либо заявят о согласии, либо все, кто остался в ватагах — явился со своим атаманом — по приказу Джека получают ножи... Дальше сразу не придумывали, справедливо предположив, что до ножей не дойдёт.

Распространялись правила вежливости исключительно «на реальных пацанов» в ватагах. Для мальчишек в подчинении моряков деды становились и законом, и судьями, и палачами. Кстати, о дедушках. Уже в море к ним присоединилась «неприсоединившаяся» часть старой команды. Сработал инстинкт — они на «своём» корабле, в «своей» команде, под руководством «своего» шкипера идут «своим» курсом. И те же самые ребята в их полной власти. Конечно же, полной, и ничего страшного — английская школа мореплавания в полный рост. Побывав в шкуре английского матроса на вахтах, даже Неждан с умилением вспоминал свой специнтернат — детский садик! «У дедушек» этот совсем не детский сад означал — без построений, упоительного ощущения общего, защищённости в толпе, без постов, чувства нужности, ответственности. Без своей ватаги — так важно быть кому-то своим, пусть по страшным Командорским правилам. Без чувства собственного достоинства — даже на вахтах и авралах ребята получали только линьки, только по приказу своего атамана или всей ватагой скопом. И вахты когда-нибудь заканчиваются — если ты не «у дедушек».

И отдельно сэр Грегори. Не все ребята вывозили на реях, парни не могли себе позволить их тянуть — хоть и все за одного, но никто за другого не сработает. Слабак — это ошибки, значит, линьки всем. И атаманы, чтоб не доводить до разговора с Командором, избавлялись от слабаков. Ребята быстро оказывались в боцманской команде — «делай, что сказано, старайся, всё равно сделаешь не так». И другие ребята тоже делали грязную работу, но для них это наказание. Бедолаг вообще не наказывали, они этого не достойны. Их лишь «стимулировали», они уже вообще не считаются пиратами.

Итак, Командор обратился за советом к Чернышу, лидеру «Чёрных псов», и к Пушку, психологу с незаконченным высшим образованием и с богатой практикой. Спросите, причём тут Лют, егерь и артиллерист в отставке в теле серийного пиромана Поля Головни? А притом, что без Люта Максим никогда бы не стал Рудой. Вырос бы не понять кем. Он с детства падал в обморок при малейшем кровотечении, от высоты у него кружилась голова даже на крыльце, а при виде любых водоёмов, даже декоративных прудиков в городском парке, его била крупная дрожь. Папка серьёзно отнесся к воспитанию сына — устроил ему настоящую пацанскую жизнь, как сам её понимал. Постоянно лупил Максима сам, чтоб другие не обижали. Чуть не утопил, когда учил плавать, пацан почти разбился, поднимаясь с папой наперегонки на скалу, и по его примеру однажды сам, на слабо и на спор, порезал себе руку... и, конечно, упал в обморок, первый раз... А после школы папуля пинками загнал сынка в медицинский институт.

Но папка у него не был простым психом, по-особому умным, других в органах, ещё и на спецэкспертизе не держат, и научил его главному — думать и понимать. С этим у Максима возникли объективные трудности, он в жизни не верил любой идеологии. Даже считал, что не верить в идеологию — признак интеллигентства. Но как иначе относиться к идеологии Советов, когда его же папаня с дружками, надравшись коньяку, или просто походя так над ней измывались? Даже изгалялись — уже к двенадцати годам пацан мог оформить первый том анекдотов про Лёню и набрал достаточно материала по другим советским темам. И Раз услышанное «понять — простить» для маленького Максима стало жизненным кредо. Его ведь это тоже касалось, только наоборот — простят, если поймут. Вот чтоб им было легче, самому нужно стать проще. А другие... Слишком многое нужно было понять! А прощать — да пошли они все! Вот так Максим облегчил себе понимание, упростил, ага.

Только папка его с друзьями были нормальными советскими мужиками, и забили ему, что в жизни главное — правда. Максим долго честно пытался понять, как в жизни Страны Советов правда может быть такой далекой от её идеологии? А потом привык — даже в комсомол вступил, куда б он делся? Но нефига в жизни не понял, понесло его по направлениям — в игры, компании, приключения. Типа всё изначально понарошку, «мы просто думаем, что думаем», а правды вообще нет. Парень рос без царя в голове, и, что особенно огорчало отца, голова-то светлая, почти золотая, но с такими сквозняками грош ей цена в базарный день. Старик отчётливо ощущал отчуждение сына, понимал, что теряет парня, и ничего не мог сделать. Он только молчал и сдерживался, когда Максим являлся домой с характерно расширенными зрачками, сбитыми кулаками, со следами помады на одежде... а потом парень и вовсе почти переселился в общагу. И однажды отец едва ли не на коленях уговорил Макса, смешно сказать, съездить с ним на охоту! Сын ещё не успел стать законченной тварью, увидел, что старику это действительно зачем-то очень нужно, и согласился, даже пообещал временно побыть паинькой.

Охоту придумал папкин друг и сослуживец дядя Серёжа. Его младший брат недавно уволился из вооружённых сил, потребовал у старшего свою долю родительского наследства и

«ушёл в отшельники», выстроил в тайге домишко, купил и прокачал старенький «Хантер». Да и чёрт с ним, в конце концов, старший брат тоже подумывал о чём-то подобном на старости лет. Но младшему было лишь слегка за тридцать! Высшее образование и золотые руки — женись, живи и радуйся! Но понять его не получалось от слова «никак». С такими же ударенными на голову братишка устроил у себя сад камней, махал дубиной и предавался медитативным, тьфу пакость, практикам! И ведь уже взрослый человек, чтоб заниматься подобным. Хорошо, не отказывал в гостеприимстве, хоть сам и не употреблял ни грамма, водил брата с друзьями в тайгу — он знал в этом толк. Только не одобрял бессмысленного убийства, пресекал жадность в зародыше.

Вот и подумалось дяде Серёже, когда отец Максима под коньяк поведал другу о своей беде, что клин клином вышибают, минус на минус даёт плюс, и раз уж обоим нормальным людям не понять, может, они друг с другом о чём-нибудь договорятся? Старик Макса был готов уже душу заложить и сразу ухватился за явно бредовую идею — пусть будет гуру, не один ли чёрт? Сыну он, конечно, ничего не сказал, да и с братом Серёги особо не поговоришь. Спецов конторы порой выбеживали его отсутствующий вид, полуулыбка и непрошибаемое ничем спокойствие. Потому они просто «потеряли» Макса, оставив его одного в тайге, что вполне соответствовало папиным принципам. Тот к дому братца дяди Серёжи вышел только на третий день — на охоту же выехали на джипах. Как его встретил отшельник, о чём они говорили, никто из них вслух не вспоминал. Батя Макса только запомнил внимательный взгляд егеря, когда он заметил отсутствие парня, и просто убило его молчание — он не задал ни единого вопроса! И явно не собирался идти в тайгу кого-то спасать!

Домой Максим пришёл через неделю, собрал вещи, на все вопросы лишь улыбнулся, закинул на плечо рюкзак и ушёл. Старый уже решил, что совсем, но через месяц Макс заявился обратно, как ни в чём не бывало. Так же, как Серёгин братишка, на расспросы никак не реагировал — улыбался, смотрел всегда куда-то мимо. Был и положительный момент, старые приятели его больше совсем не интересовали. Парень как-то умудрился даже сдать сессию без вечной продлёнки! Но случилось главное, папка Макса до конца осознал, что потерял его навсегда. Он стал Рудой, главой клана на тот момент из двух человек, себя и Люта. Как Максим сумел вывихнуть отставному вояке мозги такой ерундой, ни один из них так и не понял. Наверное, у отшельника просто не было другого способа выдернуть из виртуальной реальности единственного ученика.

Лют с Максом вместе просмотрели чат ролевиков, выбрали подходящего на первый раз противника, и с первой трудной победы началась история «Варанги». Название клана предложил Лют, фанат древнеславянской истории. И он же настоял на лидерстве Руды — ему казалось, что парню это нужнее. Следующим втянули Свояту, он с друзьями приехал к егерю на охоту и... решил, что ну нафиг эту тайгу при таких делах! Макс как раз был на каникулах и не вылезал из логова Люта, а тот, как умел, натаскивал это нестроевое чудо. Гость в тот раз застал их учебный ножевой спарринг и лишь после его окончания из неохотных, скупых пояснений понял, что это учёба была такая. Естественно, в следующий сталкерский замес они пошли уже втроём. Тогда они впервые встретились с «Чёрными псами», с Чернышом лично и впервые в своей истории здорово отоварились. Тогда-то Руда

принял первое командное решение — послал пригласы знакомым по онлайн-схваткам и чату. Он особенно рассчитывал на одного деятеля и одновременно боялся личной встречи. Уж слишком тот был нестандартным, непредсказуемым — так и рисовался в воображении прыщавый ниспровергатель авторитетов.

А нарисовался Неждан, нежданчик, блин. Руда от души веселился с реакции Люта на это явление, он и не думал, что бесстрашный гуру способен, прям как его папка, каменеть лицом и поджимать губы! Но и это не всё — Своята сам пошёл к новичку вторым номером. Дальше чудеса посыпались одно за другим. Благодаря обезбашенности Неждана, Варанга смогла вломить Псам, и они уже сами принялись подыскивать похожего кадра. Ну и нашли, конечно, просто спросили Неждана! А тот направил к ним знакомого, Плюшевого, блин, чтоб ему, то есть им всем было веселее! И совсем уже для полного веселья к ним прямо перед схваткой заявился местный околоточный. Он честно признался, показав на Неждана пальцем, что вот на этого бандита у него полный стол ориентировок, и ему нужно как-то за ним следить, пока они развлекаются на его земле. Неждан только сплюнул и пожал плечами, — валяй, кто тебе доктор?

Так в команде появился Стужа. И этот мент совсем не возражал, когда Неждан притащил Сыча. Тот вышел на него на чате. Он, с его же слов, искал подходы к самым успешным кланам. Самыми-самыми считались Чёрные псы, но связаться с ними Сыч даже не пытался — у парней явно были принципы. А Неждан... оправдал его ожидания — всего за сто баксов представил Руде и настоял на его платной, за две тысячи зелёными, стажировке в клане — команде требовалось докупить и обновить снарягу. Кстати, его так обозвал сам Неждан, близорукому стажёру запретили носить очки, то есть отморозок сломал их сразу по заключению сделки. Пока привыкал к контактным линзам, да ещё и забывал их надевать первые дни, он, по мнению бойцов, забавно таращил глаза.

Тогда Руда тоже веселился и радовался, ведь и Лют уже смотрел на происходящее с неизменной полуулыбкой. Они крепко задружились с Псами, из врагов стали друзьями-соперниками и почти не отвлекались на всяких любителей — занимались выяснением своих отношений. И вместе праздновали победы-поражения. Черныш пригласил Руду и Люта в закрытый клуб кен-до, старший брат Люта, специалист конторы по силовым и огненным контактам, отрывал время, предназначенное на коньяк и охоту-рыбалку, для, так сказать, консультаций. Неждан, пронира, едва ли не узурпировал Серёгу, и тот, что удивительно, вовсе не возражал. Лют на это никак не реагировал, и Руда тоже не видел опасности. Да и не было, кроме Неждана, другого средства противодействия Плюшевому, обезбашенному джокеру Псов. Ну, не мог же он предвидеть, что кланы обоими составами одновременно зажмурятся и в матричном виде попадут на корабль дураков! А там всё повернулось в неожиданном ракурсе. Неждан и Плюшевый, эти отмороженные анархисты, прямо Командорскую власть под сомнение не ставили, просто самим фактом и способом своего существования являлись врагами любого общества, а в их пиратском случае стали опасностью номер один. Лют сразу понял беспокойство Командора и сделал всё, что от него зависело, — улыбнулся и сказал, — Всё будет, как тогда. Как должно быть.

Успокоил, блин! Поняв, что для спокойствия Командора сказанного не достаточно, добавил, — они как аммонит, полезная штука, только не нужно дёргаться.

Ну, конечно! Кто бы спорил?! Успокаиваемся и изо всех сил стараемся не терять

самообладание, медитируя на ящике с динамитом! На корабле дураков!! В океане!!!

Как только отбили склянки, отведённые на вечернюю кормёжку, парни Занозы и Ножика двинули к опостылевшим канатам на такелажные работы. Отчётливо помню — Джонни на меня оглянулся! Он ничего не хотел спросить, ни в чём не упрекал — мальчишка улыбнулся, прощая и понимая... меня! Здорового, резкого мужика!! Гм, пусть и дохлого малость, но ребята ж не знают!!! И тут Руда, как назло. — Закери, на мостик, Сбитый, на полуют, занятия по графику...

— А мы уже, — с ленцой бросил Плюш через плечо, неспешным шагом направляясь следом за Ником.

— Ага, отзанимались мы, — я всё-таки счёл необходимым обернуться к Командору и дружески ему улыбнуться, — ещё до ужина.

И сочтя объяснения исчерпывающими, пошёл себе за Ванькой. Иду и думаю, что вот сейчас и посмотрим, какой он силой нас наделил. Пусть сделает за мной хоть шаг, пусть сука попробует протянуть ко мне руку. Ну, глупости конечно — всякая чушь от нервов лезет в голову — Руда промолчал, остался на месте. И очень хорошо, мне бы очень не хотелось испытывать свои новые «сверхспособности» на Длинном Джеке. Он всё-таки свой, родненький, даже для Захара. Наши непростые отношения в пиратской стае только формировались, и строились они на общем чувстве свой-чужой. Я явственно ощущал отношение Захара. Его детский ужас, что гнал мальчишек на палубу по головам таких же перепуганных детей. Его непроходящий кошмар, в котором трюм заливают вода, и выхода нет, люки никто не откроет. Своими мальчишкам могли быть лишь такие же пацаны, с тем же страхом в глазах, кому ничего не нужно объяснять.

Впрочем, другим они тоже ничего объяснять не собирались, других они могли уважать, слушаться, но прочие навсегда оставались им чужими. Мне Захар тоже душу не открывал, сам залез в неё без спросу, как и все вселенцы. Потому только мы, призрак, смогли стать этим парням по-настоящему своими. И именно поэтому я и Плюш не могли оторваться от пацанов. Стать кому-то своим уже после смерти — это вам не фунт изюму, дорогого стоит. А без пафосу — я боялся за ребят, просто знал, что за ад, полный бесов, клокочет за их флегматичными лицами. В море «следующая вахта» — штука довольно условная. На судне всегда есть работа — вязать, развязывать, плести. Мы, двумя ватагами с казачатами и близняшками, будто и не было никакого мятежа, вместе с «засранцами» боцманской команды орудовали нехитрыми приспособлениями, скромненько сопя от усердия. Сэру Грегори, видимо, тоже померещилось, что он всё ещё шкипер на обычном каторжнике. Да и я отчасти виноват, сколько он мне выдал подзатыльников — даже не указал ему на непристойность его поведения. А ведь старый пакостник бил не меня — моего Захара! Как бы реагировал сам Захар? Наверное, как Ник — только мирно сопели послушные, старательные мальчишки, и вдруг мгновенья будто растянулись. Медленное движение шкиперской руки, Ник томительно плавно оборачивается, его рука скользит за спину, под рубаху... Плюшевый стартует с места, я с колен перехожу в полу-присед...

И события закрутились чёртовым калейдоскопом! Ник сэру Грегори едва кишки не выпустил всего лишь за подзатыльник — Плюш вовремя среагировал, послал парня в

нокдаун, еле успел дотянуться в отчаянном прыжке! А я, или будто кто-то за меня уже наносит подскочившему Томасу ладонью в лоб. В развороте подсечкой роняю обратно на палубу уже шагнувшего к шкиперу Жору, по доскам, блеснув на солнце, покатилась заточка! Некто во мне выхватывает нож и рычит. — Всё, уроды! Всем п-дец!!!

И тут Джонни и Джеймс, сволота малолетняя, достают ножи и встают со мной рядом с левой и правой руки! Я хренею — Ванька сразу получил ребром ступни под колено, Яшка выхватил ребром ладони в кадык — выронил ножик, согнулся, схватился за горлышко. Продолжая движение, с разворота наношу Джону удар локтем под лопатку, и к хрипу Яши присоединяется вой Джонни под моими пинками. Плюш уже на ногах с ножом наготове, ироничен, — итак, джентльмены, вы хотели что-то сказать? Нет?

И как заорёт. — Заточки на палубу, рожами в доски, ласты на затылок! Быстро, вашу..... суки, в.....!!!

Добавляю от себя деловым тоном, — если у кого найду нож, сразу пушу шкуру на ремни, да-да, даже не сомневайтесь — касается всех.

И тихо отекаю — близняшки, заложницы первые бросили на доски острые железки, виновато на меня глянули и с непередаваемым кокетством улеглись на палубу. Ну да, наследственность же — усмехнулся Захар на краю сознания. Он по-настоящему испугался того, что должно было произойти, но к счастью, не случилось — по доскам один за другим запрыгали ножи. Ага, отобрали у них всё после дела, как же! И как только ребята умудрились прятать ножики, судя по их офанаревшим взглядам — даже друг от друга!? Слава Командору, он это предвидел и предупредил, мы были наготове. И я отметил с особым удовольствием, что Ванька и Джеймс пытались мне помочь! Глупо, конечно, досталось всем одинаково — уж слишком я был расстроен. Ох и стыдобища! Устроили драку, обидели пожилого человека!

Ну, каким местом старый козёл слушал Командора??? Мы определяем, кому что позволено и кто что заслуживает! Не они наказывают нас линьками, это мы всего лишь соглашаемся с ними! И лишь наш загробный авторитет удержал служаку на этом свете — наши радушные улыбки остановили пацанов. Плюш посоветовал застывшему столбом шкиперу, на какой лучше всего вырост натянуть свою амбицию. Атаман за любого своего ватажника не только может, ОБЯЗАН рвать всех, включая Командора. И если почтенному просвещённому мореплавателю что-то непонятно, пусть уточняет у Длинного Джека. Он с удовольствием разъясняет свои приказы тупым, используя совсем тупых для наглядности.

* * *

Парни, не веря в собственное счастье, дожили до отбоя. Мы с Плюшем на кураже недавнего скандала отвели всех в такелажку, я даже позволил себе ехидно-вопросительный взгляд прям в рожу Сэнди, сэру капитану, — типа, вы ж не станете возражать, сэр?

Сэр ожидаемо не возражал, хотя сопел довольно-таки угрюмо. Ну, нам с Плюшем на его неудовольствие насрать, других забот полно. Мальчишки отрубались, но мы-то заряжены на сутки! Пошли на мостик спросить, чем можем помочь. Командор отключился на подзарядку, а Лют послал нас к Чернышу, — передали управление мальчишкам и убежали за горем нахрен!

И про горе он совсем не шутил — четыре склянки сплошного кошмара. Как бы об этом помягче? В стройбате даже по духанке было легче, да и лет мне было больше, чем Захару. Я сдерживался буквально на последних каплях душевных сил. И не потому, что мне казалось, что это нужно Захару. Потому что он сам так решил, ведь рядом скрипел зубами Сбитый Грегори! Пацан скорее сдохнет, чем покажет ему хоть намёк на слабинку.

Всего через четыре склянки, целую вечность ада, блин, мы снова предстали перед Лютом по стойке смирно. Тот приветствовал нас обычной полуулыбкой, — живые?! Странно. Ну, тогда, Плюш, бегом на бак на занятия к Зубу, Неждан, остаться.

Плюш стартовал, я его даже взглядом не проводил, спокойно жду дальнейшего. Уверенно так смотрю в будущее — ну, что ещё страшного может случиться? Лют ласково мне говорит, — вольно, боец. Ты четыре склянки в полном распоряжении сэра Грегори — его и твоя вахта на мостике. Учись, малой, человеком станешь!

Сэр Грегори уже присутствовал, только меня будто не замечал. А тут оборачивается и командует, — натираешь всё медное, чтоб сверкало даже ночью. И пытаешься понять, как я управляю судном. Если что-то непонятно, разрешаю задавать вопросы.

Лют зевнул и простился с нами пока, — успехов, малой, и, пожалуйста, пока я сплю, сэра не ухайдакай, ладушки?

На рассвете я и Плюш едва ли не на карачках, как два вампира в уютный склеп, ползли в капкаюту. В мозгах у каждого пульсировало тревожное сообщение «низкий уровень батарей, подключите зарядное устройство». Но мы ж никому не можем показать, насколько нам хреново — пытаемся поддерживать непринуждённую беседу.

— Что ты на баке делал?

— Да Зуб, падла, оказывается, тоже на ТОФе [это Тихоокеанский флот] служил.

— В смысле тоже?

— Без смысла, блин. Связист он, сигнальщик. Два часа выдалбливания мозга с размахиванием флажками. А ты?

— А я медяшки натирал, пока сэр Грегори пытался учить управлению судном и трость об меня изломать.

— Везёт же некоторым, дядя Жора добрый!

Действительно нам повезло — добрый Командор без лишних слов сразу нас отключил. Просто отключил, последний раз...

Три часа снова вычеркнуты из сознания. Очнулся одновременно с Плюшем и сразу встретился взглядом с Рудой.

— Как себя чувствуем? — спросил с заботливой тревогой.

— Ты не поверишь — великолепно! — за нас обоих изумился Плюш.

— Ну, это ненадолго, — улыбнулся Командор, — общее построение. Бегите к своим, ведите на палубу, чтоб к следующим склянкам все стояли сусликами!

— Может, орлами? — скривился я от неумной шутки.

— Можно и орлами, — легко согласился Руда, — выполнять!

— Ай-ай, сэр Командор, сэр! — как кто-то проорал за нас. Блин, да это ж мы у пацанов рефлексy перенимаем! Так с момента вселения ещё и месяца не прошло, что ж дальше-то будет? Захар тут же заметил, что ничего особенного со мной не случится, если судить по моей склонности забивать общую голову всяким шлаком. Вот ведь ехидина! «Ну, покомандуй, умник», — передаю ему управление. Он комплексовать и ломаться не стал, с упоением просто вцепился в рычаги и припустил к такелажке с Грегори наперегонки. Ага, «пусть слоники побегают»!

— Аврал! — наши ребятки явно решили друг дружку переорать, — на палубу!! Стройся!!!

Мальчишки, хоть и спали вдвое дольше нас, выглядели паршивенько, почти не отдохнувшими. Но их захватила эта военная игра, пацаны рванули, как на пожар, и с уморительной серьёзностью пытались встать смирно, спросонья протирая глазки кулаками. Только это для нас они уморительны. Вернее, именно поэтому Захар рассвирепел. — Руки по швам, лупетки не таращить!

— Командор смотрит на вас! — взбеленился Грегори. — Вы засранцы или пираты!?

— Сбитый, Закери, заткнуться и встать в строй! — открыл Руда торжественную линейку.

Я в душе Захара катаюсь со смеху — все пацаны уже в строю и смотрят на Командора, только два наших чуда вопят перед своими ватагами! Ну, чисто клоуны, лечить нечем! Захар смутился, покраснел и, послав всех на хрен, отключился. А мне-то что сделается? И с Плюша всё как с гуся вода, спокойно встали в строй. Командор раздражённо на нас посмотрел и, презрительно скривив губы, начал речь. — Все готовы?

— Ай-ай, сэр Командор, сэр, — вразнойбой прокричали мальчишки.

— Тогда гуд монин.

— Гуд монин, сэр Командор, сэр, — нестройно отозвалась ребячья толпа.

— Парни, мы все теперь свободные люди. Нам плевать на судей и их дурацкие законы. Мы все джентльмены!

Руда сделал паузу для осмысления. Ребята не совсем его поняли, но вступление им явно нравилось.

— И жить мы отныне будем как подобает джентльменам! Первое..., — Командор набрал воздуха, — джентльмену не подобает врать! Второе — джентльмену не подобает трусить! Третье — джентльмену не подобает ругаться и склочничать с другими джентльменами!

И он выдал попутавшим мальчишкам свои правила вежливости! Никто, конечно, ничего

не понял, судя хотя бы по Захару и Сбитому — они сразу после построения повели ребят к Чернышу. Так им вчера у него понравилось, что они решили и пацанов осчастливить, чтоб не пришлось больше за них краснеть перед Командором. А ребятки у нас точно не глупее остальных. Но мы-то с Плюшем слушали очень внимательно и запомнили всё слово в слово, по пунктам. Начиная с первого — не врать!

Случай посмотреть, как действуют правила Командорской вежливости, не заставил себя ждать. Через две кошмарные склянки мы уводили своих еле живых, но счастливых, ребят на вахту. После строевой подготовки у Черныша они осознали, насколько легко и весело поработать на рангоуте каких-то несчастных четыре часика! Но беда в том, что на вахты привлекались не только мы, с нами стояли ещё две ватаги и ребяташки в прямом подчинении моряков. Ну, с безватажными проблем не было. Но вот какая незадача — кое-кто из наших огольцов в прошлую вахту не добрал линьков. Сэр Сэнди поинтересовался, кто и сколько задолжал, у пацанов, понятно, начисто отшибло память. И тут Тони, боец из смежной ватаги, решил нам кое-что напомнить. Джонни среагировал мгновенно, — дружок, ты хочешь мне сказать, что я вру?

Ник задумчиво уставился сначала на меня, потом на Плюша. Не будь вчерашнего инцидента с сэром Грегори, он бы сразу порезал нахалу потроха. Плюшевый всё понял и принял, по-моему, единственно верное решение, — увянь, Ножик. Он это сказал не нам, а своему атаману. Ведь он же не хотел, чтоб за оскорбление его убили на месте. Не так ли, Энтони?

— Да, сэр, — потерянно пролепетал правдолюбец.

— Ты всё услышал? — презрительно обращаюсь к его жожаку, — тогда вали к Командору с докладом и до встречи на мостике!

На этом, казалось бы, вопрос был исчерпан, ребята решили, что дело пошло по инстанциям, и почти забыли о нём. Часы, вернее склянки, грохотали по нашим мозгам, как по рельсам, — вахты, занятия, работы, сон, построения. И неожиданно наступило почти забытое послезавтра. Плюшевый сказал мне тогда, — в этот раз, чур, я первый!

И ушёл вместе с ватагой Занозы на мостик, на суд Командора.

Я проводил Плюша с тяжёлым сердцем, меня придавила уверенность — он повёл ребят убивать. Я уже видел такую его отстранённость, весёлую серьёзность там, в М-е, когда мы вдруг осознали, что игры закончились — всё это на самом деле! Захар тоже беспокоился, только по другой причине — против дюжины пошли всего семеро наших, если не считать Плюшевого. Он правильно не стал его считать, ведь с ним суд превратится в простое убийство, противника не сможет спасти даже Командор. Задача Плюша просто своим присутствием не позволить Руде в последний момент пересмотреть правила. На Люта как секунданта надежда слабенькая, а другие вселенцы вряд ли пожелают присутствовать при таких делах.

В те страшные склянки, боюсь, я был излишне резок с казачатами и ребятами Ножики. Зная себя, я даже отослал близняшек от греха разговаривать с близнецами насчёт нормальной обуви и одежды для мальчишек. Они, вроде бы, в авторитете у дяди Грегори, ну, мы ж на полном серьёзе его предупредили, что он только на том свете, не раньше, успеет сообразить, чем обидел наших курносых сокровищ. Хотя надежд я на разговоры, конечно, никаких не питал — дело с амуницией и обмундированием словами не решить, и вопрос этот на самом деле не считался первоочередным. А главным в тот момент мне казалось дать мальчишкам почувствовать, что нет никакой разницы, где они находятся, со мной или на Командорском суде — с корабля дураков не убежишь.

Без всяких изысков поставил всем составом на колени с деревяшками на головах. И уронивших свои чурочки бойцов вызывал на спарринг без ограничений. Блин, как я их тогда не поубивал — не пойму! Ванька и Джеймс, не становясь на колени, сразу демонстративно отбросили палки. У ребят своя гордость, им тоже требовалось как-то погасить огонь беспокойства за братцев. Впрочем, своё одобрение я высказал по-своему, дальнейшие схватки парни наблюдали, скорчившись на палубе, изо всех сил стараясь не скулить. Я их «не замечал» — пусть мальцы полежат, сидеть на коленках они б тогда всё равно не смогли. И это было единственным проявлением моего уважения — всех остальных я возвращал в исходное положение.

Благо, что Плюш быстро вернулся... Господи, что я несу! Они пришли к такелажке всемером, с Плюшевым. Спрашивать ни о чём не хотелось, всё было ясно по понурому виду парней — они не отрывали взглядов от палубы. Только братишка, когда я тронул его за локоть, поднял на меня совершенно большие глаза. Не отводя взгляда, говорю ему, — в следующий раз пойду я. Обещаю.

— Следующего раза не будет, — сквозь зубы процедил Плюш, — клянусь!

Я сразу его не понял, он нехотя пояснил, — клянусь, что я больше ни за что не буду стоять столбом, когда будут убивать моих мальчишек. Кто бы при этом ни присутствовал и что бы ни говорил.

Захар задохнулся ужасом, будто исчезла из-под ног корабельная палуба и разверзлась бездна морская до самого ада! Он быстрее меня сообразил, что сказал Плюшевый, и... кому он это сказал! Он во всеуслышание заявил, что ему похрен приказ Командора. И я должен

его убить прямо здесь и сейчас, если Командор с его приказами для меня хоть что-то значат. Я должен убить лучшего друга, чтобы потом вести своих ребят на мостик и спокойно наблюдать, как их там будут убивать??? Ага, щщаз-з-з! Схватил братца за руку выше локтя, сжал и повторил за ним, — клянусь!

Ребята застыли, и ни звука, перестали даже сопеть. Немая сцена, дошло до всех — мы все умудрились оказаться за чертой, вне закона... на корабле дураков! Впрочем, они ещё могут уйти, порвать компрометирующие отношения. Мы, не стовариваясь, обернулись к пацанам, те синхронно сделали ничего не понимающие, нарочито придурочные лица. Клоуны, блин! Родненькие!

Я тогда был на грани истерики, уверен, что Плюшевый тоже. Но так вовремя вернулись Китти с Кэтти и, не знаю, какой ангел им подсказал, — они привели Тони и Пью, близнецов! Или неодинаковые братцы сами увязались за нашими печеньками, неважно это, мы вцепились в них, как в спасательный линь. И каким-то особым чувством девчонки просекли, что нам прямо сейчас необходимо.

— Ребята, ну, покажите, вы же обещали! — потребовала Китти у близнецов.

— Кажется, мы не вовремя, — смутился Хаски.

— Ага, вон у Зака отчего-то совсем лица нет! — замялся Маламут. Захар мягко перенял на себя рычаги и завопил:

— Aah

Buddy you're a boy make a big noise

Playin' in the street gonna be a big man some day

You got mud on yo' face

Грегори подхватил:

You big disgrace

Kickin' your can all over the place

Singin'

И парни заорали хором:

We will we will rock you!

We will we will rock you!

Близнецы вломили по душе благодарной публике акробатическим хип-хопом, парни в сладостном культурном шоке принялись отбивать ладошками ритм. Вот какие могут быть от них тайны, когда один нагалёныш даже умудряется вытаскивать из моей памяти то, что я и не помнил никогда?! Какие нафиг секреты на каторжном судне, когда на баке слышно, как рычит шкипер на мостике?! И разве такое от пацанов утаишь???

Дружище, ты еще мальчишка, шумный непоседа.

Играешь на улице, мечтаешь о будущей славе.

У тебя грязь на лице,

На тебя стыдно смотреть.

Гоняешь вокруг консервную банку,

Напевая:

Мы еще покажем рок'н'ролл!
Мы еще покажем рок'н'ролл!

Дружище, юноша, ты просто герой!
Орешь на улице, готов сразиться со всем миром!
У тебя кровь на лице,
На тебя стыдно смотреть!
Вышагиваешь вокруг как знаменосец,
Напевая:

Мы еще покажем рок'н'ролл,
Мы еще покажем рок'н'ролл!

Третий куплет не захотел вспоминаться, да и правильно — дожить до него нам явно не грозило.

Тогда единственный раз мы позволили парням пропустить боевую тренировку. В разгар праздничка появился Черныш. Он, наверное, что-то хотел обсудить, но забыл, зачем пришёл, так на него подействовало происходящее. Потерянно спросил, что это такое творится? Захар его побаивается, сразу будто за меня спрятался, я и сказал, как сам это понимал. Ну, поминки у нас! Проводили братишку, как следует, как нас проводят когда-нибудь братцы. «П-дец, лечить нечем»! — резюмировал Черныш и ушёл, больше не сказав ни слова. А близнецы и не поняли причин нашей особой душевности. Сдуру остались с нами на вахту, Плюшевый их сразу предупредил — до первой порции! На вахтах и авралах власть отцов стала абсолютной, (наша власть!) дисциплина — врождённое английское качество. Мы, как все ватаги, принимали наказания — Захарка первым задирает рубаху... и поначалу удирал в астрал. А в тот день сам грязно меня обругал, гад такой! И вынес всё вплоть до отливания водой Атлантики. Упорол я косога, каюсь — от порыва ветра узелок ослаб, не затянул, промухал.

Поспорили тогда с близнецами, эти деточки при нас вспомнили приказ Командора! Так вовремя!! И самое пикантное — какой приказ!!! Командор, видите ли, запретил линьки, даже обещал за них зарезать, тьфу ты, ё ж моё! Лаперуз хренов! Кстати, тоже командор, именно на него и ссылались трюмные гуманисты. Ну, я не стал уточнять, кто должен был резать по приказу Руды, сказал только, что раз он на хирурга учился — ему и скальпель в руки. С этим они нехотя согласились, но продолжали настаивать на увещевании просоленных английских моряков, мол, они ж не глупее прочих, приказавших выбросить линьки за борт. Пришлось пуститься в объяснения, чего я очень не люблю. Если человека просто не бить, он будет кому-нибудь за это благодарен? Ведь не будет, правда? Другое дело, если его пороли каждый день лет десять подряд и вдруг в знак особого доверия перестали это делать. То есть, чтобы этот трюк с гуманизмом вообще сработал, кому-то до этого пришлось минимум десять лет полировать матросские спины. Кстати, в какое плавание ушёл Лаперуз? Правильно, в кругосветное, его экипажи комплектовались исключительно опытными матросами, способными оказанное доверие, и оценить, и оправдать. А у нас в морском смысле ещё детский сад, и...

Тут я схватил Хаски за шкуру и прошипел ему прямо в ухо, — это я, сука, разрешаю морякам пороть своих ребят, даже Захара, просто чтобы не пришлось это делать самому! А теперь пошли вон, засранцы!

Близнецы спешно поползли на палубу. Мне стало стыдно, ещё и Захар принялся изводить ехидными подначками. Такая я, значит, бронелобая тварь, что совсем не понимаю, с кем нужно так обращаться, а с кем ни в коем случае. Заметил уже особое отношение ребят к курносым менестрелям — ладно, учтём. Потом как-нибудь, а пока пора бы нам вспомнить, что мы немножечко на вахте. Болтали ж прямо на рангоуте, пока руки делали рутинную работу... ага, за себя и за гуманистов — они как вцепились в рею, так и лежали, стараясь не шевелиться, только, не понять как, умудрялись языками молотить. Но с другой стороны работа успокаивает, мобилизует. У нас даже стало что-то получаться. Я почти обрёл душевный покой, но, видно, так уж в тот денёк сошлись звёзды.

Если наказания мы не оспаривали, с поощрениями всё обстояло намного сложнее. Мы искренне считали, что кроме нас никто не может поощрять наших зверёньшей. В конце концов, только мы знаем, что им действительно нужно! И никто не должен к ним даже приближаться! Тем более к моему Захару!!! Помнится, я сразу подумал, что Билли Бонс — не самое удачное имя для пиратского персонажа. Я так много хотел ему сказать... что нарушать приказ Командора ладно, в смысле не смертельно, то есть не сразу... если не при мальчишках, и если не вовлекать в это дело других, например, Захара... что алкоголь — вообще яд, а предложить выпивку ребёнку — покушение на убийство, на его свободу... Но я тупо и молча смотрел, как из его сонной артерии фонтаном хлещет на палубу кровь. В сознании на фоне полного Захаркиного охренивания веселилась мыслишка, что это карма — и этого Бонса сгубили ром с кровопотерей. Захар больше попутал от того, как легко я смахнул его с руля.

— Молодцы, парни, на, малыш, подкрепись, — сказал моряк напоследок, отстёгивая с пояса флягу. Это были последние слова мистера Бонса, которые Захар разобрал в полном разуме, дальше сознание опустело, пацан ощутил лишь абсолютное, мёртвое спокойствие, а его тело само выхватило кортик...

Вот что имел ввиду Командор! — подумали мы уже вместе, немного потом... Я ни в коем случае не винил Руду, ведь это не было сделано только по его приказу, или под его воздействием. Это сделал я сам по своему глубокому убеждению именно так, как считал нужным. Просто некоторые мысли я перестал облекать в слова, формулируя сразу, в действии. А раз так, нефиг пересаливать сцену драматизмом.

— Падаль за борт, продолжить работы, — спокойно скомандовал мальчишкам Захар, вернув себе контроль. Он тоже ничего не собирался объяснять словами, слишком уважал братьев. Ребята всё поняли правильно, особенно то, что их никто даже не пытался «успокаивать» в абсолютной в них уверенности. У нас так никогда и не поинтересовались, зачем я это сотворил. Даже Командор, хотя, наверное, тем более Командор. Ведь именно этого он хотел, не так ли?

В тот день на мостике дядя Грегори словно озверел — тростью доказывал себе, что никого не боится и ничего не прощает. А я молчал, глядя в палубу, терпеливо дожидаясь малейшего намёка на неслужебную реплику. Я его аж умолял мысленно: «Ну, пожалуйста, прикажи поднять глаза! Ну, что тебе стоит»? Так и не дождался, наверное, к счастью — он всё-таки неплохой дядька. Тогда мне вполне хватило Билли Бонса. К тому же... блин, Руда оказался настоящим Командором, то есть редкой сволочью! Мы приползли к нему за проклятой подзарядкой. И убедились, что ползаем в капкаюту не за отдыхом, не за умением каким-то особенным, а, как собачки, за разрешением! Точно, как пёсики, которым вбитый рефлекс не позволяет обоссать хозяйский ковёр!!!

Мы чуть ли не скулили «спать»!!! А с нами вели неспешную беседу. Сначала Плюш рассказывал, о чём он думал, когда припёрся на мостик с ватагой Занозы. Руда с мудрецами, Чернышом, Пушком и Лютом, оказывается, уже придумали, как всё разрулить без крови и по-честному — они ж не могут врать пацанам. Но пришёл Плюш, Ник оглянулся на него и в лицо Командору сказал «НЕТ»! Прилюдно послал нахрен и потребовал ножи!! И чёртову дюжину мальчишек пришлось выбросить за борт!!!

Плюш сквозь муть перед глазами и гул крови в ушах снова послал Руду уже лично от себя — ему важнее не врать себе, в отличие от всяких мудрецов. И Командор может убиться об переборку — сделанного не вернёшь, отныне все знают, что за слова придётся платить кровью, словоблудие не прокатит. И мудрецы были вынуждены с ним согласиться — прецедент создан, теперь пацанов не остановить никакими самыми умными и добрыми словами. Но они! Просят нас!! Больше никогда не водить ватаги на мостик!!! Да, конечно, не очень-то и хотелось, теперь можно спать?

Фигушки, следующим стал я. Пришлось рассказывать, что произошло с беднягой Билли Бонсом. Хорошо, хоть я наученный предыдущим опытом рассказывал во всех подробностях, начиная с визита Черныша и спора с близнецами. Выслушали не перебивая, я из последних сил хотел было спросить Руду, что он сам об этом думает, но он, наконец-то, дал команду спать...

* * *

Наша пиратская жизнь будто сломалась, дальше всё пошло через... э... бредовые приключения. Сразу после построения приступили к тренировкам, старательно друг друга убеждая, что всё как всегда, ничего такого не произошло. Но оглядываюсь на сидящих на коленках бойцов — что за глюк! Лишний пацан сидит на палубе вместе с моими, молчит, скромненько потупился. Ладно, не обращаю внимания. Отрабатываем всё тот же прямой, только у Ваньки, Яши и ещё парочки шустрых парней получилось задеть мою ладошку, и они перешли на новый уровень — тренируются бить левой. А там и к двоечке перейдём. Поработали до полуденной кормёжки, пошли, кто на ногах, питаться, а приبلудный так и остался вместе с лузерами на палубе. Пришли с обеда, продолжили, думаю — скоро вахта, нужно что-то решать. И тут очень вовремя по нашу душу заявила целая делегация, нет бы им немного задержаться! Подваливает к баку десяток реальных пацанов, один выходит вперёд, указывает на новенького и заявляет, что они пришли вот за этим. Он, атаман, должен наказать его своей, то есть данной Командором, властью. Признаться, меня вся эта командорщина просто достала, психанул... Да опять что-то во мне проснулось, врать не буду — абсолютно спокойно, даже с отстранённым интересом вынул нож и метнул атаману в горло. Пацан забился на палубе, разбрызгивая кровь. Он дёргался, а я говорил его бойцам, что отныне и навсегда по всем вопросам мы с Плюшем за своих парней отвечаем сами, сразу на месте — Командор запретил нам участвовать в поединках на мостике. И коль уж их ватага осталась без атамана, они прям вот сейчас поползут на мостик к Длинному Джеку за решением своей участи. Только сперва вытрут и принесут мне ножик, а потом выкинут падаль за борт — у засранцев слуг нет.

Ребята не стали с нами спорить, ведь может быть, Длинный их сразу не убьёт, он же

Командор, не как некоторые. Ножик мне прогнувшись вложили в небрежно протянутую ладонь, труп парнишки плюхнулся в волны, а его ватажники шустро поползли на мостик, как и было сказано, на карачках — мы с Плюшем проследили. Ванька с улыбкой водрузил новенькому на голову деревяшку и потребовал представиться. Тот дёрнулся, уронил деревяшку, проговорил, — Крис без клички.

— Ну, прям как я, — улыбаюсь парню, — ты принят. Упор лёжа, отжимания от палубы. Считай отжимания... вслух считай, недоделок!!!

На вахте чувствовалась натянутость отношений. Понятно, что английские моряки, простые их натуры, чувствовали себя слегка не в своей тарелке в нашем благородном обществе. Мы тоже особенно к сближению не стремились, и дело могло повернуться скверно, кабы не деды, кои англицких и всех прочих бар на колу вертели и в сортире видели. Уложили парней, разошлись на индивидуальную практику. Снова иду на нелюбимую вахту на мостике ерундой заниматься — склянки переворачивать, в колокол их отбивать, за лагом следить, считая узлы, да по компасам курс отслеживать. По сути время медитации, часть отдыха. Ну, это в идеале, если не считать придинок дедов. Командуй им, как будто кроме меня больше некому. Вот как должно идти судно по данным волнению и ветру, и что для того требуется?

Поубивать старых, да идёт оно раком! Чем такое терпеть! Сэру капитану положена трость, орудие его труда, блин, и он сука старая не лодырь какой-нибудь. Точно, грохну уroda и всё, вот что мне сделают? Тот же Командор? Ну, допустим, мне-то уже ничего, а Захарушку просто убьёт, не отдав мне, потустороннему вирусу, команду на сон. И будет прав, ведь «Правда всегда одна...», для всех, блин, «так сказал фараон...», даже хуже фараона. «Товарищ Сталин, вы большой учёный», медицинское светило, мастер анатомирования... хотя лапочка просто, если по сравнению с сэром капитаном! А эти педагоги, чтоб их всех! Вот папа моего школьного дружка Сявы пеника нашего за меньшее гораздо на полугодовой больничный оформил. Сяве показалось забавным помяукать в хоре, так учитель пеня его из класса выгнал, и всего лишь забыл, что дверь внутрь открывалась.

Иду в грустных размышлениях, а меня незнакомый дед окликнул по-русски. Откуда взялся? А! Это ж дед казачат, и как я забыл, что не все мои курсанты сироты?

— Да, отче. — Изображаю на лице умную такую серьёзность.

— На!

— У ё..., ну, падла! — как, наверное, тогда сказал наш пеник...

— Тьфу, сопля, а внучки про тебя такого порассказали! И такой ты и сякой. А на самом деле — говно.

— Я ж тебе говорил, Паша, — басит кто-то.

— Да помню я, Коля. Надо же было посмотреть. Вставай, падаль. Поздоровайся.

— Чтоб ты сдох, тварь! — встаю, здороваюсь, как и просили.

— На в довесок.

— С-с-сука!!! — а что ещё скажешь?

— Хм, норов у мальчика есть. А ну-ка ещё...

— Уй, уроды, загрызу! — даю комментарий к их поведению.

— Кажись, подходящий, Коля.

— Да, Павлик, пойдёт.

— Сынку, ты не бесися. Мы на тебя смотрели. Внучок Петя про тебя сказал. Правильнс сказал, будет с тебя толк.

— Больше бить не будете? — интересуюсь на ближайшую перспективу, мысленно переводя дух. Если б меня как пеника, убили бы нахрен. Я-то в отличие от того бедолаги

полностью заслужил.

— Будем. — Горестно обнадёживает дед на будущее. — Ещё сильнее будем бить. Ну как ещё из английского говна сделать казака? Сам посуди?! Нам бы и мараться лень, но за тебя внучата просили. Петруша тебя своим спасителем почитает. Ну, и мы к тебе, как к родному.

— Благодарствую, отче, — пытаюсь балагурить.

— Во, а ты говорил, что они вежества не знают!

— Не говорил, Паша, а так тока...

— Ин вьюнош избит, а вежлив. То дорогого стоит. — Дед Паша наставительно, уже воспитывает, блин. Ещё одна старая сволочь на мою голову!

— Ну, красавчик он. Добрый будет казак, или дохлый. — Вторая старая сволочь на нашу больную башку!

— Убью, с-с-суки! — прыжком подрываюсь с палубы.

Дед Паша как-то махнул рукой, и просто выключили свет. Свет включили неприятно. Ладонями по лицу. Ладони у них грубые и мозолистые. Как подошвами ботинок натёрли.

— О, сынку, живой! А я уж подумал, что уходил тебя!

— Чего ему сделается, Паша? Казаки с одной плюхи недохнут.

— Прав ты, свояк, добрый будет казак. Я его сразу в пластуны буду учить, — чем-то непонятным очень доволен добрый дедушка.

— А в кого ж ещё, коли оно только и ползает? — другой дедушка ироничен, — брось, Пашка!

— Надо, Коля. И парнишка подходящий. — Не принял хохмы его товарищ.

— Ну, тебе видней, атаман, — как-то привычно сразу согласился другой.

Так и познакомились, дальнейшие представления были излишни. Отцы хотели сразу перейти к делу, типа пока одно баловство было, но я совершенно честно-серьёзно отмазался неотложными судоводительскими делами на любимом мостике под руководством душевнейшего сэра Сэнди. Типа нафиг-нафиг, вахта на мостике важнее всего. И провёл время на мостике на кураже! Ведь из-за Криса я уже второй раз нарушил приказ Командора! Он меня просто обязан списать — даже мне это ясно. Но казаки в ученики выбрали именно меня, и выберут ли после нашей с Захаром общей кончины кого-нибудь ещё, не известно. Зато очень хорошо известно, что вслед за нами придётся как-то спровадить за борт или сломать две ватаги и казачат. Решаю, что ещё поживу.

Командор сумел нас удивить, мы как-то смогли ещё удивляться в том состоянии! Мудрецы нас внимательно выслушали, Лют сказал, — правильно!

Черныш попросил, — отныне приглядывайте там.

А Руда выдал, — пожалуйста! Хорошо? Вот и славно, теперь спать...

Нужно отдать Командору должное, он не был ни маньяком, ни шалопаем, вернее, был, конечно, но и нельзя ему отказать в гибком уме, в желании понять каждого. Руда ещё при жизни составил мнение о сталкерах обоих кланов и, когда они дружно переформатировались в матричном виде, когда всё заметно усложнилось, повысил внимание, стал намного серьёзней, сосредоточенней. Длинный Джек отнёсся к его озабоченности этакой ерундой снисходительно — он ведь не способен бояться людей. Знай Длинный Руду при жизни, он бы брезгливо скривился от разительной перемены, превращения резкого, авантюрного, уверенного в себе атамана в заложника. Сын лорда просто в силу собственной природы не мог представить себя жертвой или палачом. Для Руды же, с его честным воображением, этот факт прямо следовал из положения, в котором они оказались — посреди Атлантики в обществе малолетних психопатов на корабле дураков.

И он с облегчением выслушал те же соображения от советников, заметил признаки тех же выводов в поведении, вроде бы, отмороженных на всю голову Плюша и Неждана. Обезбашенные джокеры стали держаться вместе, обеспечив себе спины, собрали свою банду, подконтрольную лишь им лично, успешно ищут конкурентные преимущества — проныра Неждан сумел пролезть в ученики к казакам и, как у него принято, нагло монополизировал их внимание для себя и своего дружка. В ответ на резонную просьбу поделиться, нагло послал его, Командора, к «микробам, им делиться привычней!» И тут же, картинно «подумав», предложил представить его казакам в обмен на «умение отдыхать!» Гадство, конечно, не скажешь же ему, что замок их строгого ошейника заключён в их же головах, в их вере в него, Командора. Ещё большее гадство это то, что они, Плюш и Неждан, считают вполне для себя естественным торговаться с Командором... но это же и главная радость — для них так же очевидно, что они все друг другу и заложники, и палачи. И самое ценное — им это ни разу не метафора, ещё при жизни не привыкли чересчур отвлекаться на слова, а после смерти и вовсе перешли на язык прямого действия.

* * *

Командор с ужасом осознал, что не может без них обойтись. И дело совсем не в том, что их стараниями, вернее, ножами... да просто самим фактом присутствия, поддерживался джентльменский дух в первобытном пацанячем сообществе — Джек, Гарри и Поль справились бы и сами, нашли бы время. Он не мог обойтись без этих бунтарей в главном своём деле — в медицине. Руда серьёзно приготовился — отвёл собственную, бывшую капитанскую, каюту под медотсек, там и стол уже был, и крюк в подволоке для фонаря. Сам фонарь ему сделали Лют и Близнецы из нескольких свечей, линз и зеркал. Удачно нашёлся инструмент хирурга с «Забияки», тревожить самого хирурга, на секундочку британского офицера, пока не решились. На «Подарке» озадачили провизора всеми микстурами, что только смогут быть полезными, прежде всего, наладили перегонку спирта из рома. Культурно попросил леди перетряхнуть наворованное тряпье на предмет перевязочного материала и шёлковых ниток. Они же поделились иголками. Сочтя материальную базу пока

достаточной, Руда впал в медитативный транс — принялся передавать основы Джеку, ведь резать предстояло именно ему, а он в научном смысле имел дело лишь с мертвецами. Кстати, его приказом убитых запретили выбрасывать сразу, лишь на другой день, когда в «операционной» дышать уже было невозможно. Южные широты, жара, всё быстро протухает. Это обстоятельство слегка испортило репутацию Джека, потерять которую, казалось, не было никакой возможности. Руда почувствовал смутное беспокойство где-то на третий день чисто учебной практики — где живые пациенты? Не уж-то все здоровы? Гм, отчасти да — совершенно на голову больных, готовых добровольно прийти в «операционную» не нашлось, не смотря на любые боли.

Взглянуть на ситуацию со стороны ему помогли Неждан с Плюшевым — они просто за ноги приволокли к нему Джеймса, у бедняжки вскочил свищ, но обращаться за врачебной помощью он стеснялся. Даже орал и брыкался, так его же дружки зафиксировали Яшу на столе и держали всё время медицинских процедур. Дело стронулось с мёртвой точки — пациентов Командору поначалу стали таскать сердобольные, душевные мальчишки, прям медбратцы просто, только вместо красных крестиков они на рукавах вышили смайлики, улыбку Джека. Командор догадался поручить за самочувствием мальчишек следить лично атаманам, и упаси их Создатель, чтобы Грегори или Захару не пришлось задать им прямой вопрос, — у тебя точно все здоровы, приятель?

Так что атаманы уже сами серьёзно озаботились диагностированием, доставкой и помощью Джеку при операциях. Эти мероприятия здорово укрепляли нервы и командный дух в ватагах. Но самые смышлёные атаманы были просто мальчишками, что с них возьмёшь? Ну, болит у пацана животик, режет в боку — может само пройдёт? Пациента доставили очень серьёзные Неждан и Плюшевый. Первая полостная операция — удаление аппендицита. Антибиотиков нет, антисептика — спирт, анестезия — деревяшка в зубы и иммобилизация. И ни в коем случае нельзя терять сознание, пока Джек режет и шьёт по живому. Руда выдержал, Длинный сотворил чудо, мальчишка пролежал в горячке неделю и нехотя пошёл на поправку. К тому моменту Руда уже сам удалял зубы, гланды, очищал гайморовы полости, вправлял вывихи, складывал сломанные косточки и штопал порезанные шкурки. У мальчишек постоянно что-нибудь болело, и рядом всегда оказывались мальчишки со смайликами на рукавах.

Неждан был прав, конечно, полагая, что ни до чего хорошего такие повадки не могли бы довести. И ни капельки по этому поводу не переживал — они все не напрасно верили в своего Командора. Руда хладнокровно шёл на отчаянные меры, будучи уверенным в своей команде, он знал, что на Неждана и Плюша найдутся тормоза и противовесы. Приказ доводить ребят до бунта он дал только лучшим в этих вопросах специалистам обоих кланов. Что-то приказывать Чернышу у него и мысли не возникло — он сам, по своему внутреннему убеждению, предельно конкретно разъяснял мальчишкам, какво бунтовать против Командора и против него лично. В этом деле он нашёл неожиданного помощника в лице Стужи. Вернее, в лице Грязного Дика с матрицей Стужи в голове.

Дик не был грязней остальных, это просто невозможно. Ему дали прозвище за постоянные просьбы к Всевышнему очистить его. Бедняга искренне раскаивался в содеянном и мучился обычными подростковыми бедами. Вдобавок к ним мальчишку с

детства перекормили «опиумом для народа». Как подросток, отдали по бедности в подмастерья, фактически в рабы, хотя для него в принципе ничего не изменилось — всё те же привычные тяжёлые работы, побои и вечное недоедание. Дика даже не смущали насмешки, главное — не мешали молиться, он мог оставаться наедине с Ним даже в конуре барака батраков. Но хозяйскую дочку забавляла его реакция на простые слова, улыбки, её смех. Избежать муки не было никакой возможности, молитва не помогала — она лишила его возможности молиться, лишила покоя, мысли путались. Всё валилось из рук, ноги подгибались, мир вокруг застил алый туман, отдаваясь гулом в голове с каждым ударом сердца... Дик был просто вынужден защищаться — убил её отца топором, прилюдно, прям в мастерской. Рубанул по руке с корявыми пальцами, по ноге выше голенища тяжёлого сапога и пробил затылок, рухнувшей к его ногам, пьяной сволочи — он больше никого не схватит за волосы или за ухо, не пнёт куда попало, никогда не изрыгнёт грязные богохульства.

Дик стоял с окровавленным топором над трупом хозяина и, пользуясь всеобщим оцепенением, пытался осмыслить случившееся. Но мёртвую тишину и пустоту в мозгу высверливал истощенный девчоночий визг — эта зараза так и не дала ему подумать! И как он её тогда не отправил вслед за папочкой? Эта мысль не давала ему покоя, когда пришедшие в себя рабочие, скрутили его, когда он, избитый до полусмерти, дожидался казни в каменном мешке. Он постоянно думал об этом в трюме корабля дураков — убивать нужно было дочку! Тогда её папочка убил бы его сразу, на месте, в любом случае, он уверен, мёртвая девчонка не смогла бы ему помешать обращаться к Нему. Дик беспрестанно взывал к Богу, просил очистить, молил услышать... ну и выпросил себе на голову участкового из будущего, из другой страны.

Повезло, в общем. Нет, реально повезло — для российского околоточного Дик оказался обычным, только слегка запущенным случаем. Стужа совсем не теоретически знал, что девяносто процентов всей преступности — это бытовуха, а из неё девять десятых насилие в семье. Мент, конечно, попутал от попадания, но не сильнее Неждана или Плюша, и сразу с облегчением отметил, что малолетний псих ему достался непьющий и не наркоман — иначе вообще хана, а так с ним можно работать. Первые дни он просто слушал мальчишку, не особо обращая внимание на то, как тот его обзывал — то ангелом, то демоном. Стужа резонно полагал, что пацан тоже имеет право на истерику, и слушал, слушал... терпел, попутно управляя персонажем в этой непростой игре. Наконец, парень немного успокоился, даже смог впервые за чёрт знает сколько времени нормально выспаться. Он с удивлением осознал, что ничего особенного с ним не случилось! Такое происходит сплошь и рядом, даже вселение в него потусторонней сущности вовсе не уникально. А в жизни столько действительно интересных и важных вещей! Например, как бы самому не загнуться и не дать парням поубивать друг дружку.

Грязный Дик действительно верил в Бога, и слова Его о любви к ближнему многое для него значили. Конечно, в случае нужды, ни секунды не раздумывая, он проломит голову любому из них, но сначала, как и его демон, сделает всё, чтобы до этого не дошло. В общем, парни друг друга хорошо поняли, даже спелись, и Стужа естественным образом занял положение «доброго следователя» при Черныше. Он тоже, как и Чарли Ёрш, Весёлый Гарри вёл строевую подготовку, но лишь в режиме подмены и больше упирал на физкультуру.

Мальчишки не получали ни малейших поблажек, но отчаянно тянулись к нему, к его добродушным подначкам, непрошибаемой уверенности в себе, в них. В конце концов они чувствовали настоящую веру Дика, которая ни ему, ни им не оставляла места страхам и злобе.

А внешне, без лирики, им казалось, что с Диком просто интересно. Он, оказывается, досконально знает корабль, зубодробительные названия так и сыпались из него всегда вовремя, только по делу, и ему никогда не надоедало объяснять и повторять. Откуда бы такие познания в столь юном теле? Оттуда. Стужа с детства болел кораблями, клеил модели, читал, даже отучился на кораблестроительном факультете. Причём, что о многом говорит, доучивался, отслужив в армии. Быт согнул и его, в органах лучше кормили, но не сломал, просто профессия стала хобби — себя-то не переделаешь. И ему стало казаться, что всю предыдущую жизнь он на самом деле готовился к этой, невозможной, наполовину виртуальной, напрочь незаконной — настоящей его жизни!

И такой по-настоящему нужной! Пацаны, даже с вселенцами в мозгах, почти не смыслили в морском деле, без руководства моряков никак. Но у них свой взгляд на обучение, а у других, у Неждана и Плюша, например, совсем обратный. Учитывая характеры тех и других, не приходилось удивляться побочке учебного процесса, к примеру, судьбе Билли Бонса. И Стужа на авторитете «демона», заслужив знанием предмета уважение моряков, стал незаменимым. Если Неждан и Плюш всегда были только со своими пацанами, для Стужи все мальчишки стали его. Он не покидал палубу, выступая «вечным помощником» вахтенных начальников. Главное — моряки его стараниями были почти избавлены от необходимости общаться напрямую с отмороженками неуправляемых джокеров. В его присутствии даже они превращались в улыбчивых, покладистых лапочек, и ребятишки просто отдыхали душами на реях. Невероятно, но им самим порой приходилось назначать себе наказания, консультируясь с Диком, кому, сколько и за что.

* * *

Одна беда — Стуже было никак не разорваться. Он не оставлял «Бродягу» ни на минуту — Плюшевый и Неждан держали своих пацанов при себе, а на других судах у них пока не было срочных дел. Он валился с ног — его, как и всех, касались занятия по судовождению, сигнализации, строевой — и не успевал. Один бы Стужа не вывез, конечно, к счастью это от него и не требовалось. Клановый дух, командные задачи — эти понятия успели стать частью сталкерских натур. Просто понимали они их по-разному, но, тем не менее, каждый в меру своего разума работал на командный результат.

Пушок просто исполнял свой профессиональный долг психолога, при жизни волонтера, социального работника в реабилитационном центре для больных химической зависимостью. И в профессиональном плане для него ничего не изменилось, ведь на встречах он первым делом говорил новичкам. — Запомните лица друг друга. Через год половина из вас умрёт, а через пять лет в живых останется лишь один из десяти. Такова статистика. Это касается, в том числе, и меня — стаж моей трезвости всего чуть больше года.

Прежде всего, он учил больных людей жить сейчас — не вчера, не завтра, а сию секунду — блин, да пока они живы, смерти нет! На корабле дураков его задача значительно упрощалась, подростки иначе жить не умеют. Его пацан, Эндрю Окошко, просто запретил думать о смерти, он сделал для Пушка главное — поверил в него. Поверил, не смотря на пьянчугу отца, от которого пацан сбежал из дому. Не смотря даже на пьянчуг братьев, с которыми они грабили и, в конце концов, попались по пьяни. Пушок старался уже не за жизнь, а за совесть — наполнял жизни ребят по-настоящему интересным, развивающим контентом, будто всех их ждут долгие годы жизни и непростые испытания. За отправную точку он взял игру, благо у некоторых пацанов появились монеты, что остальными было воспринято как вопиющая несправедливость, требующая немедленного исправления. А выиграть же намного интересней, чем просто отобрать или стырить.

Простейшие игры и методы развода на бабло уже внедрялись Нежданом и Плюшевым, олицетворением подростковой банды при нормальной советской школе. Пушок взялся выправлять ненужный крен в развитии и через игру нашёл свой путь к ребячьим душам. Он придумал занятный психологический тренажер — русские шашки. Сам, фанат этой забавы, расчертил палубу, раскрасил деревяшки и устроил сеансы для всех условно отдыхающих. Правда, в его исполнении русскими шашки оставались недолго, очень скоро были внесены свои специфические пиратские поправки в регламент партий оттого, что играли исключительно на деньги. Игроки делали ставки и напряжённо думали. После воплей вокруг больших шахмат в городском парке странно воспринималась гробовая ребячья тишина и застывшие, безучастные лица. Любой возглас, жест, гримаса могли быть расценены как подсказка со всеми печальными для подсказчика финансовыми последствиями. Он автоматически «проигрывал» обоим противникам — платил размер ставок из своего кармана, потому без серебра к шашкам не допускали. А что там делать даже с монетами? О, пирату везде найдётся, чем торговать и с кем поторговаться! В торгах за партию могли участвовать лишь те ребята, что стояли со стороны «своего» игрока. Занять сторону можно было один раз за одну партию. Шахматных часов, конечно, не было, потому обходились двухминутными склянками, ход обдумывался, пока песочек сыпется. Сделав ход, часы переворачивали — чем дольше думал, тем больше времени дал противнику на обдумывание. А если песок высыпался, партия продавалась. Ставка игрока не изменялась, но тот, кто предлагал больший откуп, мог доиграть партию. Свои монеты он досыпал в банк и забирал обе ставки, если выигрывал. На этом маленьком дополнении к правилам разыгрывались нешуточные драмы с захватывающими поворотами. Пацаны не спешили занять позицию, внимательно изучали присутствующих, оценивали ход партии. Торопливость и горячность неизбежно наказывались, ведь никто не запрещал пари на исход и никто не гарантировал, что партия не «разыграна» на публику и противники не играют на «один карман». А что такого? Ну, обман, война вообще — путь обмана, жизнь пирата — путь войны. И никто не обманывает простофиль, кроме их же глаз и самомнения. Истинная мудрость постигается лишь в шкуре осла, то есть на собственной шкуре. Главное — вырабатывает критическое отношение к действительности. Верь кому и во что угодно, но всё подвергай сомнению, и денежки только вперёд. Весь мир — театр, и люди в нём всякие, сдав шубу в гардероб, подальше прячьте номерок.

Главная и самая ценная помощь Командору пришла с неожиданной стороны, от, казалось бы, устранившихся от всего пиратского непотребства «нормальных» сталкеров. Зуб и Клык просто остались на «Подарке». Они сами и парни их, Угрюмый Джордж и Эб топор, не были нюнями с утончёнными натурами, особенно показавший себя натуральным карателем Зуб. Просто они не были мальчишками, ну, в намного меньшей степени, чем остальные — серьёзные, основательные, хозяйственные мужики. Они начисто игнорировали «Бродягу» и Командора со всеми детскими играми в пиратов. Руда являлся для них главой клана, и точка, никаких нахрен лордов! Даже Длинному Джеку хватило ума не нарываться, не лезть к дядькам с глупостями — заняты чем-то, и пусть их.

А занимались они уходом за живностью и всяческими вопросами вкусностей и удобств. Их мальчишки, засранцы, так и прилипли к ним ещё в М-е. Селяне посреди Атлантики умудрились организовать настоящую семейную ферму. Мальчишки под их суровым, немногословным, но чутким, человеческим, руководством возились со щенками, козлятами, цыплятами, особо доверенные лица были допущены к кроликам. Ну, а крысы, пиявки, жабы, опарыши и прочее воспринималось как неизбежные в любом хорошем деле осложнения. И если на любые другие «грязные» работы посылали в виде наказания, то за вахты на «Подарке» Руда устроил соревнования. Ребята с «Бродяги» стартовали сразу на двух шлюпках — проигравшие возвращались обратно за линьками. Но желающих рискнуть составить «очередникам» конкуренцию в «свободное» от вахт время не убавлялось. Ведь кроме милого пиратского сердцу сельского хозяйства на «Подарке» обитали гражданские. Живые, настоящие девчонки! Они с мамочками выхаживали больных, у парней всегда были приличные поводы для визитов. И как-то само собой естественно добрая тётка зашила приятелю сынка штанишки, а он с друзьями помог в хлопотах. Сначала дестилят из фляжек, потом шиллинги пошли в обмен на оладушки и варёные яйца. И капелькой сюра в этом благолепии стал пиратский хор при воскресной школе дона Алесио, почтенного владельца «Пеликана». Ну, ему ж ничего не стали объяснять, и он всё ещё немного сомневался, что его зафрахтовали не совсем правильные англичане.

* * *

К слову о неправильных англичанах, о близнецах. Они также отказывались что-либо понимать, все пиратские мерзости парни легко пропускали мимо сознания. Их носители оказались слеплены и замешаны на том же оптимизме пополам с авантюризмом. Эти милые подельники, ангельски трогательные курносые мальчишки повадились подрабатывать на похоронах незнакомых состоятельных жмуров. Начинали ещё в церкви, а уж когда прохиндеи, искренне скорбя, присоединялись к процессии, ни у кого не возникало вопросов, какого чёрта они тут делают? И надо ж было Тони Хапу тяпнуть у покойничка прям из ящика те часы! Вроде бы прошло удачно, и тикалки попались занятные, блин, с красивым гербом на корпусе. С ними их и взяли, Пью лопухнулся на утиралке бдительного джентльмена. Наследников часов сразу нашли, и вот незадача — бывший владелец закончил

жизнь от пробития его затылка чем-то тяжёлым. А родственники заявили, что они б никогда не зарыли такую хорошую вещь вместе с не очень ими любимым дядюшкой. Заразы даже не переодели мужика, сэкономили на услугах, а самим было лень или некогда — так торопились зарыть того хмыря. Хотя полиции стоило бы задуматься об этакой поспешности, убийство и часики повесили на трогательную парочку — так богобоязненные души служивых потряс цинизм их ремесла.

И никакого цинизма — просто немного воображения и капелька психологии, в общем, близнецы попали по адресу, к родственным душам. Угомону на них не было и быть не могло. Попали парни к сэру Грегори — клановый вклад в общую помойку, так сказать. Неждан с Плюшем особо предупредили дядю Гришу насчёт курносых, так ребята оказались не в подчинении, а под покровительством. Времени у них было достаточно, пацаны, лишённые надежды, с завистью на них поглядывали и разрывали чуткие сердца. В общем, начали они понемногу мастерить, чему весьма способствовал сэр Израэль. Пленные плотники валялись в трюме попеременно с другими пленными, и никто не хотел разбираться — некогда всем. А с сэром Грегори у него отношения не сложились — заявил дядя Изя, что ему достаточно приказов шкипера Джона или Командора, сэр Грегори и послал его по всем заявкам. А тут Пью и Тони застенчиво подходят и почтительно спрашивают, не нужна ли дяде Изе какая-нибудь посильная помощь, а то у них нет доступа к инструменту с материалом. Да Боже ж мой — как детям отказать? Таким курносым?? За которыми стоит сам Командор??? Да ещё и себе же на пользу — вот у Грегори рожу перекосит!!!

Первым делом сделали прототип скейта. Сам скейт-борд пока оставался в смелых замыслах, для начала поставили на деревянный каток ровную дощечку и при пацанах балансировали, кто дольше. Едва пиратики успели разориться на эту ерунду, ещё толком не наигрались, как близнецы продемонстрировали «попрыкунчики», короткие лыжи для скакания по палубе — у всех пацанов просто посрывало крыши! Однако гиня за две палки — явный перебор! Но уговаривать засранцев не получалось — за ними отчётливо маячили смайлики на рукавах отморозков Зака и Сбитого. Так получилось само по себе. На пати у юта мальчат «из-под палубы» не допускали «настоящие пираты», на рабочих местах ни о каких развлечениях и мысли не могло возникнуть. Оставался только пятачок у такелажки. Неждан с Плюшем всегда были рады курносым затейникам, те запросто привели таких же, в принципе, засранцев. А парни Джона Ножика и Ника Занозы, не говоря о казачатах, считали себя выше любой дискриминации. Сами отщепенцы, заступившие все приличия, нарушившие все приказы, они продолжали демонстрировать свой пофигизм. На вечеринках у такелажки приятелям близнецов не нужно было опасаться не то, что худого слова, неприветливого взгляда. И сэр Грегори немедленно воспользовался «пряником» — стал отпускать ребят на «танцульки» лишь по заслугам, что сразу подняло его авторитет в глазах пиратской молодёжи. Старикам это лестно, он на этой почве даже с дядей Изей помирился. А у мастеровых и близнецов заметно порос авторитет в глазах ватажных ребят, у парней Зака и Сбитого и особенно у двух девчонок.

Если честно, с них-то всё и началось, просто захотелось подвести под исторический процесс солидную базу «без лирики». Романтика началась с маленькой просьбишки Неждана и Плюшевого. У их ребят появились специфические обязанности и сложное

общественное положение, но они пока — совсем не суперы. Они, конечно, пообещали за каждого своего парня выбрасывать всю ватагу виновного за борт, но им нельзя терять ни одного пацана! Одним смайликом от ватаги не отобьёшься, а ножки им рановато — ещё порежутся. И для развития нужен снаряд, вот и придумали — нун-чаки. Близнецы просто сказали, — вам завтра, остальным по руке надо делать, чтоб быстрее освоили.

Принесли они нам снаряды, и принялись снимать мерку, почему-то с близняшек первых. Но девчонкам не понравился результат, и они попросили что-то переделать — то ли шнурок одной удлинить, другой укоротить, что-то сделать тяжелее, а там посмотрим. Когда все уже увлечённо махали палками, временами поскуливая, временами даже от счастья, эти ещё с сомнением поглядывали на очередной шедевр близнецов. А как же они это терпели? С восторгом! Блин, по печенькам хотя бы видно, что они одинаковые, но как Китти с Кэтти в двух непохожих подростках угадали родственные души? Только Бог знает, и Он, судя по всему, на нужной стороне. Вот близнецы и повадились проводить весь досуг поближе к девчонкам, а за ними следом с юта на бак откочевала самодеятельность — все брэйк-пати и рэп-батлы стали проходить у такелажки.

* * *

Кем-то сбоку от крестьян и близнецов стоял независимый Своята. Командора он так же, как и Зуб с Клыком, не считал настоящим, да и не мог считать. Ведь Невиноватый Джонни действительно ни в чём не был виноват — обычное дело для правосудия. Ирландские крестьяне в те времена имели множество причин для недовольства и высказывали его, как умели. Власти на критику реагировали нервно — ловили и вешали. Вот батя Джонни приютил беглецов. Тогда, как всегда, это называлось укрывательством, и когда пришли солдаты, исход для всех был ясен и однозначен. Погибли и отец, и братья, и странники, только Джону повезло. Он помогал сопротивляться в меру своих малых сил, но никого убить не сумел, был ранен и потерял сознание. Потому сразу мальчишку не повесили, сочли мёртвым. Его священник подобрал, Богу — богово. Привёл в чувство, накормил, спать уложил. И сдал властям, кесарю — кесарево. Джон был Невиноватый, а Егор — мастер спорта по стрельбе из лука, Робин Гуд и Чин Гачгук в одном флаконе. Действительно независимый, свободный человек, способный ради пары набросков залезть чёрт знает куда, уютно себя ощущающий в любом лесу, реке, или на горе. Он ни от кого не бежал, просто сам ушёл от неприятного ему общества. Исключением стала бесшабашная «Варанга», всегда внезапный как гюрза и простой как шланг Нежданушка, парадоксальный Руда, афористичный Стужа, загадочный Лют. Егору даже стало казаться, что он встретил настоящих людей, и он стал Своятой.

Но Кто-то свыше, в Кого Джонни верил всей своей детской душой, засунул Свояту вот в это. Он ни секунды бы не остался в этом обществе, но его мальчуган действительно ни в чём и ни перед кем не виноват! И не ему, матрице никому ненужной ни здесь, ни там, кого-то судить. Тем более осуждать. Впрочем, оправдывать он тоже никого не собирался, называя всех и всё своими именами. Только кому нужны проповеди на корабле дураков? Своята просто жил, как считал правильным и не делал того, что считал неприемлемым. Он не бил детей, не учил их убивать, хотя и умел это делать. Он не стал их вооружать — и без него

нашлись мастера и выдумщики. Однажды Своята взял у Люта линзу и выжег для близняжек орнамент на нунчаках. За волшебную стекляшку ему уже через два дня предложили три гиней. Мастер не продал волшебную линзу, но и просьбы научить оставить без внимания не мог. Смотался на «Подарок», приволок пяльцы, разноцветные нитки, иголки — Руду чуть культурным шоком не выгнуло таким сюрсом — малолетние убийцы вышивающие крестиком! Но и это не всё — каждый обзавёлся гладкой дощечкой, мастер показывал, как рисовать угольком паруса, корабли, облака, лица...

К Свояте относились как к неопасно больному родственнику, и совершенно напрасно, всё он понимал и всё для себя решил. В тайне от всех Невиноватый Джонни под его руководством мастерила свой первый боевой лук.

* * *

А про Сыча Руда, как всегда, забыл — живой, и ладошки. Сыч всё не просто понимал, он точнее всех знал, что вероятность их выживания в рамках погрешности неотличима от нуля, искренне полагал, что ему, как исследователю, эмоции фиолетовы — и дотошно разбирался в этих самых погрешностях, случайных всплесках на гладких кривых, ведущих к неизбежному обрыву. Он пришёл к очевидному даже для не математика выводу — если статистические законы не дают нужного результата, нужно переходить на уровень личных решений. К чему его изо всех своих невеликих сил толкал Пройдоха Пит. Он считал себя цыганёнком, вернее, гордым цыганом. Цыганского в нём было — слегка смуглая кожа и чёрные волосы, что в условиях каторжного трюма совершенно не бросалось в глаза. Но если от властей он происхождения утаил, просто чтоб сразу не повесили, то в трюме скрываться ему было унижительно — удавили бы нафиг, если б не вмешательство Чарли Ерша. Пит себе не льстил, всю весёлую ночку он провёл рядышком с Командором, но дальше прятаться за чужой спиной считал невыносимым. Сыч оценил все за и против, и решил не терять более времени. Он давно заприметил ребят терпеливо выжидающих, стоя на коленях у такелажки, когда на них обратят внимание, — ты принят, упор лёжа принять. Отжимания от палубы, считай отжимания. Вслух считай, недотыкомка!

В то утро Неждану с Плюшевым стоило немалых душевных сил «не заметить» щуплук фигурку нового претендента на место в их команде.

* * *

Больше книг на сайте — Knigolub.net